

В Ъ С Т Н И К Ъ
Е В Р О П Ы,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Карамзинымъ.

Ч А С Т Ъ Ш.

М О С К В А , 1802.

ВЪ Университетской Типографіи
у Люби, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Московской Ценсурь.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

М А Й 1809.

№ 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ВСЕ НА БѢДУ,

Исторія Эмигранта.

(Окончаніе.)

Два часа провелъ я въ ужасномъ волненіи: и могъ ли не пронуться чувствами осьмнадцати - лѣтней дѣвицы, которая, получивъ отъ отца дозволеніе быть супругою любимаго человѣка, по собственной волѣ имѣла великодушнѣе жертвовать любовью благодарности? Я узналъ Софію тогда, какъ ее лишился — и горестъ моя была конечно основательна.

Однакожь, прибѣгнувъ къ разсудку, я утѣшился твердоспійю моей души, воображая, что въ оправду мнѣ навсегда остаемся по крайней мѣрѣ дружба милой

Софїи и добродѣтельнаго Мерптона. Положивъ черезъ два дни выѣхать изъ Англіи, я рѣшился бытъ твердымъ въ глазахъ тѣхъ людей, копорыхъ доброе мнѣніе всего болѣ льстило моему сердцу. Эна мысль нѣкоторымъ образомъ меня успокоила, и въ три часа упра я могъ лечь на постелью.

На другой день я самъ захопѣлъ ѣхать съ Флорзелемъ къ Г. Мерпону, подкрѣпляемый чувствомъ славы, копорое дѣлаеть все возможнымъ. Человѣкъ поступаетъ смѣло въ трудныхъ случаяхъ жизни, зная, что онъ поступаетъ добродѣтельно, и что другіе ему удивляются. Г. Мертонъ принималъ Флорзеля холодно. Софїя казалась печальною; глаза у нее были заплаканы. Она мало говорила, часто краснѣлась, и нѣсколько разъ пожимала руку мою съ трогательными знаками дружбы. Флорзель былъ въ замѣшательствѣ, чувствуя мое превосходство. Софїя также принуждала себя, и не смѣла при мнѣ изъяслять любви своей къ Флорзелю. Это замѣчаніе уменьшило для меня горесть разлуки и выѣзда изъ Англіи. Докторъ Мертонъ явился къ обѣду и показался мнѣ еще несноснѣе прежняго. Онъ уже зналъ все, и радовался внутренно,

не любя меня и восхищался Флорземь. Думаю, что великія похвалы его имѣли вліяніе на склонность нѣжной племянницы.

Ввечеру Г. Мерстонъ повелъ меня въ кабинетъ, и спрашивая о моихъ обстоятельствахъ, дѣлалъ мнѣ разныя испинно дружескія и великодушныя предложенія, отъ которыхъ я рѣшиительно отказался, не для того, чтобы спыдился его милосердіемъ, но чтобы довершить героическую жертву свою. Впрочемъ такое безкорыстіе не могло дорого стоить человѣку съ моимъ тихимъ и совсѣмъ нечестоплюбивымъ характеромъ. Я сказалъ Господину Мерстону, что имѣя луидоровъ триста, хочу ѣхать въ Гамбургъ, войти въ домъ къ какому нибудь банкиру, трудами умножить свой маленькой капиталъ, купить землю въ Голштиніи и навсегда тамъ поселиться. Г. Мерстонъ подумалъ, и хваля мое намѣреніе, сказалъ, что дастъ мнѣ письмо къ Гамбургскому банкиру, его пріятелю. — Прощаясь, мы оба заплакали; сердце мое распадалось съ истиннымъ и великодушнымъ другомъ своимъ. На другой день я выѣхалъ изъ Лондона. Г. Смитъ, Гамбургскій пріятель моего благодѣтеля, съ радостію помѣстилъ меня въ своей конторѣ. Черезъ

нѣсколько недѣль Г. Мершонъ увѣдомилъ меня, что дочь его вышла за Флорзеля.

Прошло мѣсяцевъ шесть. Господинъ Смитъ въ началѣ Сентября предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Голштинію; на что я съ удовольствіемъ согласился, думая выбрать тамъ мѣсто для будущаго моего уединенія. Мы остановились въ Шлезвигѣ, и опшуда поѣхали верхомъ осматривать живописное мѣстоположеніе *Пагероя*, славнаго по своимъ роцямъ и видамъ. Я плѣнился его красою, не находивъ ни въ Англїи, ни въ Швейцарїи лучшей картины. Тамъ разсѣяно множество сельскихъ домиковъ, въ которыхъ живутъ богатые крестьяне. Мы зашли къ одному земледѣльцу: онъ вызвался показать намъ прекрасной новой домикъ, приготовленный для одного богатаго чело-вѣка. Насъ привели къ такому жилищу, котораго наружность не могла ничѣмъ плѣнить, но котораго внутренность соединяла всѣ возможныя прїятности для любителя красотъ сельскихъ и простоты со вкусомъ. Маленькая роца, лугъ, огородъ, садъ и скопной дворъ съ разныхъ сторонъ примыкали къ домику. Я завидовалъ щастью хозяина, и мы хотѣли уже выйти; но Г. Смитъ воротился назадъ, говоря, что намъ не показали еще одного

запертаго кабинета. Проводникъ нашъ вынулъ изъ кармана ключъ и отдалъ его Господину Смипу, которой, отперевъ дверь, велѣлъ мнѣ войти туда. Прежде всего замѣнилъ я на стѣнѣ большую картину; взглянулъ — и съ величайшимъ изумленіемъ, съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца, увидѣлъ портретъ Господина Мертона!... „Вы хотѣли знать имя хозяина,“ сказалъ мнѣ Г. Смипъ: „теперь конечно знаете его. Здѣсь все вамъ принадлежитъ“.... Я упалъ на кресла, и забывъ удивляясь, чувствовалъ въ сердцѣ одно волненіе признательной любви. — Г. Смипъ рассказалъ мнѣ, что Мертономъ поручилъ ему купить для меня самое лучшее мѣсто въ Голшпиніи и выспроить домикъ по плану, имъ самимъ сдѣланному. Ахъ! сколь украсилось еще это любезное жилище мыслию о томъ человѣкѣ, который мнѣ дарилъ его! Съ живѣйшимъ удовольствіемъ я все осматривалъ снова, и едва могъ расстаться съ нимъ, для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ въ Гамбургѣ, обѣщая себѣ какъ можно скорѣе возвратиться въ милое уединеніе, гдѣ великодушная дружба исполнила всѣ мои желанія для тихой и прелестной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ я пробылъ не долго въ Гамбургѣ, но выѣхалъ изъ него не

одинъ. Случай познакомилъ меня съ госпожею Д*, Французскою Эмиграншкою, копорая была въ самомъ несчастномъ состоянїи, и шѣиъ привела меня въ жалость. Я предложилъ ей убѣжище въ своемъ домикѣ: она съ живѣйшею благодарностію на то согласилась; и мы 27 Сентября отправились въ *Пагерой*. Госпожа Д* была тогда сорока - шести лѣтъ; имѣла еще нѣкоторые ошатпки красоты, блестящіе глаза, прекрасные зубы и страшное кокетство. Видѣвъ ее только въ несчастїи, я заключилъ объ ней совсѣмъ несправедливо; думалъ, что она тиха, молчалива, основательна, скромна; но скоро увидѣлъ ошибку свою. Живъ до Революціи въ избыскѣ и пышности, она была до крайности испорчена лестию, и несчастїя, удержавъ дѣйствіе пороковъ ея, ни мало ихъ не испребили. Впрочемъ она имѣла нѣкоторое добродушіе и разумъ.

Первыя двѣ недѣли прошли для меня какъ самый плаънишельный сонъ. Я безпрестанно былъ въ восторгѣ, смотря на свой домикъ, на всѣ приборы его, особливо на лугъ и садикъ. Благодѣтель мой не забылъ ничего; все, что могло довершить мое щастіе, было у меня въ глазахъ или подъ рукою. Два шкапа, изъ краснаго дерева, заключали въ себѣ лучшія экономическія

книги ; прекрасныя куры гуляли вокруг домика ; двѣ большія коровы и коза расхаживали по лугу. Сидя подѣ окномъ въ моемъ кабинетѣ, я видѣлъ всѣ свои богатства : лугъ , садикъ , цвѣтникъ , сосновую рощу — и говорилъ себѣ : „Безъ помощи воображенія и памяти наслаждаюсь всѣмъ, что имѣю ; однимъ взглядомъ обнимаю свое истинное счастье ; пространство не скрываетъ отъ меня собственности, которая, удовлетворяя всѣмъ потребностямъ, совершенно опвѣтствуетъ моему физическому и моральному характеру : ея предѣлъ есть предѣлъ моего зрѣнія. Какая мнѣ нужда, что за моимъ заборомъ есть ландшафты, которыхъ не вижу ; есть деревья и цвѣты, которыхъ благоуханіе до меня не доходитъ ; есть гульбища, которыхъ ушомили бы мои ноги своимъ отдаленіемъ ? Человѣкъ, занимая собою одну точку въ мірѣ, не долженъ распространять своего владѣнія за предѣлы чувствъ.“

Госпожа Д* изъясляла мнѣ живѣйшую благодарность и прелестныя для меня чувства ; увѣряла, что счастливо любишь уединеніе и сельскую жизнь ; охотно раздѣляла со мною всѣ труды хозяйства ; смотрѣла, вмѣшивъ съ нашею служанкою, за коровами и птицами ; илко-

нецѣ приходила разговаривать со мною, когда я работалъ въ саду. Мнѣ оспавалось только радоваться своимъ благодѣяніемъ и пріятнымъ обществомъ такой любезной женщины, согласной со мною во всѣхъ склонностяхъ. Но, мѣсяца черезъ два, я невольнымъ образомъ замѣтилъ въ ней разныя слабости, которыя удивили и огорчили меня. Вообще она слишкомъ много говорила и занималась уборами совсѣмъ не по-деревенски: одѣвалась то Нимфою, то Аркадскою пастушкою; обыкновенно украшала свою голову большою гирляндой изъ васильковъ; румянилась какъ актриса, и забывая лѣта, хохотала всегда прыгать и рѣзвиться какъ ребенокъ. Другая слабость ея была еще опшратительнѣе; а именно, Госпожа Д* любила притворяться чувствительною, иѣжною до крайности, распротанною при малѣйшемъ случаѣ. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя падаютъ въ обморокъ безъ всякой перемены въ лицѣ, и всегда опѣ *моральныхъ* причинъ; но которыя, не смотря на вѣчныя спазмы и нервныя слабости, ѣдятъ очень хорошо и полспѣютъ.

Спранности Госпожи Д* ежедневно умножались, и зимою сдѣлались гораздо непріятнѣе; такъ, на примѣръ, по вече-

рамъ она разсказывала мнѣ свои безконечныя романтическія испоріи, и едва могла счесть бѣдныхъ любовниковъ, которые отъ ея жестокости приходили въ отчаяніе. Все это мучило меня несказанно, вмѣстѣ съ великими знаками ея дружбы; но, вѣря ихъ истинѣ, я тайлъ скуку и досаду свою, а только одну искреннюю пріязнь обнаруживалъ. Нѣсколько разъ она говорила мнѣ о богатомъ Любекскомъ банкирѣ, спрашиво въ нее влюбленномъ; я не отпѣчалъ ей на то ни слова, боясь длинныхъ ея испорій; а думалъ, что этотъ страшный любовникъ женатъ, когда Госпожа Д* не выходитъ за него.

Она умѣла играть на гитарѣ и пѣть. Хотя голосъ у нее былъ совсѣмъ непріятенъ, однакожь мнѣ лучше хотѣлось слушать ея пѣніе, нежели разговоры, изъ которыхъ всегда выходили только одни дурные романы. Воображая, что шалантъ ея плѣняетъ меня, она всякой день часа по два услаждала слухъ мой своимъ пѣніемъ; но въ одинъ вечеръ не приняла изъ рукъ моихъ гитары, отговариваясь *меланхоліею*. Я не только не примѣтилъ въ ней меланхоліи, но еще во весь этотъ день удивлялся опмѣнному ея веселью и жеманству; она прыгала, рѣзвилась, и всячески *задира*ла меня, болѣе,

нежели когда нибудь. По своему обыкновенію я не думалъ любопытствовать; но она сама объявила, что хочетъ открыть мнѣ великую тайну. Я вздохнулъ, предчувствуя, что услышу опять испорію. Въ самомъ дѣлѣ Госпожа Д* рассказала всѣ подробности ея связи съ Любекскимъ банкиромъ, не хотѣвъ наименовать его по особеннымъ причинамъ *нѣжнаго чувства*. Банкиръ обожалъ ее, былъ свободенъ и хотѣлъ на ней жениться; но она не любила его и не могла *отдать руки безъ согласія сердца*. Вотъ основаніе сего новаго романа, и Госпожа Д* нашла способъ рассказывать его цѣлые два часа! Слушая, я терялъ терпѣніе, безпрепятственно вертѣлся на стулѣ, и старался по возможности удерживать свою зѣвоту. . . Вдругъ Госпожа Д*, взглянувъ на меня съ нѣжносноію, спросила: „что такое? Вы въ волненіи; измѣняетесь въ лицѣ; глаза ваши наполняются слезами!“ . . . Такъ, отвѣчалъ я въ замѣшательствѣ. . . „Однакожь у васъ печальной видъ.“ — У меня болитъ голова. — „Только одна голова?“ сказала она съ какимъ-то нѣжнымъ пискомъ и съ такимъ умильнымъ видомъ, что я невольно улыбнулся. „Пришворщикъ!“ продолжала Госпожа Д*, ударивъ меня пихонько

по плечу: „какъ можно говоришь такую неправду? . . . Но оставимъ это. Мнѣ надобенъ полезной совѣтъ. Вы знаете мое соспояніе; знаете конечно и мое сердце: что мнѣ совѣтуете?“ — Я, я думаю, сударыня, что вамъ не должно опвергать предложеній хорошаго человѣка. — „Вы такъ думаете?“ сказала она опять съ самою ошврапительною нѣжностью. Безъ сомнѣнія думаю, опвѣчалъ я съ досадою, потому что жеманство ея начинало выводить меня изъ шерпѣнія: думаю, что и вы не можете мыслить иначе. . . „На что горячиться?“ сказала Госпожа Д* съ улыбкою великодушной кротости: „къ чему такое сердце?“ . . .

Замолчавъ и посмопрѣвъ на меня приспально, она продолжала томнымъ голосомъ: „Неблагодарный! можешь ли думать, чтобы суетное богатство равнялось въ глазахъ моихъ съ наслажденіями истинной любви?“ . . . Это было ясно. Я пришелъ въ такое замѣшательство, въ такое изумленіе, что оцѣпенѣлъ на мѣстѣ и сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза на Госпожу Д*. Она приняла мое изумленіе за воспоргъ, а безмолвную неподвижность мою за испуленіе любви; бросилась ко мнѣ на шею и закричала:

„чишай наконецъ въ моемъ сердцѣ, но не погуби швоей любовницы!“

Я радъ былъ исполнить такое повелѣнiе; вскочилъ съ мѣста, посадилъ любовницу свою на стулъ и сказалъ ей: „Кажется, сударыня, что вы довольнѣо шушили надо мною; двѣнадцать часовъ уже било: пора спать.“ Не дожидаясь отвѣта, я ушелъ изъ комнаты.

Это смѣшное приключенiе было для меня совсѣмъ не забавно. Каково жить съ безумною, раздраженною кокеткою, и всякой день быть съ нею съ глазу на глазъ? Я нѣкопорымъ образомъ соединилъ участь ея съ моею, принявъ ее къ себѣ въ домъ. Она не имѣла никакого преспитанiя и никакой надежды; исторiя Любекскаго купца была безъ сомнѣнiя вымыслена для того, чтобы узнать мои чувства.

Слѣдующий день былъ самой бурной. Госпожа Д* вздумала играть роль несчастной любовницы, и написала ко мнѣ совершенную Элегию. Въ письмѣ ея всего болѣе поразило меня слѣдующее: „Никогда, никогда не оставлю милаго швоего жилища. Не люби меня; будь нечувствительнѣн: но вся жизнь моя будетъ посвящена тебѣ!“

Я отвѣчалъ ей безъ всякихъ насмѣшекъ и съ великою учтивостiю; увѣрялъ

ее въ дружбѣ и просилъ оставить всѣ дальнѣйшія изъясненія. Но Госпожа Д*, надѣясь еще пронуть мое сердце, приготовила мнѣ множество трагическихъ сценъ : двадцать обмороковъ и столько же исперическихъ припадковъ. Это было не очень трудно для нее : она садилась на кресла или на канапе ; говорила : *мнѣ дурно* ; закрывала глаза , черезъ нѣсколько минутъ опять открывала ихъ , и все шло. Но моя роля требовала гораздо болѣе труда. Надлежало кликнуть служанку , лишь укусъ , ходить за больною , сидѣть подлѣ нее и брать участіе въ глупой комедіи , потому что она для меня игралась. Наконецъ я выдумалъ средство прекратить ее , къ несчастію уже на третій день , а не прежде ; а именно , зная , что Госпожа Д* бѣдился и сурмитъ себѣ брови , спросилъ холодной воды въ минушу обморока , и сказалъ въ слухъ , что намочу ею платокъ и буду тереть имъ лицо у больной. Выдумка подѣйствовала , и Госпожа Д* образумилась. Съ удовольствіемъ сообщаю публикѣ это невинное изобрѣтеніе , которое можетъ быть вѣрнымъ лекарствомъ для многихъ женщинъ , склонныхъ къ обморокамъ.

Съ того времени Госпожа Д* жаловалась только на бѣшеніе сердца и на судорогу въ груди, но не теряла уже памяти.

Все это продолжалось недѣль шесть. Наступившая весна возвратила мнѣ свободу. Я цѣлые дни проводилъ въ саду или въ полѣ, и видался съ Госпожею Д* только за обѣдомъ и за ужиномъ. Поперявъ надежду быть моею женою, она не захошѣла уже прищворяться; спала бранчива, сердита; не думала о хозяйствѣ, и съ презрѣніемъ говорила о сельской жизни. Въ это время я занемогъ горячкою съ желчью, и думаю, что Госпожа Д* своими глупостями не мало способствовала моей болѣзни; но въ семъ случаѣ она загадила вину свою: не опходила онѣ моею постели и не спала нять ночей, имѣя обо мнѣ самыя нѣжныя попеченія. Чувствуя новыя права свои на мою благодарность, она употребила ихъ во зло, и сдѣлалась въ домѣ не госпожею, а пиранкою; познакомилась съ нашими сосѣдами; звала ихъ къ намъ въ гости, обѣдать, ужинать; распочала доходы мои, и давала всѣмъ чувствовать, что она пайная жена моя; слѣдственно мучила, разоряла меня, и сверхъ того дѣлала еще дуракомъ.

Я не рѣдко имѣлъ письма отъ благодѣтеля моего Мерпона, и къ сожалѣнiю своему видѣлъ изъ нихъ, что Флорзель, ведя самую разсѣянную жизнь, сдѣлался игрокомъ, и что любезная Софiя, чувствительная и ревнивая, была нещаслива. Что принадлежитъ до меня, то безъ Госпожи Д* благополучiе мое было бы совершенно. Я душевно полюбилъ Голштинiю, гдѣ дворянство привѣпливо и бѣдно; гдѣ крестьяне учтивы и богаты; гдѣ царствуетъ полная свобода для всѣхъ честныхъ людей. Воображая, что всѣ такiя выгоды суть дѣйствiе мудраго, кропкаго, но деспотическаго Правленiя, я съ удовольствiемъ твердилъ Поповы стихи:

For forms of government let fools contest:
What is best administered is best.

То есть: пусть глупцы спорятъ о формѣ Правленiй; самое лучшее есть то, которое справедливѣе и полезнѣе другихъ.

Такимъ образомъ провелъ я около двухъ лѣтъ въ Пагерофъ. Въ это время всѣ Эмигранты свободно возвращались во Францiю. Хотя сердце мое никакъ не могло навсегда распаться съ милою хижиною; однакожь мнѣ также захотѣлось побывать въ опечествѣ. Я уговорился съ Госпожею Д*, чтобы она осмалась въ моемъ домикѣ,

и дожидалась моего возвращенія мѣсяцевъ черезъ шесть.

Напоминаю Чипанелю, что я за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ написалъ трактатъ о желудяхъ, совѣтовалъ Французамъ во время голода питаться ими, и послалъ его какъ въ Парижъ, такъ и въ Бретанію. Воображая, что сей трактатъ есть доказательство моей любви къ опечеснву, я взялъ съ собою остальные экземпляры его, и прѣхавъ въ Бретанію, отправилъ ихъ напередъ къ Мэру деревни нашей. Хотя домъ и земля моя были уже въ другихъ рукахъ, но мнѣ нестерпливо хотѣлось подышать воздухомъ родины, гдѣ многіе земледѣльцы разжились отъ моихъ благодѣяній. Занимаясь нѣжными мыслями и воспоминаніями, я приблизился на закатъ солнца къ сему любезному мѣсту; ѣхалъ шагомъ; смотрѣлъ на все съ великимъ вниманіемъ, узнавалъ все съ живѣйшею радостію и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ будто бы ожидавъ переменъ въ самыхъ мѣстахъ; и видя поля, нѣкогда мною обработанныя, думалъ съ сердечнымъ услажденіемъ: „Другая рука собираетъ плоды ихъ; но „моя сдѣлала ихъ плодоносными! Неспра- „ведливости людей, опнивая собствен- „ности, не можешь отнять славы у благо-

„дѣшеля. Что теперь чувствую, то
 „всѣ люди испытываютъ въ послѣднiя ми-
 „нуты жизни своей: вижу ничтожность
 „и непостоянство фортуны; не имѣю
 „ничего, кромѣ совѣсти и воспоминанiя
 „дѣлъ моихъ; жертвы и полезныя труды
 „составляютъ единственное для меня
 „сокровище; наслаждаюсь однимъ добромъ,
 „мною сдѣланнымъ — все прочее есть
 „сонъ, навсегда минувшiй!“

Сердце мое распаяло при видѣ деревни.
 Я воображалъ удивленiе и радость моихъ
 прежнихъ крестьянъ, когда они увидятъ
 меня! . . . Ударилъ лошадь свою и по-
 скакалъ; но вдругъ шляпа слетѣла съ меня,
 и мнѣ надлежало поднять ее. Въ эту
 минушу шелъ по дорогѣ молодой крестья-
 нинъ. Я спросилъ у него, живъ ли спа-
 рикъ Бернаръ? и слыша, что онъ живъ
 и здоровъ, сказалъ ему: „уведомь же
 его, другъ мой, что черезъ минушу бу-
 детъ къ нему старой прiятель его Кер-
 калисъ.“ . . . „Какъ!“ перервалъ съ живо-
 стiю крестьянинъ: „вы прежнiй Баронъ
 Керкалисъ?“ — Такъ, другъ мой. —
 Тутъ крестьянинъ безъ памяти побѣ-
 жалъ въ деревню, и въ три минушы
 скрылся у меня изъ виду. Эпизодъ чрезвы-
 чайная поспѣшность обѣщала мнѣ самой
 ласковой прiемъ; слезы покапали изъ

глазѣ моихѣ. „Ахѣ! какѣ сладко бытъ любимымѣ!“ думалѣ я въ умиленіи сердца: „въ этомѣ низкомѣ состояніи людей „всего болѣе найдешъ искренней призна- „пельности!“ Я сѣлъ на лошадь, вѣхалѣ въ деревню, и съ радостнымѣ шрепетомѣ увидѣлъ множество людей на улицѣ; крестьяне толпами бѣжали ко мнѣ на встрѣчу. . . . Но пусть Чипатель вообразилѣ мое изумленіе, когда я, вмѣсто ласковыхѣ привѣтствій, услышалѣ одно страшное ругательство и опасныя угрозы! Хотя оцѣпенѣлъ отѣ ужаса, однакожь могѣ спросить у нихѣ, въ чемѣ состоитѣ мое пресупленіе? „Какѣ, зло- „дѣй!“ отвѣчали мнѣ вдругѣ въ двадцать голосовѣ: „какѣ, разбойникѣ! ты счи- „таешъ насѣ *свиньями!* мерзкой Аристо- „кратѣ! ты хочешъ кормить насѣ *желуд- „ками!* Поспой; мы съ тобою раздѣла- „емся!“ . . . Видя, какѣ они располковали мой благодѣтельный трактатѣ о желудяхѣ, я потерялъ всю надежду оправдаться, и ждалѣ вѣрной смерти. Вдругѣ являешся Мерѣ деревни, мой пріятель Бернарѣ; вступается за меня; говоритѣ съ жаромѣ; но въ оправданіе мое утверждаетѣ единственно то, что не я авторѣ сего *влодѣйскаго* сочиненія; что одинѣ *непріятель* мой нарочно издалѣ его подѣ

моимъ именемъ, желая погубить мѣня. Бернаръ напоминаетъ крестьянамъ прежнія мои благодѣянія, и доказываетъ мою невинность тѣмъ, что я съ такою довѣренностію прѣхалъ къ нимъ. Рѣчь его произвела сильное дѣйствіе. Поселяне усмирились, и требовали отъ меня клятвы въ моей невинности. Я увѣрялъ ихъ безъ всякой лжи, что никакимъ сочиненіемъ не изъявилъ злобы на согражданъ моихъ. „Хорошо,“ сказали они: „спунай, куда хочешь; только никогда сюда не возвращайся!“ — Обрадованный такимъ приговоромъ, я пустился какъ изъ лука стрѣла, и черезъ нѣсколько дней выѣхалъ изъ Франціи, еще болѣе прежняго упѣшная мыслью о любезной моей жижинѣ; но дорогою занемогъ, и недѣли три пролежалъ въ одномъ маленькомъ Нѣмецкомъ городкѣ.

Пріятное удивленіе ожидало меня въ Гамбургѣ: я нашелъ тамъ Господина Мертона и Маркизу Флорзель, дочь его, которая, будучи больна и въ разводѣ съ мужемъ своимъ, выѣхала изъ Англїи, чтобы лечиться пріятнѣйшимъ климатомъ и найти нѣкоторое разсѣянїе въ путешествїи. Г. Мертонъ разсказалъ мнѣ, что Флорзель обходился съ женою своею очень дурно; старался нравиться дру-

гимъ женщинамъ, а не ей; былъ невѣренъ; сдѣлался игрокомъ, и въ два года распроилъ и состояніе и здоровье свое; наконецъ самъ захопѣлъ развода, чпобы жить свободно съ акприсою. Я съ сердечнымъ умиленіемъ смотрѣлъ на любезную Софію. Сѣѣжестъ лица ея увяла; но блѣдность и меланхолія дѣлали ее милѣе моему сердцу. Она показывала нѣжнѣйшую ко мнѣ дружбу, и не скрыла отъ меня; что никогда бы не вышла за Флорзеля, еспьли бы я умѣлъ воспользоваться ея признапельностію. „Теперь, сказала она, я жестоко наказана за то, что не послушалась совѣтовъ разсудка, а слѣдовала одной любви своей; несчастіе вылечило меня отъ страсти; должностъ произвела бы такое же дѣйствіе; я утѣшалась бы нѣжнымъ другомъ и щаспіемъ моего родителя!“ . . . Говоря, Софія пролила слезы; я слушалъ безмолвно, огорчался вмѣстѣ съ нею и въ то же время наслаждался ея сожалѣніемъ.

Г. Мертонъ думалъ ѣхать въ Дрезденъ на пять мѣсяцевъ; но какъ онъ предполагался еще побыть съ недѣлю въ Гамбургѣ, то мнѣ крайне хотѣлось угостить его въ моемъ домикѣ, полученномъ мною въ даръ отъ благодѣтельной дружбы. Онъ и Госпожа Флорзель охотно

согласились на то. Одна мысль уменьшала радость мою; а именно, какъ предспавишь тихой, скромной Англичанкѣ смѣшную и старую Французскую кокешку, мою пріятельницу Д*? Не говоря объ ея глупоспяхъ, я съ великою осторожноспію предувѣдомилъ Софію о странностяхъ Госпожи Д* въ разсужденіи нарядовъ; но примолвилъ, что она умна и добродушна.

Мы пріѣхали въ *Пагерой* въ самую полночь. Всѣ спали въ деревнѣ. Я вышелъ изъ кареты и началъ спучать у воротъ своихъ. Минуть пять не было отвѣта. Наконецъ выглянулъ толстой человекъ и спросилъ съ великимъ сердцемъ, кого мнѣ надобно. Я чрезмѣрно удивился, но отвѣчалъ твердымъ голосомъ, что это мой домъ. „Ты пьянъ!“ сказалъ мнѣ толстой человекъ: „или сошелъ съ ума.“ Окно затворилось; стукъ и крикъ мой были уже напрасны. Съ замѣшательствомъ и спыдомъ я возвратился къ каретѣ. Г. Мерсонъ досадовалъ, сердился; Софія смѣялась; я былъ въ отчаяніи. Мы совѣщывались, что дѣлать, и рѣшились ночевать у знакомаго мнѣ поселанина. Сей доброй человекъ всналъ и принялъ насъ съ великою ласкою; отвелъ для Маркизы особливую, чистую комнату; далъ

намъ чаю, хлѣба, прекрасныхъ сливокъ — и рассказалъ мнѣ, что Госпожа Д*, называясь моею женою, отдавала домикъ мой въ наемъ одному Рускому семейству на восемь мѣсяцевъ, взяла напередъ деньги и уѣхала въ Любекъ. Я былъ доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что Госпожѣ Д* не вздумалось продать его; но Г. Мерптонъ утверждалъ, что контрактъ ея не дѣйствителенъ, и что я имѣю право выслать наемщиковъ. На другой день мы вошли всѣ вмѣстѣ въ домикъ мой. Руской дворянинъ выслушавъ, признался въ своей неосторожности; просилъ у меня дозволенія опасаться шутъ еще на день, и желалъ, чтобы мы у него отобѣдали. Госпожа Флорзель полюбила милостивую, скромную жену его. Вставъ изъ-за стола, я героически объявилъ, что любезное Руское семейство можетъ жить въ моемъ домикѣ еще пять мѣсяцевъ, и былъ награжденъ за то Софїинымъ одобреніемъ, благодарностію прекрасной Россіянки и дружескимъ приглашеніемъ Господина Мерптона, который, изо всей силы пожимая руку мою, звалъ меня ѣхать съ нимъ въ Дрезденъ. Въ удовольствіе Рускаго семейства мы остались въ Патероѣ еще на два дни, и прѣбывавъ въ Любекѣ, узнали, что Госпожа Д* сдѣлалась актрисою

и вошла въ труппу Брауншвейгской Оперы. Я благодарилъ Небо, что Оно навсегда избавило меня отъ этой женщины, и во всю дорогу забавлялъ Софію описаніемъ моихъ съ нею приключеній. Пять мѣсяцевъ прошли для меня очень скоро. Софія выздоровѣла, и я проводилъ ихъ до Куксгавена; видѣлъ, какъ любезнѣйшіе для меня люди сѣли на корабль; какъ онъ удалялся, исчезалъ . . . скоро одно необозримое море оспалось предметомъ глазъ моихъ! . . . милое душѣ моей сокрылось въ ужасной неизмѣримости!.. Печальный и разительный образъ смерти, которая, скрывая друга отъ друзей, влечетъ, переселяетъ его въ таинственные поля вѣчности! . . . Ахъ! я чувствовалъ, сколь горестно оспаться одному на землѣ! . . .

Первые дни моего уединенія показались мнѣ грустными. Я не могъ жалѣть о Госпожѣ Д* ; но признаюсь, что иногда невольнымъ образомъ воспоминалъ объ ней. Всего болѣе домъ оживляется женщиною и дѣтми. Сверхъ того однѣ женщины умѣютъ хранить порядокъ въ хозяйствѣ, предвидѣть нужное, повелѣвать слугами, и самая безпечная хозяйка все еще нужна для нѣкоторой опрятности и чистоты въ домѣ. Одно ея присутствіе,

вселяетъ въ людей какое - то чувствво благоприспособности. Вотъ истинныя выгоды и преимущества нѣжнаго пола! — Мнѣ все казалось въ безпорядкѣ; все не на своемъ мѣстѣ; все какъ - то неловко и непріятно. Однажды случилось мнѣ най-ти подъ споломъ корзинку Госпожи Д*, и видѣ ея возбудилъ въ сердцѣ моемъ что-то похожее на самое нѣжное чувство. Я взялъ корзинку, поставилъ съ честію на мраморной столѣ, и всегда смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ, не для того, чтобы она воспоминала мнѣ Госпожу Д*, но для того, что въ ней видѣлъ я знакъ женщины, пріятный для глазъ и мыслей моихъ.

Любимыя мои упражненія скоро возвратили мнѣ спокойствіе. Я читалъ въ одной Медицинской книгѣ, что самый лучший способъ выгонять спранныя идеи изъ головы безумныхъ есть занимать ихъ тяжелою и поспоянною работою: можно предложить такой же способъ и для спрасней, безумія, котораго не лзя назвать неизлечимымъ. Кабинетныя упражненія питаютъ иногда опасную меланхолію; и часто мы не можемъ имѣть надлежащаго для нихъ вниманія; но пусть, на примѣръ, несчастный любовникъ съ утра до вечера роетъ землю:

смѣю увѣришь его, что любовь не помѣшаетъ ему заснуть крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ.

Зима показалась мнѣ очень долга, не емопря на общесиво нѣкопорыхъ любезныхъ сосѣдовъ, и Апрель мѣсяцъ обрадовалъ меня своимъ наступленіемъ. Однажды, когда я гулялъ въ сосновой роцѣ своей, пришла ко мнѣ полстая Нѣмецкая крестьянка съ десятиимѣсячнымъ младенцемъ, и сказала: „вопъ сынъ вашъ; возьмите его.“ — Мой сынъ? — „Конечно. Я выкормила его и возвращаю вамъ здороваго.“ — Ты ошибаешься, другъ мой; у меня нѣпшъ дѣшей. — „Вы ли Господинъ Керкалисъ?“ — Такъ. — „Слѣдспвенно это вашъ сынъ. Госпожа Д*, мать его; сказала мнѣ, что вы ея мужъ, и чшобы я, выкормивъ, опдала его вамъ. Вопъ письмо супруги вашей, въ доказательство, что я не лгу.“ — Она подала мнѣ бумагу. Я увидѣлъ руку Госпожи Д*: „Зная сердце ваше (писала она), смѣю надѣяться, что вы не оставите сего младенца, котораго не могу взять съ собою.“

Я былъ въ изумленіи, прочитавъ письмо. Кормилица сказала мнѣ, что Госпожа Д* родила младенца черезъ мѣсяцъ послѣ моего опѣзда. Вспомнивъ,

что одинъ Брауншвейгской актеръ ѣзжалъ къ ней въ гости, я догадался, что онъ убѣдилъ Госпожу Д* сдѣлаться актрисою и былъ отцомъ ребенка. Она не обманулась во мнѣ: удивляясь ея безстыдству, я не могъ отказать отъ бѣднаго младенца, коимъ съ улыбкою тянулся ко мнѣ на руки и былъ прекрасной. Кормилица, служанка и сосѣды мои увѣрились, что я отецъ его!

Обыкновенное мое злощастье и въ этомъ случаѣ обнаружилось. Надобно, чтобы Госпожа Д* въ 49 лѣтъ вздумала быть матерью и подарить мнѣ своего сына! надобно, чтобы я взялъ его по добродушію и заставилъ людей считать меня тайнымъ мужемъ женщины, которая по лѣтамъ своимъ могла быть моею матерью, и которая пошла въ актрисы! Это приключеніе не могло сдѣлать мнѣ чести во мнѣніи Голшпинцевъ. Друзья мои разуверились въ тайной моей женидбѣ, но остались въ шомъ мнѣніи, что маленькой Иосифъ (имя младенца) мнѣ не чужой. Любя дѣтей, я сердечно привязался къ милovidному Иосифу, и желая воспитать его наилучшимъ образомъ, искалъ въ книгахъ всякаго рода знаній, нужныхъ для образованія юнаго сердца.

Въ серединѣ лѣта я получилъ отъ Господина Мерпона весьма прогашельное письмо. Онъ увѣдомлялъ меня, что великодушная Софія помирилась съ умирающимъ Флорзелемъ, желая нѣжными попеченіями облегчить его спраданія. Бѣдной Флорзель, въ злой чахопкѣ, помился еще нѣсколько мѣсяцевъ, и наконецъ умеръ, 21 Апрѣля, въ объятіяхъ добродѣтельной супруги своей, которую онъ оставилъ для акприсы. Сей несчастный молодой человекъ, жертва распутства, могъ бы жить долго, щасливо и полезно для свѣта, еспьли бы имѣлъ хорошую нравспвенность. Гореспный примѣръ, весьма обыкновенный въ свѣтѣ и, къ несчастію, бесполезный для свѣта! ибо молодые люди, слѣдуя движенію спраспей, бывающъ тверды и постоянны только въ одномъ правилѣ: въ томъ, чтобы никогда не думать. Они смотряютъ на все съ любопытствомъ и вниманіемъ, пока дѣйствіе продолжается; но какъ скоро занавѣсъ опустился, всему конецъ, и въ памяти ничего не оспалось! Они бояться разсудка, зная, что онъ, подобно магическому пруту, уничтожаетъ волшебные замки и пріятныя чародѣйствія.

Письмо Господина Мерптона привело всю душу мою въ волненіе. Софія — вдова, свободная — не выходила у меня изъ мыслей. Я безпокоился, задумывался, ждалъ писемъ, и не получая ихъ, грустилъ. Наконецъ Г. Мерптонъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ написалъ, чшобы я спѣшилъ въ Англію, и давалъ мнѣ чувспвовать, что снова могу быть его зятемъ. Поручивъ домикъ мой одному сосѣду, я въ нѣсколько дней собрался, сѣлъ въ Куксгавенѣ на корабль съ маленькимъ своимъ Іосифомъ, которому исполнилось уже два года, и 22 Августа прѣехалъ въ Долвичъ, гдѣ Г. Мерптонъ ожидалъ меня въ прекрасномъ сельскомъ домѣ. Опдавъ Іосифа наемному слугѣ своему, я вошелъ въ кабинетъ къ моему благодѣтелю, который сидѣлъ на канапѣ подлѣ Софіи. . . . Эта минута была для меня самою пріятнѣйшею. Я увидѣлъ друга, отца и женщину, которую единственно любилъ въ жизни. Софія подала мнѣ руку со слезами; казалось, что она съ нею опдаетъ мнѣ и сердце! Мы не говорили о томъ, что могло бы оскорбить нѣжное чувство Софіи, которая была еще въ праурѣ; но она осыпала меня протгательными ласками, а добродушный Мерптонъ не могъ скрыть своей чрезмѣрной радости, глазами давалъ мнѣ чувспвовать

свое удовольствіе, и неперпѣливо желая
 оспаться со мною наединѣ, нѣсколько
 разъ говорилъ Госпожѣ Флорзель, чтобы
 она велѣла прибрать мою комнату. Нако-
 нецъ Софія вышла. Туть Г. Мерпонъ,
 схвативъ меня за руку, сказалъ съ
 живѣйшею радостію: „мой другъ! она
 своя! Теперь ничпо не помѣшаетъ нашему
 благополучію: Софія своя навѣки!“ —
 Сама ли она сказала вамъ? — „Конечно,
 и дозволила мнѣ сказать тебѣ; но хочеть,
 чтобы ты не говорилъ о томъ ни слова
 до конца ея траура, то есть, пять
 мѣсяцевъ. Ахъ! естли бы ты зналъ,
 сколько разъ она внутренно жалѣла о
 томъ, что предпочла тебѣ легкомыслен-
 наго Флорзеля, которой мучилъ и тер-
 залъ ея душу! Она упряма, не много
 спранна, имѣеть романическую голову;
 но сердце ея чувствительно и нѣжно.“ —
 Я соглашался искренно съ его похвалою,
 когда вошла Софія. Г. Мерпонъ съ усмѣш-
 кою сказалъ мнѣ: *тише! вотъ она!* оборотил-
 ся къ ней и хотѣлъ шутить... но не могъ
 выговорить ни слова, видя ея угрюмость
 и холодность. Я также испугался пере-
 мѣны въ ея лицѣ. Отецъ спрашивалъ у
 нее: она отвѣчала ему съ внутреннею
 досадою, и сѣла. Вечеръ былъ холоденъ;
 въ каминѣ у насъ горѣлъ огонь. Софія

взяла щипцы и начала оправлять земляные уголья. Г. Мерпонъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: я не зналъ, что думаешь. Наконецъ Софія, покраснѣвъ, спросила: „скажите, Господинъ Керкались, гдѣ вы взяли эпова прекраснаго мальчика, котораго привезли съ собою, и которой называется васъ *лаленькою*?“ Эповъ вопросъ удивилъ меня, какъ будто бы мнѣ нельзя было предузнать его; я замѣшался какъ виноватой, и предчувствуя слѣдствія, поблѣднѣлъ, покраснѣлся; хотѣлъ опвѣчать и не могъ. . . *Стыдно, стыдно!* сказала Софія съ великимъ сердцемъ; вскочила и ушла. Что это значитъ? спросилъ у меня Г. Мерпонъ съ важнымъ видомъ. Оставшись наединѣ съ великодушнымъ другомъ, я могъ ободриться, и въ искренности сердца моего рассказалъ ему все. Выслушавъ меня, онъ покачалъ головою и сказалъ: „Худо! я вѣрю тебѣ, но знаю Софію; ее трудно разуверить. Она любитъ тебя нѣжно, однакожь безъ всякой спрасни. . . Эповъ случай заставляетъ ее перемѣнить мысли свои о любви пвоей къ ней; а женщины не перпятъ, чтобы мы порпили романы ихъ воображенія.“

Онъ совѣщивалъ мнѣ потчасъ ипши къ Софіи, чтобы изъясниться съ нею.

Я послушался, но съ какимъ-то внутреннимъ страхомъ, которой не обѣщаль мнѣ ничего добраго. Признаюсь, что такая скороспъ въ обвиненіи меня, такая живая ревность безъ любви, не много охладили мое сердце. Думаю, что я вошелъ въ кабинетъ Софійнъ съ великою неловкостію, будучи недоволенъ и замѣшенъ; а такое расположеніе не даетъ пріятности человѣку. Софія ходила скорыми шагами по комнапѣ; увидѣвъ меня, остановилась и сдѣлала презрительную ужимку, которая еще болѣе оскорбила мою душу. Желая изъясниться съ вами, сказалъ я. . . . „Нѣтъ нужды,“ перервала она съ жаромъ: „все ясно, очень ясно; и вашъ стыдъ, блѣдность, замѣшательство были достапочнымъ признаніемъ. Однакожь соглашаюсь выслушать; говорите.“ — Она сѣла у камина, а я подлѣ нее, и помолчавъ, сказалъ: эптоиъ ребенокъ есть сынъ Госпожи Д*. . . . „О! я эпто знала напередъ! Можно ли? Какой стыдъ, Государь мой, какой стыдъ! Послѣ всего, что вы мнѣ говорили объ эптой женщинѣ“ Выслушайте „Стыдно, говорю вамъ! Я конечно не ревнива, но эпто несносно; и что скажутъ мои друзья, которымъ я хвалила вашу скромность, поведеніе?“ — Вы не хопите имѣть терпѣнія. . . .

„Ничто не можеть извинить такого чувства къ презрительной женщинѣ, къ старухѣ! Я всегда буду вашимъ другомъ; но послѣ такого признанія никогда не соглашусь жертвовать вамъ моею свободою. Оставьте всякую надежду. Дѣло рѣшено; не будемъ уже говорить о томъ; а теперь дозволейте мнѣ идти къ бапюшкѣ.“ — — Я не остановилъ ее, и побѣжалъ въ свою комнату. Черезъ часъ пришелъ ко мнѣ Г. Мерпонъ и началъ бранить меня: „Что ты сказалъ Софіи? Она увѣряеть, что ты ей во всемъ признался“... Я повторилъ ему разговоръ нашъ; а онъ сказалъ мнѣ, что Софія хотя и слушала его, но никакъ не хотѣла вѣрить и съ упрямствомъ остаётся при своемъ мнѣніи.

Госпожа Флорзель не пришла къ ужину; а на другой день уѣхала къ шепкѣ своей, написавъ къ отцу совершенный для меня опказъ. Что было мнѣ дѣлать? Самое свидѣтельство Госпожи Д* не могло бы вывести Софію изъ заблужденія. Я покорился судьбѣ моей, и упѣшилъ мыслью, что сей обманъ надежды украсилъ жизнь мою тремя щасливыми недѣлями: немалое благодѣяніе рока въ мірѣ печалей и неизвѣстности!

Я возвратился въ свою хижину ; и шамъ , размышляя о моихъ приключеніяхъ , благодарю Небо за то, что Оно, сохранивъ меня отъ муки и заблужденія спраспей , даровало мнѣ чувствительное сердце, любовь къ уединенію и нѣсколько сажень земли въ странѣ гостепріимной.

II.

Описаніе Вѣны.

Вѣна включаетъ себя въ число первыхъ городовъ Европы , и съ нѣкотораго времени весьма увеличилась. Съ обширными своими предмѣстіями она похожа , какъ говорятъ , на ласточку съ орлиными крыльями. Въ городѣ счисляется 1400 домовъ , а въ предмѣстіяхъ (которыя раздѣляются большими садами) около 5000.

Дунай дѣлитъ городъ на двѣ части ; но сія выгода имѣетъ также и свою непріятность. Рѣка , наполняясь весною отъ ручьевъ , въ нее впадающихъ , заливаетъ предмѣстія. Тогда видна бываетъ исправность Вѣнской полиціи ; трудно вообразить себѣ ея дѣятельность , всѣ опорожнители и мѣры , которыя беретъ она для отращенія бѣдспвій и для вспоможенія бѣднымъ жителямъ.

Всякой бы представилъ себѣ, что большая рѣка, текущая въ столицѣ, и съ одной стороны оѣненная Прагерскимъ лѣсомъ, должна бытъ въ лѣтнее время покрыта лодками гуляющихъ; но Вѣнскіе жишели не любятъ сего роду гуляній, и пользуясь только судоходствомъ рѣки для привоза товаровъ и всякихъ нужныхъ вещей.

Вѣна есть самая некрасивая столица въ Европѣ, и въ наружности своей не представляетъ глазамъ ничего привлекательнаго; улицы беспорядочны и кривы. Одна изъ нихъ, въ срединѣ города, соединяется съ другою мостомъ, идущимъ черезъ претью улицу, такъ, что кареты ѣздятъ вдругъ и внизу и вверху: видъ странный и любопытный для чужеземцевъ! Люди и кареты, копорья у васъ безпрестанно подъ ногами, напоминаютъ вамъ Англійскіе и другіе каналы, идущіе черезъ рѣки, и представляющіе глазамъ суда подъ судами, мачты подъ мачтами.

Площади, театры, храмы — все кажется здѣсь варварскимъ для того, кто образовалъ вкусъ свой въ оплечествіи Бернезевъ и Микель + Анжеловъ. Въ Вѣнѣ можно назвать хорошою только одну улицу, составленную изъ огромныхъ до-

мовъ; по чему и называютъ ее *улицею знапныхъ гослодъ*.

Въ городѣ одно гульбище (кромѣ Баспїона, гдѣ гуляютъ только лѣпомъ): оно называется *Грабенъ* и представляетъ глазамъ длинную площадь, которая единственно тѣмъ сходна съ площадью Святаго Марка въ Венеціи, что на ней также собирается множество праздныхъ, Аргусовъ полиціи и несчастныхъ жертвъ разврата. Вѣнское Правленіе, строго запрещающая всякую неблагоприспѣшную книгу, терпитъ сихъ безстыдныхъ женщинъ, которыя явно ловятъ въ сѣти свои молодыхъ людей!

Хотя въ городѣ вездѣ видны новыя зданія, однакожь можно смѣло предсказать, что онъ никогда не будетъ хорошимъ. Предмѣстїя гораздо красивѣе, но дома не велики, и архитектура бѣдна. Тупъ живутъ по большей части ремесленники и фабриканты, которые, видя у себя передъ глазами роскошь и развратъ столицы, издерживаютъ деньги свои и теряютъ числомъ нравовъ. Для чего не переселишь фабрикантовъ въ другіе Австрійскіе города, столь малолюдные и столь богатые плодородіемъ окружающихъ земель?

Судя по топографическому положенію Вѣны, лежащей подъ однимъ градусомъ

съ Орлеаномъ, можно вообразить, что климатъ ея долженъ быть самой теплой; но давно уже замѣчено, что всѣ мѣсяца къ востоку гораздо холоднѣе. Сверхъ того Вѣна окружена горами и высокими холмами, на которыхъ снѣгъ лежитъ очень долго — такъ, что здѣсь едва ли бываетъ и два мѣсяца жаркаго времени; а зимою очень холодно. Даже и лѣтомъ рѣзкіе вѣтры прохлаждаютъ жаръ. *Vienna è venetosa o venenosa (въ Вѣнѣ или вѣтрено или нездорово)*, говорятъ жители добрымъ Миланцамъ, которые здѣсь поселились, и которые не могутъ забыть своего яснаго неба, воздуха и любезнаго климата.

Но здѣсь менѣе жалуются на холодъ, нежели въ другихъ земляхъ: ибо жители, слѣдуя примѣру соседственныхъ народовъ, Венгерцовъ, Поляковъ, самыхъ Грековъ и Турковъ, въ малѣйшій холодъ надѣваютъ шубы, и въ каждой горницѣ большая печь.

Главная причина здѣшнихъ болѣзней есть частой вѣшеръ, который, раждая простуды, сушитъ на улицахъ извѣстку и частицы ея ввѣваетъ въ грудь: отъ чего происходитъ чахотка. Въ началѣ болѣзни самое лучшее лекарство есть ухватъ изъ города. Множество умираю-

щихъ отъ чахопки здѣсь ужасно. Хотя она во всѣхъ большихъ городахъ свирѣпствуетъ; но въ Вѣнѣ еще болѣе, нежели гдѣ нибудь, не взирая на всѣ спаранія Искусства.

Надобно сказать, что Вѣнскіе Медики славны и доспойны славы; чему можно предспавить разные примѣры. Такъ ежедневно спасають они множество гореспныхъ жертвъ сласполюбія, пишаемаго чувспенными склонноспиями здѣшняго народа, его неумѣренностію въ пищу и самымъ общимъ избыткомъ. Я думаю, что въ Вѣнѣ болѣе сифиллипической болѣзни, нежели и въ самомъ Парижѣ. Можетъ ли наука и ревность Медиковъ испребить такое зло, которое происходитъ отъ народнаго развращенія?

Здѣсь не менѣе спрашна и та болѣзнь, которая прежде неизвѣстна была въ Европѣ, и которую нынѣ спараются искоренить щасптивными опытами. Прежде умирало въ Вѣнѣ отъ оспы около 1000 младенцевъ ежегодно; теперь вездѣ съ успѣхомъ прививають коровью оспу.

Жителей считається здѣсь 250,000: духовныхъ 1200, благородныхъ 3250, чиновниковъ или служащихъ около 4000, а мѣщанъ 75000.

Не только искусство Медиковъ, но и благотѣтельныя спаранія Правительствва уменьшаютъ въ сей многолюдной столицѣ число умирающихъ; даже самые частные люди всячески помогаютъ больнымъ. Главное изъ благотѣтельныхъ заведеній въ семъ родѣ есть большая гошпиталь, въ которую ежегодно принимаютъ около 12000 больныхъ, и съ которою соединенъ нынѣ Патологическій Музеумъ. Сверхъ того есть гошпиталь для беременныхъ женщинъ, для военныхъ людей и даже для Жидовъ; для сумасшедшихъ и младенцевъ до 10 лѣтъ возраста. Вездѣ чистопа, порядокъ и хорошее содержаніе.

Вѣна гордится еще благотѣтельнымъ Леопольдовымъ учрежденіемъ, съ которымъ можетъ равняться только Гамбургское: всѣ предмѣстія раздѣлены на восемь частей, и каждая часть имѣетъ своего Доктора, лекаря, повивальную бабку, получающихъ жалованье отъ Короны, и обязанныхъ имѣть попеченіе о бѣдныхъ. Въ 1796 году было у нихъ на рукахъ 19,820 больныхъ, изъ которыхъ умерло 464, а 625 отослано въ гошпиталь. Нынѣ и въ самомъ городѣ такое же заведеніе.

Примѣромъ для всѣхъ другихъ большихъ городовъ, которые нынѣ вездѣ рас-

пространяются, можетъ служить здѣшній законъ, по коему не лзя жить въ *новомъ* домѣ безъ письменнаго дозволенія Медиковъ: ибо ничего нѣтъ гибельнѣе для здоровья, какъ сырой домъ. Такое попеченіе есть слава благодѣтельнаго Правленія.

Сбѣспные припасы въ Вѣнѣ удивительно дешевы. Венгрія надѣляетъ ее мясомъ, хлѣбомъ и виномъ въ изобиліи; Австрія лѣсомъ, который привозятъ рѣкою, и котораго вывозъ запрещенъ; 150 садовниковъ обрабатываютъ въ предмѣстіяхъ большіе огороды, и хопя не знаютъ мѣлочной экономіи нашихъ Французскихъ огородниковъ, однакожь искусны въ дѣлѣ своемъ. Я замѣтилъ, что они поливаютъ гряды длинною деревянною лопашкою, нарочно для того сдѣланною. Промышленности ихъ обязанъ городъ дешевизною зелени; но они всѣ богатѣютъ, и нанимаютъ для работы горныхъ жилищей Спиріи, приходящихъ сюда всякую бесну. Хлѣба, мяса, зелени и вина довольно для человѣка, и работникъ не требуетъ большой платы. Въ землѣ, имѣющей всѣ нужныя вещи, первые матеріалы и собственные мануфактуры, одни Индѣйскіе товары могутъ

Но 9. 6

Однакожь въ 10 часовъ вечера здѣсь уже царствуетъ лишина на улицахъ, необыкновенная въ другихъ городахъ. Если возвратишься домой поздно, то надобно дать что нибудь приворотнику. Въ предмѣстїяхъ не встрѣпишь въ одиннадцатомъ часу никого, кромѣ дозора; все пусто и безмолвно — а по утру встають не рано! Въна съ этой стороны совершенно противна Неаполю. Нѣмцы любятъ сравнивать сїи двѣ столицы, называютъ ихъ прїятнѣйшими городами Европы и предпочитаютъ Лондону и Парижу.

Гагельмановъ кофейный домъ, въ Лепольдшпанскомъ предмѣстїи, достоинъ любопытства иностранцевъ. Онъ между рѣки Дуная и той улицы, по которой ѣздятъ кареты на Праперское гульбище. Тутъ всегда собираются Греки. Видя ихъ и слыша вездѣ Греческой языкъ, я нѣсколько разъ воображалъ себя въ Аѳиняхъ: мечта прїятная для тѣхъ, которые главными своими идеями обязаны классическимъ творенїямъ сего славнаго народа! —
(Съ Француз.)

III.

Обращенный купецъ.

Каразанъ, купецъ Багдадскій, былъ славенъ во всѣхъ странахъ Востока своимъ богатствомъ и скупостію. Происхожденіе его скрывалось во мракѣ: онъ нажилъ чрезмѣрное богатство неупоминимымъ прудолоубіемъ; въ бѣдности любилъ человѣчество и справедливость; наполнилъ сундуки свои золотомъ, и выгналъ изъ сердца жалость. Можетъ быть Каразанъ обманулся во многихъ людяхъ, и видя ихъ коварство, рѣшился жить для однихъ денегъ; можетъ быть въ самомъ богатствѣ есть смертоносный ядъ для чувствительности — какъ бы то ни было, но Каразанъ тѣмъ болѣе обожалъ деньги, чѣмъ менѣе ими пользовался, и рука времени, осыпавъ снѣгомъ его волосы, мало по малу превратила его сердце въ камень.

Однакожь, забывъ, какъ угощаютъ странниковъ въ домѣ, какъ помогаютъ бѣднымъ, Каразанъ всякой день ходилъ въ мечеть, исполнялъ съ точностію всѣ обряды Религіи; и щедро награждалъ Имановъ. Благочестіе сердечное всегда соединено съ любовію къ ближнему, и мало всякому доброму сердцу; но притвор

ная набожность лицемѣровъ ненавистна людямъ. Когда съдой Каразанъ, крѣпко замкнувъ двери свои, выходилъ на улицу и боязливо кругомъ осматривался, тогда Багдадскіе жипели, указывая его другъ другу, говорили: *вотъ жестокой человекъ!* и никто не хотѣлъ ему кланяться.

Такъ жилъ Каразанъ, и въ такомъ расположеніи былъ къ нему народъ, когда объявили во всемъ городѣ, что „онъ переселился въ огромный домъ, и зовешь къ себѣ знакомыхъ и незнакомыхъ, бѣдныхъ и спранниковъ.“ Народъ со всѣхъ сторонъ толпами къ нему спекался, и въ великолѣпныхъ черпogaхъ его предлагали нагимъ одежду, голоднымъ яства. На лицѣ хозяина сіяло человеколюбіе и сердечное удовольствіе. Народъ изумлялся; всякой хотѣлъ изъяснить такое чудо по-своему; спорили и шумѣли. Каразанъ далъ знакъ рукою: всѣ замолчали. Онъ удовлетворилъ любопытству людей такимъ образомъ:

„Тому, Который къ горамъ прикасается, да горы дымятся — Благому и Всесильному честь и слава во вѣки вѣковъ! Онъ повелѣлъ сновидѣнію наславить меня, и свѣтъ Его во мнѣ нощной озарилъ умъ мой! Когда я сидѣлъ уединенно въ Гаремѣ своемъ, и слабая лам-

„пада горѣла предо мною; когда, раз-
 „мышляя о своихъ богатствахъ, я восхи-
 „щался душевно: тогда рука Иеговы осѣ-
 „нила меня, и крѣпкій сонъ смежилъ
 „глаза мои. Тогда Ангелъ смерти, по-
 „добно грозному облаку, явился предо
 „мною, и поразилъ меня . . . я оставляю
 „мїръ, и съ быстротою молніи несуся въ
 „пространствахъ небесныхъ. Уже земля
 „кажется мнѣ ничтожнымъ атомомъ, и
 „сіяніе звѣздъ озаряетъ меня свѣплѣ
 „солнца. Врата райскія открываются
 „взору; но, внезапный блескъ, несносный
 „для слабаго зрѣнія, устрашаетъ мое
 „сердце: содрогаюсь! . . . Гласъ Вѣчнаго
 „долженствовалъ произнести судьбу мою.
 „Прошли дни испытанія: не возможно
 „было ничѣмъ уменьшить злыхъ дѣлъ
 „моихъ, и ничего прибавить къ доб-
 „рымъ. Ожидая своего вѣчнаго жребія,
 „и зная, что всѣ силы Напуры не мо-
 „гутъ премѣнить его, я препеналъ,
 „ужасался и безмолвствовалъ. Изъ глубины
 „неприсупнаго свѣпа загремѣли слова
 „Божественныя . . . Внимаю:

„Каразанъ! Небо не пріяло жертвъ
 „твоихъ, ибо ихъ предлагало хладное серд-
 „це; и справедливостъ твоя недостойна
 „награды, ибо не любовь была ея источ-
 „никомъ. Ты не обижалъ никого един-

„спвенно для пользы своей; молился Все-
 „сильному только о самомъ себѣ. Взоръ
 „швой никогда не изъявлялъ Небу благодар-
 „ности, людямъ милосердія. Смертные
 „конечно безумствуютъ; смертные поро-
 „чны: но если безумство и пороки
 „оправдываютъ нечувствительность, то
 „благость Небесная достойна укоризны:
 „единую ли добродѣтель озаряетъ солнце,
 „орошаетъ дождь пышательный? не для
 „всѣхъ ли благоухаютъ нѣжныя успа-
 „весны, рука осени лѣетъ изобиліе?...
 „Ты изгналъ сожалѣніе изъ сердца, дер-
 „жалъ богатство свое въ рукѣ желѣзной,
 „жилъ только для себя — и по тому
 „во вѣки вѣковъ будешь въ уединеніи! Уда-
 „лися отъ свѣта небеснаго и чувстви-
 „тельныхъ созданій! Всегдашняя пуспопа
 „есть обитель швоя: шамъ минушы вѣч-
 „ности да обращайся для себя въ мед-
 „ленные зоны, и мракъ да умножитъ
 „швое опчаяніе!

„Онъ рекъ — и буря на крыльяхъ сво-
 „ихъ помчала меня сквозь лучезарный
 „Океанъ шворенія. Въ единое мгновеніе
 „я пролетѣлъ мимо безчисленныхъ міровъ
 „и достигъ до крайнихъ предѣловъ Напу-
 „ры. Тамъ открылась мнѣ страшная,
 „безконечная пуспопа, неизмѣримость
 „уединенія, безмолвія и ночи!

„Неизбяснимый ужасъ овладѣлъ мною,
 „и душевное мое опчаянiе излилося въ сло-
 „вахъ: Ахъ! почто не осужденъ я му-
 „читься съ другими? шамъ *состраданiе*
 „уполило бы мою лютую муку, и самое
 „жгущее пламя не испребило бы во мнѣ
 „ушѣшительнаго чувства бытiя! Почто
 „гнѣвъъ небесный не осудилъ меня спра-
 „дать во мракѣ Кометы, которая хопя
 „чрезъ тысячу лѣтъъ возвращается въ
 „спраны свѣта и жизни? Отдаленная
 „надежда озаряла бы нѣкоторымъ лучемъ
 „сiю тьму ужасную, и радостная пре-
 „мѣна могла бы соединить вѣчность со
 „временемъ!

„Уже отдаленнѣйшая звѣзда сокры-
 „лась отъ глазъ моихъ, и безконечный
 „мракъ поглотилъ блѣдное сiянiе свѣта.
 „Съ каждымъ мгновениемъ возраспало мое
 „опчаянiе, ибо каждое мгновение удаляло
 „меня отъ послѣдняго обитаемаго мiра.
 „Съ ужасомъ воображала душа моя, чпо
 „спремяся впередъ, далѣе и далѣе, въ
 „печенiе миллiона вѣковъ не найду ника-
 „кого предѣла, и буду вѣчно углубляясь
 „въ неизмѣримый Океанъ мрака и пусто-
 „ты, безъ всякаго путеводинателя и соно-
 „варища, безъ всякой цѣли и предмета,
 „одинъ съ моимъ опчаянiемъ! Тупъ,
 „проливая гореспныя слезы, я поднялъ

„руки, и всею душою устремился къ об-
 „ласпи бытїя, съ такимъ сердечнымъ
 „волненїемъ, которое — пробудило меня.

„Тутъ я узналъ, сколь мило сообще-
 „ство людей! Сердце мое воспламенилось
 „благодѣтельностію — и отнынѣ ревно-
 „спно буду дѣлиться щастїемъ съ дру-
 „гими, помя, что присутствїе единого
 „изъ бѣдныхъ, которыхъ надменность
 „моя отъ себя удаляла, въ спрашномъ
 „уединенїи вѣчноспи утѣшило бы меня
 „болѣе, нежели злато Африки и драго-
 „цѣнные камни Голькондскїе.“

Сказавъ, пронупый Каразанъ воз-
 зрѣлъ на небо съ умиленїемъ и благодар-
 ностїю. Рѣчь и примѣръ его поразили все
 собранїе. Калифъ, узнавъ о томъ, велѣлъ
 описать сей случай для блага попомковъ.

(Изъ Англ. Журнала.)

IV.

Путешествїе въ Шпицбергенъ.

(Изъ Philosophical Magazine.)

Путешествїе въ Шпицбергенъ можетъ
 быть весьма благодѣтельно для здоровья,
 и споль любопытно, что многїе захопяшъ
 ѣхашъ туда и въ другой разъ.

Мы отправились изъ Лондона въ концѣ Марта, и приспали въ Ларвикѣ, главномъ городѣ Шепландскихъ острововъ, котораго богатѣйшій житель старался угостить насъ со всѣми знаками дружеской любви, и сказалъ намъ, что онъ самому себѣ далъ слово угощать всѣхъ Капитановъ и лекарей, выходящихъ на берегъ. Въ другомъ мѣстѣ это могло бы стоить дорого: ибо въ Ларвикѣ приспаетъ множество кораблей, идущихъ къ Шпицбергену; но тамъ гостепрѣимство не разорительно: купивъ на шиллингъ рыбы, накормишь до-сыта человѣкъ сто. Другіе сѣстные припасы также очень дешевы.

Чѣмъ далѣе плыли мы къ сѣверу, тѣмъ короче становились ночи, и наконецъ, близъ Сѣвернаго Мыса, подъ 72 градусомъ широты, онѣ совсѣмъ исчезли. Тутъ страшная буря угрожала намъ погибелью цѣлые три дни. Корабль нашъ два раза падалъ на бокъ, и мы теряли надежду поднять его; но къ счастью вѣтеръ переменился. Бури въ сихъ мѣстахъ такъ холодны, что не возможно стоять лицомъ пропивъ вѣтра, спали онѣ сѣверной; сила его рветъ щеку.

Мы пробирались съ величайшею трудностію сквозь ледяныя глыбы, сперва круглыя (матросы называютъ ихъ *пиро-*

гами), а послѣ разнообразныя и ужасныя своею огромностію, такъ, что инья бывають сажень въ сорокъ толщиною. Шпицбергенъ открылся намъ еще за тридцать миль: невѣроятная отдаленность, доказывающая его высокое положеніе! Онъ кажется издали совершенно золотымъ, а небо надъ нимъ бѣловатымъ.

Между 79 и 80 градусомъ путь затрудняется неизмѣримостію ледяныхъ, неподвижныхъ громадъ. Тутъ спавятъ корабли на якорь, углубляя его въ ледъ, и ѣздятъ на бопахъ ловить китовъ. Море въ семь мѣспѣ такъ гладко, какъ Темза: ибо ледъ, которымъ оно усѣяно, не даетъ ему волноваться.

Тутъ, въ пятидесяти миляхъ отъ земли, мы не чувствовали такого холода, какъ въ окрестностяхъ Сѣвернаго Мыса, хотя Шпицбергенъ гораздо ближе къ сѣверу. Въ ясное время воздухъ такъ согрѣвался, что блестящія сосульки, подобныя украшеніямъ Архипекшеры на ледяныхъ громадахъ, паяли и шекли ручьями.

Въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ всего болѣе поразило насъ вѣчное, глубокое безмолвіе, прерываемое глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому: онъ происходитъ отъ ледяныхъ глыбъ, которыя,

отпрываясь, капятся въ море и прыгають по свѣсу горъ. На сихъ высотахъ растутъ травы: коклеарѣа, дикій сельдерей, цикорей, кресъ-салапъ — и живутъ бѣлые медвѣди, лисицы, козы, лоси, гуси, бѣлая ушка съ красною головою и желтыми ногами, и такъ называемая снѣжная птица, филомела сѣвера.

Доплывъ до осьмидесятаго градуса, гдѣ прежде насъ не бывалъ ни одинъ корабль, мы поворошили къ Норпъ-Банку, чтобы не погибнуть среди ледяныхъ громадъ, и вошли въ Смекренбургскую пристань. Тамъ встрѣтили насъ Рускіе мужики, которыхъ нанимають Архангелогородскіе купцы для ловли китовъ, морскихъ единороговъ, лисицъ, медвѣдей; для собиранія гагачаго пуха и для копченія оленьихъ языковъ. Они живутъ тамъ по цѣлому году. Начальникъ ихъ подарилъ намъ шесть бѣлыхъ лисьихъ кожъ, два черные хлѣба и часть копченаго мяса. Имъ не даюшь жалованья: они получають долю изъ прибыли.

„Во время долгихъ здѣшнихъ ночей. (сказалъ намъ Руской начальникъ) никогда не бываетъ здѣсь такъ темно, чтобы не лзя было видѣть вблизи, и Пепербургскія зимы холоднѣе Шпицбергенскихъ. Когда поднимется мяшель, на-

добно сидѣшь въ землянкѣ; но когда время ясно, мы ходимъ верстѣ за десять и далѣе отъ жилища. При чистомъ свѣтѣ луны и чрезвычайномъ блескѣ звѣздъ можно чипать и писать. Зимую черные кишы приходятъ играть къ самому берегу, гдѣ мы стрѣляемъ ихъ изъ гаубицъ. Ловля наша продолжается до наступленія сплошной ночи, которая начинается въ Сентябрѣ: тогда всѣ звѣри уходятъ отсюда по льду въ Новую Землю и Сибирь; пшицы также улетаютъ. Мы стрѣляемъ бѣлыхъ медвѣдей, лисицъ, оленей и морскихъ единороговъ, копорыхъ зубы посылаются во Францію и въ Нѣмецкую землю“

Мы отправились назадъ въ Іюль, и выплывъ изъ ледяной обласпи, всего болѣе обрадовались — ночи и огню, копорые были для насъ роскошью! Глаза наши не видали пемнопы около прехъ мѣсяцевъ, и свѣтъ наскучилъ намъ до крайности. Первая ночь и свѣча, зажженная нами въ каютѣ, веселила насъ несказанно! — Во глубинѣ сѣвера я всегда любовался захожденіемъ солнца, копорое останавливается на горизонтѣ; кажется чрезмѣрно великимъ; упокаетъ, такъ сказашъ, въ морѣ различныхъ цвѣтовъ, и черезъ минушу въ новомъ великолѣпнѣи

является. Никакими словами не возможно описать сей чудесной сцены. . . .

V.

С М Ъ С Ъ.

Гражданинъ Лаландъ, славной Французской Астрономъ, и самый дѣятельный ученикъ Галилеевъ, не находя въ нынѣшнемъ расположеніи свѣпилъ небесныхъ ничего любопытнаго для публики, вздумалъ рыться въ архивахъ впрочемъ - надесять вѣка, и нашель шамъ явленіе Кометъ, которыя за 600 лѣтъ передъ симъ чрезмѣрно испугали Европу. Онъ увѣряетъ насъ, что погдашніе Астрономы ошиблись, и что теченіе сихъ Кометъ не могло разрушить міра. Такое открытіе насъ весьма обрадовало. На всякой случай пріятно знать въ 19 вѣкѣ, что міръ не погибъ во впрочемъ - надесять.

Европа обязана Леонтію Пилану, ученому чепвертаго - надесять вѣка, первымъ переводомъ Гомеровыхъ твореній — а никто не знаетъ его! Безъ славнаго Боккачю, помогавшаго ему въ семъ переводѣ, не оспалось бы у насъ никакихъ слѣдовъ имени и жизни такою челоуѣка,

къ которому мы должны сохранить нѣ-
которую благодарность. Онъ былъ родомъ
Грекъ, и училъ своему языку во Фло-
ренціи. Авторъ Декамерона описываетъ
его слѣдующимъ образомъ :

„Вообразите себѣ видъ страшной, ли-
„це ужасное, бороду длинную и черные
„волосы, всегда распущенные : такова бы-
„ла его наружность. Погруженный во
„всегдашнюю задумчивость, онъ не имѣлъ
„никакого вниманія къ обществу и къ
„его правиламъ ; былъ грубъ, неучтивъ,
„и жестокъ до свирѣпости. За то зналъ
„совершенно Греческой языкъ и древнюю
„Литтературу. Греческія исторіи и бѣ-
„сни наполняли всю его голову. Но въ
„Латинскомъ языкѣ свѣдѣнія его про-
„спирались не далеко. Думая, что ин-
„страницъ вездѣ болѣе уважается, онъ
„въ Италіи сказывался Грекомъ, а въ
„Греціи Италіянцемъ, и прожилъ нѣ-
„сколько лѣтъ въ развалинахъ Кретскаго
„Лавиринта.“

Не смотря на всѣ спаранія Петрар-
ки и Боккаччо удержавъ сего непостоян-
наго человѣка въ Италіи, онъ захотѣлъ
непремѣнно возвратиться въ Грецію ; но
едва прѣхавътуда, написалъ къ Петрар-
кѣ письмо, которое, по словамъ сего

Автора, было *длиннѣе и гирнѣе бороды его*,
 и въ которомъ онъ, превознося до небесъ
 Ипалію, проклиналъ Константинополь.
 Ему не отвѣчали. Онъ сѣлъ на Венеці-
 янской корабль, и благополучно доплылъ
 до Адриатическаго моря. Тушъ поднялась
 страшная буря. Между тѣмъ какъ мат-
 розы безъ памяти работали, выливая
 воду, опуская и поднимая парусы, нещас-
 тный Грекъ привязалъ себя къ мачтѣ:
 черезъ минушу ударилъ въ нее громъ, и
 убилъ его. Всѣ люди на кораблѣ ужа-
 снулись; но одинъ Пилапъ былъ жертвою
 Небеснаго гнѣва. Опаленный и безобраз-
 ный трупъ его бросили въ море, и Пеп-
 рарка, увѣдомляя Боккачіо о семъ проис-
 шествіи, говорилъ: „Такимъ образомъ
 „сей несчастный и жилъ и умеръ печаль-
 „но; думаю, что онъ не имѣлъ ни
 „одного яснаго дня въ жизни. Казалось,
 „что лице его предвѣщало бѣдствія. Не
 „понимаю, какъ природа могла заронить
 „нѣкопорыя искры пійтическаго духа въ
 „эту мрачную душу!“

*О книжной торговлѣ и любви ко
чтенію въ Россіи.*

За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуетъ.

Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ часнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то естъ, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: Г. Новиковъ сдѣлалъ

ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ полишическимъ разныя другія спашьи, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣпское Чтеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученической переводъ многихъ пѣсѣ, нравилось Публикѣ. Число субскрибентовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000. Съ 1797 году газеты сдѣлались важны для Россіи Высочайшими Императорскими приказами и другими государственнымъ извѣстіями, въ нихъ вносимыми; и теперь расходится Московскихъ около 6000: безъ сомнѣнія еще мало, когда мы вообразимъ величіе Имперіи, но много въ сравненіи съ прежнимъ расходомъ, и едва ли въ какой нибудь землѣ число любопытныхъ такъ скоро возраспало, какъ въ Россіи. Правда, что еще многіе дворяне, и даже въ хорошемъ состояніи, не берутъ газетъ; но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ. Самые бѣдные люди подписываются, и самые безграмотные желаютъ знать, *что лишутъ изъ тужихъ земель!* Одному моему знакомцу случилось видѣть нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чпеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между

Австрійцами и Французами. Онъ спросилъ и узналъ, что пятеро изъ нихъ складываются и берутъ Московскія газеты, хотя четверо не знаютъ грамопы; но пятой разбираетъ буквы, а другіе слушаютъ.

Наша книжная торговля не можетъ еще равняться съ Нѣмецкою, Французскою или Англійскою; но чего не лзя ожидать отъ времени, судя по ежегоднымъ успѣхамъ ея? Уже почти во всѣхъ Губернскихъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярманку, вмѣстѣ съ другими шоварами, привозятъ и богатства нашей Литпературы. Такъ на примѣръ сельскія дворянки на Макарьевской ярманкѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши ѣзжали по деревнямъ съ лентами и перстнями: нынѣ ѣздящъ они съ *угенымъ товаромъ*, и хопя по большой часпи сами не умѣютъ чипать, но желая прельспить охотниковъ, рассказываютъ содержаніе романовъ и комедій, правда по-своему и весьма забавно. Я знаю дворянъ, копорые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 500 рублей, но собирающъ, по ихъ словамъ, *библїотеки*, радующъ ими, и между тѣмъ, какъ мы съ небреженіемъ бросаемъ, куда попало, богатыя изданія Воль-

пера, Бюффона, они не дадутъ упасть пылинкѣ на самаго Мирамонда; чипаютъ каждую книгу нѣсколько разъ, и перечипываютъ съ новымъ удовольствіемъ.

Любопытный пожелаетъ, можетъ быть, знать, какого роду книги у насъ болѣе всего расходяся? Я спрашивалъ о томъ у многихъ книгопродавцевъ, и всѣ не задумавшись отвѣчали: „романы!“ Не мудрено: сей родъ сочиненій есть безъ сомнѣнія самый любопытнѣйшій для большей части Публики, занимая сердце и воображеніе, представляя картину свѣта и подобныхъ намъ людей въ интересныхъ положеніяхъ, изображая сильнѣйшую и при томъ самую обыкновенную жизнь въ ея разнообразныхъ дѣйствіяхъ. Не всякой можетъ философствовать или спавить себя на мѣстѣ Героевъ Испорти; но всякой любитъ, любилъ или хотѣлъ любить, и находилъ въ романтическомъ Героеѣ самого себя. Чипанелю кажется, что Авторъ говоритъ ему языкомъ собственнаго его сердца; въ одномъ романѣ пишетъ надежду, въ другомъ пріятное воспоминаніе. Въ семъ родѣ у насъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе переводовъ, нежели сочиненій, и слѣдственно иностранные Авторы перебиваютъ славу у Рускихъ. Теперь въ спрашной

модѣ Коцебу — и какъ нѣкогда Парижскіе книгопродавцы требовали *Персидскихъ писемъ* оцѣ всякаго Сочинителя, такъ наши книгопродавцы пребуютъ оцѣ переводчиковъ и самыхъ Авторовъ Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, еспли на шипулѣ имя славнаго Коцебу!

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь: лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, — даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Никаноромъ*, *злосчастнымъ дворяниномъ*, потѣ на лѣсницѣ умственного и моральнаго образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаешь, что читаешь сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между Авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ умелъ ни былъ. Надобно всякому что нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще уведомляетъ насъ о согласіи пици съ нашею потребностію, такъ вкусъ моральный открываетъ челоуѣку

вѣрную аналогію предмета съ его душою; но сія душа можетъ возвыситься поспешенно — и кто начинаетъ *Злощастнымъ дворяниномъ*, не рѣдко доходитъ до Новой Элоизы.

Всякое пріятное чтеніе имѣетъ вліяніе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуетъ, ни воображеніе не представляетъ. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая Логика и Реторика: кто ихъ читаетъ, будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не открывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторъ, вздумавъ написать при или чепыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: по описываетъ какой нибудь Американской оспровъ, испощая Бишинга; по изъясняетъ свойство памошнихъ растѣній, справляясь съ Бомаромъ; такимъ образомъ читатель узнаетъ и Географію и Нашуральную Исторію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ романѣ новая Планета Піацци будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ!

Напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для нравственности;

всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную цѣль или представляютъ моральное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми Авторъ закрасилъ ихъ черною: слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся? обыкновенно чувствительные; слезы, проливаемые читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ. Жесткая душа ихъ не принимаетъ кропкихъ впечатлѣній любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности. Гнусный корыстолюбецъ, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ романическомъ Героѣ? а что ему нужды до другихъ? Неоспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце и воображеніе . . . *романически*: какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣнія не романическія сердца причиною того зла въ свѣтѣ, на

которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то есль совсѣмъ имъ противоположныя! Романическое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои огорченія, и не отдастъ ихъ за самыя удовольствія эгоистовъ.

Однимъ словомъ: хорошо, что наша Публика и романы читаетъ!

И.

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо изъ Парижа.

Я долго жилъ въ горахъ Швейцарскихъ, тамъ, гдѣ Природа споль мила, разнообразна и величественна: мудрено ли, что Парижъ бываетъ мнѣ несносенъ, шумный, безпорядочный хаосъ, гдѣ люди хотяшъ быть великими съ малой душою!

Я пошелъ въ Музеумъ, чтобы взглянуть на великіе предметы Искусства; но самъ божественный Аполлонъ показался мнѣ сердитымъ, за то, что его вывели изъ классической Италіи, привязавъ, подобно невольнику, къ порожественной колесницѣ.

Я взглянулъ также мимоходомъ на чепырехъ мѣдныхъ лошадей *локойной* Венеціанской Республики. Онѣ споялпъ теперь на чепырехъ пиласпрахъ передъ великолѣпною решенкою, опдѣляющею большой Тюлерійской дворъ отъ каррусея. — —

Славный парадъ бываетъ нынѣ въ двѣ недѣли одинъ разъ. Думаю, что во

всей Европѣ нѣтъ ничего прекраснѣе сего воинскаго зрѣлища. Вчера я видѣлъ его. На Тюлерійской площади было войска около 10000 человекѣ; большая часть состояла изъ Консульской гвардіи, а оспальная изъ нынѣшняго Парижскаго гарнизона, также очень хорошо одѣтаго; но ничто не можетъ сравняться съ пышностію и воинскою красотою Консульской гвардіи. Все — люди, оружіе, мундиръ, украшенія, ослѣпляли глаза. Только одинъ человекѣ казался обыкновеннымъ; и сей человекѣ былъ — самъ Бонапарше!

Онѣ, въ своемъ красномъ Консульскомъ мундирѣ, на живописной лошади, окруженный Генералами, проскакалъ по всѣмъ рядамъ и велѣлъ войску скорымъ маршемъ идти мимо его. Конная артиллерія загремѣла по каменной мостовой и скрылась. Кавалеристы Консульской гвардіи не такъ хорошо сидяшъ на прекрасныхъ лошадяхъ своихъ, какъ гусары Парижскаго гарнизона (почти всѣ Нѣмцы); они казались совершенными Ценшаврами. Музыка гвардіи несравненна, и кашаны музыкантовъ блипы золотомъ. — И сей парадъ, подобно всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ Консула, изображалъ *быстроту*. Зрительей было множество, но только за решешкою; внутри Тюлерійскаго двора

могутъ быть одни Офицеры. Подо всѣми окнами Тюльери и Коммендантскаго дому сидѣли молодыя женщины, составляя другую картину, прошивоположную военной суровости.

Бонапарте, распустивъ войско, сошелъ съ лошади у главныхъ дверей Тюльерйскаго замка. Я не видалъ его цѣлый годъ: онъ спалъ гораздо хуже и желѣе. Топшъ, кто не боялся смерти, не боится и народныхъ полковъ; но разрушительная сила времени и заботъ дѣйствуетъ въ груди его.

По возвращеніи своемъ въ Тюльери онъ давалъ аудіенцію. Чужестранные Министры вошли за Таллераномъ въ залу при играніи Турецкой музыки. Каждый Посланникъ имѣлъ въ свитѣ своей нѣсколько любопытныхъ путешественниковъ, по большой части Нѣмецкихъ Бароновъ, которые гордились честью представленія въ бывшемъ дворцѣ Бурбонновъ, уступившихъ мѣсто свое тому, кто за нѣсколько лѣтъ передъ симъ служилъ въ артиллеріи Порупчикомъ!

Таллеранъ среди Министровъ такъ же не блисталъ наружностію, какъ Бонапарте среди воиновъ. Но естли Консулъ умѣетъ быть швердымъ, то Министръ его умѣетъ быть гибкимъ, скрываетъ

подъ флегматическимъ видомъ дѣятельную хитрость, знаетъ, какъ удалять препяшства и достигать до цѣли своей. Онъ принадлежитъ теперь къ числу богатѣйшихъ людей во Франціи, и соединяетъ искусство богатѣть съ искусствомъ наживать друзей. Самые непріятели его признаются, что онъ уменъ, знающъ въ своемъ дѣлѣ, и нравится обхожденіемъ и разговоромъ. Таллеранъ имѣетъ основательное право на благоволеніе Консула, бывъ уже во время Кампо-Формійскаго мира его ревностнымъ почитателемъ. Онъ уведомлялъ его въ Египтѣ о всѣхъ обстоятельствахъ Республики, и приготовилъ успѣхъ 18 Брюмера, которое спасло Францію отъ безумія Директоровъ, и наградило его за долговременное терпѣніе при грубомъ Директорѣ Реубелѣ; увѣряютъ, что онъ бросилъ однажды въ сего Министра табуретомъ.

Нынѣшній день слышалъ я любопытный анекдотъ отъ самого С*. Онъ недавно говорилъ съ Господиномъ Н. Н. о томъ участіи, которое имѣлъ въ ужасахъ Революціи ихъ славный П*. Господинъ Н. Н. согласился, что нѣкоторые Якобинцы были орудіями * * скаго Кабинета. С* наименовалъ человѣкъ семь; но

Господинъ Н. Н. помнилъ между ими одного Проли, друга Гебершова, казненнаго вмѣстѣ съ нимъ при Роберспьерѣ. Я радъ былъ этому открытію, зная лично Проли. Въ день казни несчастнаго Лудовика я встрѣтился съ нимъ въ Жирарденевомъ кабинетѣ чтенія. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ молодой Данчанинъ, Господинъ Гобе, съ извѣстіемъ, что Короля уже нѣтъ. И теперь еще живо представляю себѣ адскую улыбку гнуснаго Проли, которую и самъ хозяинъ, Жирарденъ, замѣтилъ.

Сужденія о характерѣ и намѣреніяхъ Консула столь же различны, какъ желанія и надежды партій, къ которымъ принадлежатъ судящіе. Многіе хотятъ непременно сдѣлать его Королемъ, и разсѣваютъ спранные объ немъ слухи. То говорятъ, что онъ набираетъ пажей и Камергеровъ; то увѣряютъ, что онъ намѣренъ торжественно короноваться! Но Бонапарте любитъ быть единственнымъ; сажаетъ Королей на тронъ, и довольствуется скромнымъ именемъ Французскаго гражданина. Власть кажется ему важнѣе имени, и славный брилліантъ, называемый *Регентомъ*, который блистаетъ на Консульскомъ мечѣ, не можетъ блистать свѣтлѣе на коронѣ.

Бывшіе Эмигранты все еще обманываютъ самихъ себя и друзей своихъ въ чужихъ земляхъ. Вы часто услышите отъ сихъ господъ, что Бонапарте у нихъ въ рукахъ; что онъ дѣйствуетъ по ихъ желанію; что они даютъ ему волю до нѣкотораго времени, и что скоро, скоро все переменится! Легковѣрной человѣкъ можетъ задуматься; но кто уже привыкъ оплечать фальшивую монету отъ истинной, потъ въ одно ухо впускаетъ ихъ слова, а въ другое выпускаетъ.

Бонапарте считаемъ себя Дикшаторомъ, а Консульское достоинство свое Дикшатурою. Присвоенная имъ власть оправдывается бѣдственнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ, по возвращеніи своемъ изъ Египта, нашелъ Францію. Консулъ видя, что легкомысліе Французовъ имѣетъ нужду въ строгой опекѣ; но мудрый опекунъ не обманывается ли иногда въ сдѣлкахъ, и всегда ли слѣдуетъ правиламъ безкорыстнаго человѣколюбія? не знаю; но знаю то, что Бонапарте человѣкъ, хотя и великой, а не Богъ, которымъ преданъ Редереръ только - что не называетъ его!

Увѣряютъ, что Консулъ весьма не свѣдующъ въ дѣлахъ государственнаго хозяйства. Будучи военачальникомъ, онъ только

подписывалъ пребожаніе, и завоеванная земля удовлетворяла ему; но Марбуа есть не казначей арміи, а Министръ народнаго казначейства, и опечесство не завоеванная провинція. Тутъ надобенъ особенный умъ, шѣмъ болѣе, что Францію десять лѣтъ разоряли, и нынѣшнее Правленіе должно быть крайне осторожно.

Думаютъ, что онъ стремится болѣе къ чрезвычайному, нежели къ истинно-великому; но рѣдкое шасстіе само собою ставитъ его на путь величія. Не многіе имѣли въ свѣтѣ такія средства возвысить человѣчество; но для сего нужно уважать людей, а противники его говорятъ, что онъ презираетъ ихъ. Мудрено ли, когда Бонапарте видитъ столько низости въ душахъ; когда самое легкое, разумное неодобреніе политическихъ дѣлъ Правительсва вмѣняется здѣсь въ страшную вину, и когда нынѣ Французы не только у себя, но и во всей Европѣ хотѣли бы уничтожить свободное книгопечатаніе, безъ чего не можетъ быть ни Республики, ни соединенія умовъ, ни основательнаго изслѣдованія государственной пользы? Не давно одинъ Французскій Дипломатикъ, по случаю нѣкопрыхъ анекдотовъ, непріятныхъ для Министра Фуше и напечатанныхъ въ Нѣмецкихъ газетахъ, спро-

силѣ у меня съ великимъ удивленіемъ : „развѣ въ Германіи нѣтъ цензуры?“ ... И сей человекъ называется Республиканцемъ!

Конкордатъ служилъ поводомъ къ разнымъ слухамъ о слѣпой привязанности Бонапарте къ Капюлицизму, о намѣреніи его поручить воспитаніе духовенству, и проч. Это совсѣмъ невѣроятно. Консулъ вмѣстѣ со всѣми благоразумными увѣренъ въ святости Хрисіянской Религіи вообще и въ благодѣтельности ея для щаспія государствъ; но онъ безъ сомнѣнія не думаетъ принуждать насъ быть Капюликами. Развѣ мы не видали его другомъ Магомеша въ Египтѣ? Особенная религія Консула есть — Полипика! Передъ Маренгскимъ сраженіемъ одинъ мой пріятель въ Республиканскомъ мундирѣ вспрѣтнулся близъ мѣстечка, занятаго Австрійцами, съ толпою вооруженныхъ Испаліанскихъ крестьянъ, которые еще не давно умерщвляли всѣхъ Французовъ; но шутъ они обошлись съ нимъ дружелюбно, и сказали: *Siamo adesso amici della Francia, il primo Console protegge la santa religione che gli Giacobini volevano distruggere* (теперь мы друзья Франціи: Первый Консулъ есть защитникъ святой Религіи, которую Якобинцы хотѣли истребить). Только рука Священниковъ могла угасить пламя Вандей-

ской войны, которую она воспалила. Бонапарше, любя Религію, думаетъ вѣрно такъ же, какъ одинъ изъ нынѣ-царствующихъ Королей, сказавшій: „Разумъ и „Философія должны быть неразлучными „сопутниками Религіи; тогда не будетъ „ни гнуснаго суевѣрія, ни дерзкаго невѣ- „рія.“ — Старанія Французскаго Правительсва о заведеніи центральныхъ школъ доказываютъ, что оно желаетъ народнаго просвѣщенія. Духовные, которые возвратились во Францію, всячески мѣшаютъ успѣху народныхъ училищъ, желая снова овладѣть воспитаніемъ; но строгой Фуше, Министръ Полиціи, не дастъ имъ уси- литься.

Бонапарше на сихъ дняхъ заставилъ депутацію Инспишупа долго ждать въ передней комнапѣ и наконецъ сказалъ съ улыбкою: *il faut pourtant entendre ce que messieurs les savans ont à dire.* „Вотъ доказательство, говорятъ нѣкоторые, что Консулъ не любитъ ученыхъ!“ Такое заключеніе смѣшно, и болѣе ничего. Бонапарше доказывалъ всегда любовь свою къ наукамъ и почтеніе къ тѣмъ людямъ, которые отличаются умомъ и знаніями. Кто хочетъ вѣчной славы, тотъ не можетъ съ ними ссориться. Но вѣрно то, что Консулъ не доволенъ былъ нѣкоп-

рыми Учеными и Липшерапорами, держувшими въ Трибунапѣ осуждать предложенные Консулами гражданскіе законы. Послѣ того во многихъ Журналахъ бранили Меттафизиковъ, подѣ которыми разумѣются ученики и друзья Сіесовы.

Бонапарте хочеть великолѣпнѣя единственно для того, чтобы внѣшнимъ блескомъ Правленія явить иностранцамъ и самимъ Французамъ образъ богатства и силы Франціи. Онъ чиновниковъ пребуеть онъ нѣкопорой роскоши. Однажды Сенаторъ N. пришелъ къ нему въ сапогахъ. Vous êtes en bottes, citoyen Sénateur, сказалъ ему Бонапарте. Сенаторъ, принявъ это за шушку, онвѣчалъ ему: Il fait trop mauvais tems, citoyen Consul, pour marcher en souliers (*время такъ дурно, гражданинъ Консулъ, что не лзя ходить въ башмакахъ*). — Je vous donne cependant vingt milles francs pour aller en voiture, сказалъ Консулъ съ важнымъ видомъ (*я даю вамъ двадцать тысячъ ливровъ, чтобы ѣздить въ каретѣ*). Слово: я даю, не въ тонѣ республиканскомъ; но Французы не древніе Римляне, которые брали Дикшапоровъ отъ сохи: Сенаторъ въ каретѣ для нихъ важнѣе Сенатора пѣшкомъ! Одинъ изъ сихъ гражданъ бюстишелей, обѣдая съ моимъ пріятелемъ, сказалъ: „любезной другъ!

„Республиканцу не лѣзя жить безъ пу-
 „ларды; надобно хорошо ѣсть и пить,
 „чтобы Цесарь не боялся блѣдныхъ!“

Бонапарте далъ Французамъ имя *великой націи*, которымъ они теперь болѣе всего гордятся, и которое для другихъ народовъ не такъ страшно, какъ ихъ прежніе Якобинскіе шишулы. Уничтоженіе Венеціанской Республики доказало еще въ 1797 году, что онъ учредилъ Чизальпинскую не по одной особенной любви къ Республикамъ; послѣ того Бонапарте сдѣлалъ Этрурію Королевствомъ, и если бы Король Сардинскій былъ учтивѣе прошивъ Консула, то онъ давно бы уже царствовалъ въ Туринѣ. Бонапарте послѣ Маренгскаго сраженія объявилъ ему, на какихъ условіяхъ можетъ возвратитъ ему Пьемонтъ; но Король не хотѣлъ тогда отвѣчать рѣшишельно, подъ ничтожнымъ предлогомъ, что съ нимъ не было Министра его Ст. Марсана. Самая Швейцарская Олигархія, которая всячески оскорбляла Французскую Республику, удостоилась великодушнаго прощенія. Гишпанскій Король радуется дружбою своею съ Наполеономъ. Ужасы Неапольскіе преданы политическому забвенію, и тамъ, гдѣ Бертье за два года передъ симъ вызывалъ изъ гроба Капоновъ и Сципіоновъ, тамъ

Республиканскіе Генералы съ благоговѣніемъ цѣлуютъ нынѣ туфель Папы, заступившій мѣсто орловъ Римскихъ. Миръ и спокойствіе всего дороже.

Бонапарте не подражаетъ Директоріи, не ищетъ союза той или другой партіи, но спавитъ себя выше ихъ, и выбираетъ только способныхъ людей, предпочитая иногда бывшаго дворянина и Роялиста искреннему Республиканцу, иногда Республиканца Роялисту. Вчера одна молодая дама сказала при мнѣ довольно острое слово на счетъ нынѣшней смѣси людей. Господинъ Б* доказывалъ намъ весьма краснорѣчиво, что Бонапарте есть вѣпорой Александръ; она отвѣчала ему съ улыбкою: Ah, Monsieur, je le vois bien, car il nous a mis à la Macedoine (*).

Льстецы дѣлаютъ не малой вредъ Консулу, открывая публикѣ слабую его сторону. Такъ на балѣ у Таллерана Паржская актриса отвѣчала имени хозяина привѣтливо, называя его какъ языческаго бога. Генрихъ IV не потерпѣлъ бы такой грубой лести отвѣта своего друга Сюлли. Таллеранъ же, говоря о неусыпной дѣятельно-

(*) „Да, онъ кормитъ насъ *Македонскимъ* блюдомъ.“ — Macedoine есть родъ Гиншанской оладьи - *потриды* и состоитъ изъ разныхъ мясъ съ разными приправами.

сти Консула, въ присуствіи многихъ иностранцевъ сказалъ: *La France ne suffira plus, si nous ne pouvons faire perdre à cet homme six heures par jour (скоро Франціи будетъ мало для Бонапарте, если мы не отнимемъ у него часовъ шести въ суткахъ).*

Крамеръ.

II.

Торжественное возстановленіе Католической Религіи во Франціи.

Сіе важное происшествіе достойно иѣкошорой подробности въ описаніи.

Законодательный Французскій Совѣтъ или Корпусъ, по избраніи 20 новыхъ Членовъ, собрался въ первый разъ 15 Жерминаля или 5 Апрѣля, при играниіи военной музыки, въ присуствіи множества любопытныхъ и чужестранныхъ Миниспровъ. Шапналь, Миниспръ внутреннихъ дѣлъ, всходилъ на кафедрю и говоритъ, что Совѣтъ въ новыхъ своихъ засѣданіяхъ безъ сомнѣнія утвердитъ мудрыми законами славу Франціи, которою она обязана побѣдамъ своихъ Героевъ и щасливому миру, дарованному ими удивленной Европѣ. Онъ спѣшитъ

увѣдомить Правленіе, что Совѣтъ готовъ прислушаться къ важнымъ дѣламъ своимъ.

Избираютъ новаго Президента, который проситъ Членовъ имѣть всевозможное вниманіе къ законамъ, которые скоро будутъ имъ предложены. „Только мудро-
„спію уставовъ, говоритъ онъ, народы
„могутъ исчислять математически свое
„долговременное и надежное бытіе. Герой
„величіемъ и смѣлостію идей своихъ
„умѣлъ остановить бурное стремленіе
„Революціи и даровалъ миръ Европѣ сво-
„имъ мужествомъ: вамъ, товарищи мои,
„вамъ должно образовать счастье народа.
„Природное чувство добра вѣрнѣе хлад-
„ныхъ умозрѣній Философіи.“

Снова гремитъ музыка, и входящій при Консульскіе Совѣтника съ предложеніемъ Конкордація или Духовныхъ Учрежденій. Одинъ изъ нихъ, Порталисъ, всходитъ на кафедру и говоритъ рѣчь, которая продолжается около двухъ часовъ, и въ которой онъ весьма основательно доказываетъ важность, необходимость Религіи для благоденствія народовъ. „Первое На-
„родное Собраніе (говоритъ Порталисъ),
„опиравъ у Духовенства имѣніе, хотѣло
„сохранить Капюлическую Религію и при-
„знала ее *государственною*; но требовала

„отъ Священниковъ кляшвы, копорая
 „многимъ изъ нихъ казалась противною
 „совѣспи. Умы волновались, и законы,
 „изданные по вдохновенію личностей и
 „раздора, были гибельны какъ для Духов-
 „ныхъ, такъ и для Религіи. Нѣкоторые
 „дерзкіе безбожники вздумали ее совсѣмъ
 „испровергнувъ: къ нимъ приспали дру-
 „гіе, пылавшіе злобою и местию. Религію
 „отвергнули; мораль народная ослабѣла,
 „и люди, ставъ развращенѣе, сдѣлались
 „нещасливѣе. И такъ Вѣра спасительна
 „для народа: не лѣзя сомнѣваться въ сей
 „великой истинѣ. Священные понятія
 „Религіи столь же необходимы для ум-
 „ственного міра, какъ идея творенія для
 „міра физическаго. Мораль безъ церков-
 „наго ученія есть тѣло безъ души и право-
 „судіе безъ судилищъ. Народъ уважаетъ
 „болѣе то, что велятъ ему именемъ Бога,
 „нежели то, что доказываютъ ему име-
 „немъ разсудка. Суевѣріе и фанатизмъ бы-
 „ваютъ слѣдствіемъ невѣжества; но Рели-
 „гія есть плодъ ума и просвѣщенія. Полу-
 „философія раждаетъ безбожниковъ, совер-
 „шенная Философія ведетъ ко благочестию.

„Основатели Имперіи всегда утвер-
 „ждали ихъ славу Религіею; но скоро исче-
 „зали Державы, основанныя на одномъ раз-
 „судкѣ. Нума сдѣлалъ Римъ священнымъ

„градоми, чтобы сдѣлать его градомъ вѣч-
 „нымъ. Французскій Конвенсъ думалъ за-
 „мѣнить Каполическую Религію другою,
 „согласнѣйшею съ нашими нравами и сво-
 „бодою; но сіи люди не знали, что новую
 „Религію ввести не такъ легко, какъ новое
 „слово. И можно ли намъ спыдидься той
 „Вѣры, копорая была Декарповою и Нев-
 „поновою, копорая образовала душу Фе-
 „лоновъ?

„Нѣкоторые думаютъ, что Каполи-
 „цизмъ не сообразенъ съ уставомъ Респуб-
 „лики; но онъ не предписываетъ никакого
 „особеннаго правленія, и есть новая за-
 „щипа для всякаго гражданина.

„Скажутъ ли, что Правленіе хочеть
 „быть шираномъ совѣсти? Нѣтъ, оно
 „хочеть только имѣть Религію. *Терли-*
 „*мость* благоразумна, но *равнодушіе* ко
 „всѣмъ Вѣрамъ есть презрѣніе Религіи и
 „всегда гибельно для власпи.

„Для чего признаванъ Папу главою
 „Вѣры? для чего не избрать въ Респуб-
 „ликѣ начальника духовнаго? Для того,
 „что онъ во Франціи гораздо опаснѣе, неже-
 „ли въ Римѣ; для того, что власпъ духов-
 „ная могла бы тогда болѣе вмѣшиваться въ
 „дѣла гражданской власти, и раздоръ ихъ
 „имѣлъ бы вредныя слѣдствія для госу-
 „дарства. Каполическая Религія прежней

„Монархїи, вѣра опцевѣ нашихъ, та,
 „которую исповѣдуетъ большая часть
 „Французскаго народа, должна быть
 „закономъ Республики; но всякому сво-
 „бодно избиратьъ Религію по сердцу и
 „совѣсти. Что касается до трехъ Консу-
 „ловъ, то они объявляютъ себя торже-
 „ственно Каполиками, обѣщая всякой
 „другой Религіи защиту и покровитель-
 „ство.“

„Хотя бракъ не противенъ ученію и
 „морали Каполицизма, однакожъ церков-
 „ный уставъ его запрещаетъ Духовнымъ
 „жениться: мы не можемъ перемѣнить его.
 „Сверхъ того должности священства столь
 „важны, что онѣ пребудутъ нѣкоторой
 „числоты плѣсной (une certaine pureté
 „corporelle), и семейственные заботы не
 „совмѣстны съ ихъ ревностнымъ испол-
 „неніемъ. Но Священники могутъ женишь-
 „ся, еслили захотятъ опказаться отъ
 „своего сана; и въ такомъ случаѣ дѣла-
 „ются обыкновенными гражданами.

„Однимъ словомъ, Правленіе увѣрено,
 „что Каполическая Религія согласна какъ
 „со нравами, такъ и съ вольностію на-
 „рода Французскаго. Тамъ, граждане
 „законодатели, должно утвердить печат-
 „ную законъ условія, заключенныя Кон-
 „сулами съ Папою. Религія болѣе всего

„дѣйствуетъ на моральное бытіе народа.
 „Вся Франція громогласно требуетъ воз-
 „становленія ея правъ и торжественнаго
 „богослуженія — чѣмъ Революція будетъ,
 „такъ скажутъ, примирена съ Небомъ.“

„Ничто такъ не соединяетъ людей,
 „какъ Религія; она всегда съ нами; все-
 „гда утѣшаетъ насъ въ неравенствѣ
 „судьбы, въ несправедливостяхъ, копорыя
 „мы перпѣть должны въ обществѣ; самое
 „раскаяніе преступника находитъ въ ней
 „сладостную пищу.“

„Всѣ истинные друзья свободы благо-
 „словятъ васъ, граждане законодатели,
 „если вы утвердите великія правила,
 „освященные опытомъ вѣковъ и необходи-
 „мыя для благоденствія государствъ.“

Ренью, другой Членъ Консульскаго
 Совѣта, читаетъ Конкордаты или усло-
 вія съ Папою. Важнѣйшія статьи суть
 слѣдующія:

„Католическая Религія есть Религія
 „большей части Французскаго народа и
 „особенно трехъ Консуловъ. Ея служеніе
 „должно быть торжественно. — Первый
 „Консуль избираетъ Епископовъ: Его Свя-
 „тѣйшество даетъ имъ санъ духовный. —
 „Епископы присягаютъ въ вѣрности къ
 „Республикѣ и обязываются уведомлять
 „Правительство о всякомъ государствен-

„номъ злоумышленіи, которое дойдетъ до
 „ихъ свѣдѣнія. — Духовенство должно
 „молишься о Республикѣ и Консулахъ;
 „въ церквахъ будутъ пѣть: Domine, salvam
 „fac Rempublicam; Domine, salvos fac Consu-
 „les (Господи благослови Республику —
 „Господи благослови Консуловъ). — Епископы
 „наименуютъ Священниковъ. — Всѣ цер-
 „кви неразрушенныя будутъ снова хра-
 „мами богослуженія. Повелѣнія Его Свяшѣн-
 „шества должны быть обнародованы един-
 „ственно съ дозволенія Консуловъ. — Епи-
 „скопы могутъ прибавлять къ своему
 „имени одно названіе *гражданина* или
 „Monsieur. — Епископу надобно имѣть 30
 „лѣтъ отъ роду, быть природнымъ Фран-
 „цузомъ и человекомъ извѣстныхъ добро-
 „дѣшелей. Два Епископа должны испытать
 „его въ знаніяхъ. — Никто изъ нихъ, безъ
 „дозволенія Перваго Консула, не можетъ
 „выѣхать изъ своей Епархіи, которую дол-
 „жно имѣть ежегодно осматривать. — Будетъ
 „одна липургія и одинъ катихизисъ для
 „всѣхъ церквей. — Священникомъ должно
 „имѣть 25 лѣтъ отъ роду и собствен-
 „ность съ ежегоднымъ доходомъ 300 фран-
 „ковъ. — Въ церкви они будутъ носить
 „черный Французскій кафтанъ. Епископы
 „могутъ носить фіолетовые чулки и
 „крестъ. — Священники даютъ благосло-

„веніе брачное единственно шѣмъ, которые
 „имѣють дозволеніе на бракъ отъ город-
 „скаго суда. — Воскресенье есть день оп-
 „дыха для чиновниковъ Республики. —
 „Мѣсяцы будутъ называться по новому
 „Календарю, а дни по старому. — Архі-
 „епископамъ назначается ежегоднаго жало-
 „ванья 15000 ливровъ, Епископамъ 10000,
 „Священникамъ 1500 и 1000. — Будетъ
 „10 Архіепископствъ и 50 Епископствъ
 „во Франціи. — — Наконецъ Папа име-
 „немъ Духовенства отказывается отъ
 „всякаго престолюванія на церковныя имѣнія,
 „присвоенныя себѣ Французскимъ наро-
 „домъ. Въ случаѣ, естли преемники Кон-
 „суловъ будутъ не Каполики, Его Свя-
 „шійшество условится съ Республикою,
 „какъ избираніе Епископовъ, и проч.“

Вмѣстѣ съ Конкордатомъ предлагаются органическія статьи Люперанскаго Духовенства, которое также будетъ на жалованьи Республики.

Законодательный Совѣтъ отсылаетъ сіи предложенія въ Трибунатъ, который избираетъ особенную Коммиссію для ихъ разсмотрѣнія. Симеонъ, одинъ изъ ея Членовъ, 17 Жерминаля доноситъ Трибуналу, что Коммиссія находитъ Конкордатъ спасительнымъ для Франціи. Вотъ рѣчь его:

„Между разными пракшапами, ко-
 „торые въ послѣднѣе два года возвели
 „Республику на степень, ей принадле-
 „жащую, Конкордатъ достоинъ особен-
 „наго вниманія. Дворъ Римскій есть
 „врагъ опасный и другъ полезный; сла-
 „бый для явной вражды, онъ можетъ
 „вредить тайно, и болѣе другихъ силь-
 „нѣйшихъ властей. Говорятъ, что Римъ
 „не любитъ свободы; но онъ есть сто-
 „лица той Религїи, которая смягчила
 „нравы, и которой служители не рѣдко
 „свасали народъ отъ злоупотребленій
 „неограниченной власти.

„Первый Конкордатъ былъ заключенъ
 „Францискомъ I съ Леономъ X, послѣ
 „Мариньянскаго сраженія, которое, по
 „словамъ Фельдмаршала Тривюлса, ви-
 „дѣвшаго 18 сраженій, могло назваться
 „битвою Гигантовъ; новый Конкордатъ
 „заключенъ послѣ Марентской битвы, ко-
 „торая въ сравненіи съ Мариньянскою
 „должна назваться сраженіемъ Гигантовъ.
 „Теперь мы успокоимъ ревностныхъ Хри-
 „стіянъ Италїи и заслужимъ похвалу
 „всѣхъ народовъ, приведенныхъ въ ужасъ
 „нашими заблужденіями въ Полишикѣ и
 „Религїи. Надлежало утвердить Пра-
 „вленіе Республики, ослабленное анархі-
 „ею; надлежало возвратиться къ Религїи,

„уничтоженной излишнею терпимостію.
 „Пусть вольнодумцы не вѣрятъ ей:
 „для народа она споль же необходима,
 „какъ и законы. Дѣти, воспитанныя
 „въ ея правилахъ, узнаютъ, еще не имѣя
 „понятія о гражданскихъ уставахъ, что
 „справедливо и несправедливо, что поз-
 „волено и запрещено. Симъ великимъ сред-
 „ствомъ, а не Метафизикою, первые
 „законодатели смирили народъ и бурныя
 „спраси. Мы видѣли, что суетныя
 „умозрѣнія гибельны, и благоразуміе дол-
 „жно отдать справедливость древнимъ
 „обыкновеніямъ, уваженнымъ примѣрами
 „великихъ людей. Первое Народное Собра-
 „ніе хотѣло не уничтожить, а только под-
 „чинить Религію Правительству и сдѣ-
 „лать Духовныхъ гражданами, соединивъ
 „богослуженіе съ новою Конституціею. Оно
 „только въ одномъ ошиблось, и Консулы
 „воспользовались симъ опытомъ: ошиб-
 „лось въ томъ, что не условилось съ на-
 „чальникомъ Каполическаго Духовенства.
 „Вотъ источникъ раздоровъ и войны
 „междоусобной! Среди семействъ опчаян-
 „ныхъ и полей опущенныхъ, среди раз-
 „валинъ Вандейскихъ надлежало бы опвѣ-
 „чать тѣмъ, копорые не хотятъ, чтобы
 „Правительство занималось Религіею. Чего
 „требовали вооруженные Вандейцы? оспа-

„рей и священниковъ. Одни ихъ честполю-
 „бивые начальники хотѣли воздвигнуть
 „пронъ вмѣстѣ съ олшаремъ; народъ
 „думалъ только о Религїи.

„Мы опускаемъ назадъ, говорятъ
 „нѣкопорые: впадаемъ опять въ варвар-
 „ство. Но развѣ вѣкъ Арнольдовъ и Боссю-
 „эповъ былъ хуже конца осьмаго - наде-
 „сятъ вѣка? Люди совсѣмъ не-набожные
 „думали, что общество апейсповъ не
 „можетъ имѣть швердаго основанія. И
 „такъ Религїя необходима, а для нее
 „также необходимо служеніе: ибо служе-
 „ніе есть въ отношеніи къ Религїи то же,
 „что дѣла въ отношеніи къ Морали. Нѣтъ,
 „мы не опускаемъ назадъ. Начальники
 „Революціи шли гигантскими шагами на
 „пути разрушенія; народъ не хотѣлъ
 „ишпи за ними, и остался далеко назадъ.
 „Нынѣшнее Правленіе не хотѣло оспа-
 „вить народа и спѣшило исполнишь его
 „желаніе. Прежде онъ плапилъ Республикѣ
 „равнодушїемъ за равнодушїе ея къ Ре-
 „лигїи: нынѣ, возвращая ему олшари,
 „привязываемъ его къ опечеству; опни-
 „маемъ предлоги у зломыслящихъ и лице-
 „мѣровъ; миръ внутренній будетъ совер-
 „шенъ подобно внѣшнему. Конкордатъ
 „служитъ за насъ порукою другимъ на-
 „родамъ, которые спрашили нашихъ

„идей политическихъ и невѣрїя; первый
 „слухъ о сихъ благодѣтельныхъ мѣрахъ
 „утвердилъ миръ, пригошловленный герой-
 „ствомъ Французовъ, но весьма ненадеж-
 „ный безъ довѣренности къ государствен-
 „нымъ правиламъ.

„Каполическое богослуженіе соеди-
 „нитъ шѣхъ, которые хотѣли ему слѣ-
 „довать, но другихъ оставилъ въ покоѣ.
 „Духовенство Каполическое и Проте-
 „стантское зависить теперь отъ Пра-
 „вленія, которое даетъ ему жалованье.
 „Не лзя будетъ жаловаться; не лзя
 „спрашиваться богатства Духовныхъ: имъ
 „даютъ только нужное. Фенелонъ усту-
 „палъ домъ свой раненымъ Французамъ
 „и непрїателямъ, Каполикамъ и Про-
 „тестантамъ; лечилъ и содержалъ ихъ.
 „Бельзенсъ въ Марсели ходилъ помогать
 „зараженнымъ язвою, утѣшать ихъ свя-
 „тымъ гласомъ Религіи. Новые пасыри
 „готовы слѣдовать такому примѣру; они,
 „искушенные долговременными бѣдстви-
 „ями, ожидаютъ только повелѣнія, что-
 „бы ревностію своею доказать благодѣ-
 „тельность принятыхъ мѣръ.

„Каполики, Протестанты, гражда-
 „не одной Республики, ученики одной
 „Христїанской Вѣры! наслаждайтесь въ
 „мирѣ щастіемъ Религіи, признанной

„закономъ, подъ эгидою Правленія! Души
 „благочестивыя! радуйтесь: храмы оп-
 „версны. Души твердыя и вольнодумцы!
 „вы также можете радоваться: васъ не
 „принуждаютъ вѣрять, и Правительство
 „хочетъ одного съ вами: терпимости!“

Собирающъ голоса и вынимающъ ша-
 ры: 78 бѣлыхъ и 7 черныхъ. Конкордантъ
 принятъ. Избираютъ двухъ Членовъ, Лу-
 ціана Бонапарте (*) и Симеона, для до-
 несенія о помъ Законодательному Совѣту.

18 Жерминаля собрался Законодатель-
 ный Совѣтъ въ полдень. Ложи и самая
 зала наполнены множествомъ зрителей,
 между которыми замѣчаютъ Принца Оран-
 скаго, Министровъ Россійскаго и Ан-
 глійскаго.

Луцианъ Бонапарте, Ораторъ Трибу-
 нала, является на Каедрѣ. „Революція,
 „говоришь онъ, подобны спиральнымъ земле-
 „трясеніямъ, которыя опровергаютъ зем-
 „ныя нѣдра: онѣ испровергаютъ государ-
 „ства, открываютъ взору ихъ внутреннее
 „зданіе и причину разрушенія. Наблюда-
 „тель видишь въ развалинахъ, что над-

(*) Бывшаго Министра внутреннихъ дѣлъ и По-
 сла въ Гишпаніи. Славный Карно, бышій
 Директоръ, выбранъ также въ Члены Три-
 бунала. Они, по республиканскому *смиренію*,
 не отказались отъ сей должности.

„лежало передѣлать, что сохранить и
 „что снова возстановить должно. Въ па-
 „комъ положеніи находишься законодатель
 „Франціи. Чрезъ десять лѣтъ Революціи,
 „которая была гробомъ для всѣхъ граж-
 „данскихъ учрежденій, время возвратишь-
 „ся къ Религіи, безъ которой нѣтъ твер-
 „досили въ государствахъ. Въ жару войны
 „и побѣдъ можно было не чувствовать
 „сихъ истинъ; но въ тишинѣ мира законо-
 „датель, успокоенный душою, рассу-
 „ждаетъ и видитъ необходимость воздви-
 „гнуть вѣчное основаніе Религіи, утвер-
 „дить ея всеобщее примиреніе и возобно-
 „вить священный союзъ земли съ Небомъ,
 „который есть опора власпей, душа
 „семейственнаго мира, ограда спраспей
 „пылкой юности и защита изнемогающей
 „старости.

„Опровергнутъ ли сѣю важную истину
 „каршиною злоупотребленій Религіи? Но
 „чего смершныи во зло не обращаетъ?
 „Честь рождаеть поединки, славолубіе
 „войну, свобода необузданность. Успремивъ
 „взоръ на опдаленныя пустыни, видимъ
 „дикихъ людей идущихъ въ слѣдъ за
 „богами своими. Наблюденіе священныхъ
 „обрядовъ есть тамъ первая должность, и
 „Богъ вездѣ первое благо. Необходимая
 „для союза народнаго, Религія нужна и для

„щастія людей въ особенности. Она только
 „можетъ ужасать тайныхъ злодѣевъ;
 „ушѣшаетъ бѣднаго, и возноситъ при-
 „пѣсняемаго выше припѣснипеля, терзалъ
 „сильную злобу гласомъ совѣспи; и мудрый,
 „взирая на смертную чашу, восклицаетъ:
 „*есть Богъ мстителъ!* Исчезни убійствен-
 „ная Метазфизика, которая изсушаетъ
 „все, до чего касается! Нѣтъ, нѣтъ,
 „дерзкіе софисты! вы не можете поразить
 „Религіи; она живетъ на небесахъ — и
 „въ сердцѣ!

„Какъ мысль пребуетъ знака или
 „слова, такъ Вѣра пребуетъ Богослуженія.
 „Какой народъ имѣетъ отвлеченную
 „Религію? нужны обряды, торжествен-
 „ныя дѣйствія; нужна самая чудесность.
 „Пусть нѣкоторые народы въ заблужде-
 „ніи: оно священно, ибо благодѣшело для
 „сердецъ и порядка.

„Полипики говорятъ: *не имѣйте ни-*
 „*какого вниманія къ Религіямъ, и тогда*
 „*не будетъ злоупотребленій!* правило лож-
 „ное и опасное! оно раждаетъ только
 „неизвѣспность, безпокойство, новыя сек-
 „шы и вражду. Правленіе должно сообра-
 „жаться съ большимъ числомъ народа. О
 „сей горспи вольнодумцевъ можно сказать
 „то, что Писаніе говоритъ о нечеспи-
 „вомъ: *былъ, и нѣтъ его!*

„Римъ опверзалъ Капитолій для
 „боговъ побѣжденнаго народа. Уже доказано
 „на сей каедрѣ, что всѣ мудрые законо-
 „датели звали къ себѣ на помощь Рели-
 „гію. Такъ думалъ Жанъ Жакъ Руссо,
 „говоря, что она должна быть любезна
 „государству. Самъ Мирабо, копораго
 „не лзя назвать невѣждою и суевѣромъ —
 „Мирабо, одинъ изъ первыхъ дѣйствова-
 „телей Революціи, сказалъ торжественно
 „въ Народномъ Собраніи: *упвердимъ предъ*
 „*лицемъ всѣхъ народовъ, что Религія и Бого-*
 „*служеніе столь же необходимы для Фран-*
 „*цузовъ, какъ свобода; поставимъ крестъ*
 „*на главѣ всѣхъ Департаментовъ, и дока-*
 „*жемъ, что мы не хотимъ истребить въ*
 „*сердцѣ послѣдней надежды несчастной*
 „*добродѣтели!* Англія, обожая свободу,
 „обожаетъ и Религію. Правительство и
 „Духовенство взаимно поддерживаютъ
 „другъ друга. Вольноспъ и совѣствен-
 „ностъ священны — совѣстъ такъ же. Оспа-
 „випъ опечесство безъ Религіи и олпарей,
 „естъ явипъ свѣту примѣръ неслыханный
 „и неизвѣспный въ лѣтописяхъ.

„Тѣ, которые желали бы ввести но-
 „вую Религію, вмѣсто Каполической,
 „забываютъ гибельное слѣдствіе расколовъ,
 „несогласій, фанатизма. Нѣспъ, нѣспъ!
 „Правительство должно было возстано-

„вишь древнюю, общую вѣру народа,
 „отмѣнивъ яѣкошорья злоупотребленія,
 „противныя святой чистотѣ ея.

„Граждане Законодатели! утвердите
 „зданіе Республики на основаніи Религіи,
 „и сдѣлайте общій миръ надежнымъ,
 „заключивъ миръ съ гражданами и съ
 „совѣстію. Вамъ должно слѣдовать волѣ
 „народной; а народъ пребудетъ возснано-
 „вленія Религіи.“

Подаютъ голоса : 218 за Конкордатъ,
 и только 21 противъ. Онъ рѣшительно
 принятъ и утвержденъ.

На другой день Папскій Легатъ,
 Кардиналъ Капрара, имѣлъ торжествен-
 ную аудіенцію у Бонапарше, и въ первый
 день Пасхи будетъ пѣть молебенъ въ со-
 борной церкви Богоматери въ присут-
 ствіи Консуловъ, съ пушечною пальбою
 и съ колокольнымъ звономъ. Бывшій Архі-
 епископъ Эскій Боажелень и Членъ пер-
 ваго Народнаго Собранія долженъ говорить
 проповѣдь. Легатъ, давъ клятву слѣдовать
 во всемъ законамъ Республики, посвятилъ
 уже прехъ новыхъ Епископовъ.

Такимъ образомъ Бонапарше предспа-
 вляетъ намъ великія явленія одно за
 другимъ. Торжественное возснновеніе
 Религіи есть безъ сомнѣнія одно изъ важ-
 нѣйшихъ дѣлъ его: оно утверждаетъ

Французское Правленіе едва ли не болѣе побѣдъ и мирисъ его съ Европою едва ли не болѣе Амьенскаго практата.

III.

И з в ѣ с т і я.

Изъ Англїи.

12 Апрѣля Г. Бордешъ, Членъ Нижняго Англійскаго Парламента, пребывавъ, чпобы особенный Комитетъ изслѣдовалъ дѣла прежнихъ Министровъ. — „Наконецъ, сказалъ онъ, пришло время, въ которое Миниспры должны опвѣстпсовать народу за кровь, ими проліянную, и за милліоны, ими распоченные. Я опдаюсь на судъ благоразумія и справедливости Членовъ. Мы найдемъ, чпо законы государства опмѣнены подъ ничтожными предлогами; чпо всѣ сполны Конспирипуціи испровержены; и чпо одно злоупотребленіе съ корыспію господствуетъ въ Англїи. Мы найдемъ, чпо народъ обремененъ налогами, угнѣсенъ со всѣхъ споронъ; чпо главныя опношенія въ государствѣ, опъ шрона до частнаго гражданина, измѣнились. Положеніе Короля, Принца Валлискаго, Парламента, судей; соспояніе законовъ, арміи, Банка, города

Лондона, обѣихъ Индій, Ирландіи и Шотландіи — все, все является въ другомъ видѣ. Сія перемѣна была испинною дѣлю войны, а не истребленіе Якобинства; хотѣли уничтожить не врага, но свободу, собственность, нравы, законы, обыкновенія Британцевъ. Франція торжествуетъ, а мы лишились всего; чпо Папріотамъ было драгоцѣнно. Уже нѣтъ въ Англіи свободнаго книгопечатанія. Искреннее сообщеніе мыслей называется пасквилемъ, за который должно отвѣтствовать. Теперь я боюсь въ саду своемъ сдѣлать для шищъ пугалище, чтобы его не назвали сапирою на Англійское Правленіе, и чтобы меня вмѣстѣ съ злодѣями не сослали въ Бопани-Бей! Нынѣ собраніе болѣе пятидесяти человекъ запрещено подъ смертною казнію. Система бывшихъ Министровъ умеривила Папріотизмъ; они пресупленія свои называли благоразумною рѣшительностію; выдумали новыя мѣста и чины для умноженія своихъ рабовъ; поспросили шайныя, ужасныя шемницы; набрали чужеземныхъ солдатъ, чтобы имѣть въ нихъ надежное орудіе тиранства. Нынѣшніе Министры хотятъ защитить ихъ, можетъ быть ожидая отвѣтъ своихъ преемниковъ такой же услуги. Народъ долженъ возненавидѣть за то и

Министровъ и Парламентъ. Намъ безпре-
спанно твердятъ о благоденствіи Англїи;
но въ чемъ состоитъ оно? развѣ въ долѣ
550 милліоновъ? развѣ въ Правитель-
ствѣ, которое спраццаетъ насъ Баспил-
ліями? развѣ въ уничтоженіи личной без-
опасности, въ арміи шпионовъ и доноси-
телей, въ Инквизиціи политическихъ
миѣннй и собственности гражданъ, въ
прибавкѣ жалованья судьямъ (чтобы за-
глушить ихъ совѣсть), въ обѣднѣвшемъ
народѣ и легковѣрномъ Парламентѣ? Ны-
нѣшнее состояніе Ирландїи горесипно; а
взоръ на прошедшее ужасенъ. При концѣ
Американской войны почти вся Ирланд-
ская армія сражалась за Англїю, не тре-
буя отъ насъ денегъ на содержаніе. Скоро
послѣ того ввели въ Парламентъ систе-
му корысти; начали подкупать людей.
Народъ желалъ тогда переменны, и краснор-
ѣчїе Господина (Питта), противъ меня
сидящаго, убѣдило насъ въ ея необходи-
мости; но онъ, спавъ Министромъ, пере-
мѣнилъ свои мысли. Для усмиренїя Ир-
ландцевъ послали армію; начались пыш-
ки, истязанїя, злодѣйства подъ именемъ
законнаго наказанїя. Народъ возспалъ прс-
тивъ тиранства: тысячи пали въ сра-
женїяхъ, были казнены и шерзаемы. До
сего времени Министръ вмѣстѣ съ Пар-

ламенномъ дѣйствовалъ противъ народа : пушъ онъ вдругъ (о чудо ума !) навелъ пушки на Парламентъ , объявилъ его не-свѣдущимъ , безсмысленнымъ , и принудилъ къ соединенію съ Англіею . Въ семъ случаѣ Министръ не только сравнялся , но еще превзошелъ Роперспьера . — Однимъ словомъ , бывшіе Министры причиною нашего опаснаго положенія въ разсужденіи Франціи и всей Европы . Должно изслѣдовать ихъ поспушки .“ —

„Я слышалъ странную рѣчь (сказалъ Лордъ Темпель) : одни пустыя слова , и болѣе ничего . Риторъ забылъ доказать намъ пользу своего предложенія ; забылъ доказать все то , что онъ утверждаетъ . И свобода и собственность цѣлы въ Англіи . Что касается до налога на доходы , то онъ спасъ Великобританнію . Бывшему первому Министру обязаны мы нынѣшнимъ своимъ благоденствіемъ ; его талантамъ обязаны шѣмъ , что живемъ подъ скипетромъ добродѣтельнаго Монарха , и не достались въ жертву чужестраннымъ завоевателямъ .“ — Господинъ Джонесъ говорилъ , что предложеніе Бордешово благоразумно . Лордъ Белгревъ съ великимъ жаромъ хвалилъ бывшихъ Министровъ ; и хотѣлъ , чтобы Парламентъ изъявилъ имъ благодарность опъ

имени народа. Господинъ Пиппъ желалъ, чтобы почтенный другъ его не бралъ на себя труда оспаривать грозное предложеніе Господина Бордеша. „Оно, можетъ быть, сдѣлано не во время, сказалъ Шериданъ: но если бы бывшіе Министры такъ мудры и добродѣтельны, какъ нѣкоторые утверждаютъ, то надобно спросить у Его Величества, для чего Онъ отставилъ ихъ?“ — Собрали голоса: предложеніе Бордеша отвергнуто 246 голосами противъ 59.

Министръ Аддингтонъ представилъ Парламенту картину доходовъ и расходовъ Англіи. Вмѣсто уничтоженнаго налога, столь ненавистнаго Англичанамъ подъ именемъ *income-tax* (*), онъ предложилъ налоги на поршеръ, хмѣль, лошадей, слугъ, и проч., которые однакожь не могутъ замѣнить его. — Г. Аддингтонъ надѣется, что Англія можетъ въ 45 мѣсяцевъ выплатить долги свои, и доказываетъ сію возможность разными вычисленіями, которые не будутъ ясны для нашихъ Читателей.

Еще другіе предметы занимали Парламентъ: необходимость назначить новыя суммы для содержанія Двора — права Наслѣднаго Принца на доходы съ Керн-

(*) Налогъ на доходы.

валисскаго Герцогства (по есть, Принцъ также имѣеть нужду въ деньгахъ) — Банкъ и наконецъ торгъ невольниками. Фоксъ, разсуждая о потребностяхъ Двора, говорилъ, что ему нужна экономія еще болѣе новыхъ доходовъ; а требованія Принца Валисскаго находилъ справедливыми. — Г. Робсонъ сказалъ, что Банкъ не думаетъ плащать наличными деньгами въ назначенное для того Парламентомъ время (*); что нація будетъ тѣмъ весьма недовольна, и что Министры должны показать, сколько они заплатили проценновъ Банку; что онъ конечно имѣеть уже много золота, и могъ бы выдавать его; что безпреспанное умноженіе Англійскихъ ассигнацій напоминаетъ фабрику Французскихъ *ассиньятовъ*. Робсоново предложеніе отвергнуто. — Г. Каннинъ и Вильберфорсъ говорили прошивъ варварскаго обыкновенія торговать Неграми, думая, что пріобрѣтеніе острова Троицы еще умножитъ сей ненавистный торгъ. — Засѣданія Парламента будутъ гораздо любопытнѣе тогда, когда Министры предложатъ ему мирный планъ.

(*) Еще въ 1797 году Парламентъ далъ Банку дозволеніе не плащать деньгами за ассигнаціи.

Изъ Палермы отъ 13 Марта.

Новѣйшія письма изъ Корфу увѣдомляютъ насъ, что Оптоманская Порта, считая Республику Семи Острововъ своею подданною, прислала въ Корфу Турецкаго Комменданта съ малочисленною свитою.

Корфиоты, бывъ подъ начальствомъ благородныхъ, отняли у нихъ сію власть, уничтожили Сенатъ, распустили войско и хопѣли основашь у себя Демокрацію; другіе острова слѣдовали ихъ примѣру.

Въ сію Республику отправленъ былъ Графъ д' Оріо, Дѣйствительный Штапскій Совѣтникъ и Мальтійскій Кавалеръ, съ пѣмъ, чптобы онъ былъ ея начальникомъ. Принцъ Теопоки, уважаемый и любимый жителями острова Корфу, свѣдавъ о прибытіи Графа д' Оріо въ Бриндизи, собралъ народъ и предсѣвилъ ему, что Республика не должна повиноваться сему Графу, иностранцу и бывшему Венеціянскому дворянину. Когда же д' Оріо пріѣхалъ въ Корфу, то народъ не велѣлъ оказывать ему никакихъ почестей, запретилъ гражданамъ имѣть съ нимъ сообщеніе и даже снимать передъ нимъ шляпу на улицѣ. Графъ, вѣхавъ въ городъ, хопѣлъ приложиться къ мо-

цямъ Святаго Спиридіона и тѣмъ изъ-
лвить ему благодарность за свое ще-
спливое прибытіе; но его не впустили въ
церковь. Графъ Метакса былъ взятъ подъ
стражу за то, что онъ видѣлся съ Гра-
фомъ д' Оріо, и высланъ изъ Республики со
всѣмъ его семействомъ.

Благородные жили въ страхѣ и не смѣ-
ли показываться. Пясть брагъевъ зна-
нѣйшей и богатѣйшей фамиліи Унгара,
лѣжно обвиняемые въ заговорѣ, сидѣли въ
темницѣ, и народъ грозился ихъ раз-
стрѣлять.

Въ сіе время вошли въ гавань 3 Ан-
глійскіе фрегата, и въ нѣсколько дней
все перемѣнилось. Жители острова Кор-
фу получили грозный Фирманъ отъ
Султана, не довольнаго ихъ новою Кон-
ституціею. Онъ ставитъ имъ въ при-
мѣръ Францію, велитъ навсегда отка-
заться отъ ложныхъ идей равенства,
и говоритъ, что скорѣе Республика Семи
Острововъ будетъ пустынею, нежели
Демократіею. Народъ, боясь Англійскихъ
пушекъ, долженъ былъ повиноваться: всѣ
новыя власти уничтожены, и прежнее
начальство возстановлено на островѣ. Та-
кимъ образомъ Турецкое Правительство,
не умѣя хранишь благоустройство въ своей
Имперіи, хочетъ быть Менпоромъ сей

Республики, споль щасливой своимъ положеніемъ и климатомъ!

Изъ Копенгагена отъ 16 Апрѣля.

Одинъ извѣстный своею добродѣтелію поселянинъ, живущій не далеко отъ Копенгагена, вздумалъ праздновать *золотую свадьбу*, по естѣ пятидесятый годъ своего щасливаго супружества, и звалъ къ себѣ на обѣдъ Наслѣднаго Принца. Его Высочество извинился, что дурная погода не дозволяетъ ему ѣхать къ *логтенному старцу*, украшенному добродѣтелями *древнихъ вѣковъ*; но послалъ къ нему самыхъ лучшихъ винъ и корзину съ плодами. Щасливая земля, гдѣ земледѣльцы могутъ звать къ себѣ Въ гости Наслѣдныхъ Принцовъ!

П. П. Въ С. Доминго были упорныя сраженія. Африканскіе Генералы дрались храбро, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ били Французовъ; но у Туссеня осталось только тысяча двѣ войска, и всѣ жисели считаютъ его погибшимъ.

О Россійскихъ книгахъ.

У Содержателей Университетской Типографіи, Люби, Гарія и Попова, по Комиссіи въ ихъ лавкахъ, въ первой Университетской, что на Тверской; во второй, на Ильинкѣ, въ новомъ Госпиномъ дворѣ, прошивъ Хрустальнаго ряду на углу, подъ Но 1; въ третьей, на Никольской улицѣ, подлѣ входа въ Управу Благочинія, подъ Но 3, въ продажу вступили слѣдующія, вновь изъ печати вышедшія книги:

Августина Блаженнаго Богословія Таинственная, въ трехъ книгахъ состоящая: первая, Богомысліе, въ 36 главахъ; вторая, разговоры уединенныя души съ Богомъ, въ 37 главахъ; третья, ручная книжица о прилѣжномъ еже о Христвѣ, или Божіемъ словѣ въ умъ своемъ поученіи, въ 40 главахъ; переведена съ Лашинскаго языка, и на темныя мѣста крашкія извѣщенія приложены Пропоіеремъ Роменскимъ Констанентиномъ Крижановскимъ. Спб. въ бум. 1 руб. 10 коп.

Августина Блаженнаго три книги: первая, о подвигѣ Христіанина, содержащая въ себѣ правило вѣры и наставленія жизни; вторая, Ручникъ о трехъ Евангельскихъ добродѣтеляхъ: Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви, гдѣ истинный образъ Богопочтенія и истинная премудрость человѣческая крашко изображены; третья, мысли, выбранныя изъ его же сочиненій Просперомъ Аквишанскимъ, содержащая въ себѣ 300 спашей, а къ нимъ приложенъ разговоръ о Святой Троицѣ. — Тогожь Б. А. Спб. въ бум. 1 руб. 60 коп.

Августина Блаженнаго Зеркало, изъ всего Священнаго Писанія, шо есть изъ обонхъ Божественныхъ Вешаго и Новаго Заѡшовъ составленное, содержащее въ себѣ какъ приказанія, такъ и запрещенія Божія къ поправленію жишя челоѡческаго служащя, дабы оныя всякъ читая могъ самого себя какъ бы въ зеркалѣ видѣть и познашь, повинуется ли онъ Богу, или нѣтъ. Спб. въ бум. 1 руб. 60 коп.

Сочиненія Преосвященнаго Тихона Іго, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, при книги: первая, наставленіе Христіанское; вторая, краткія нравоучительныя Слова; третія, разныя проповѣди, съ приложеніемъ описанія жизни его. Спб. въ бум. 1 руб. 60 коп.

Размышленія о любви къ Богу, взяшыя изъ сочиненій Идіюпа, мужа, прославившагося въ Ученомъ свѣтѣ. Перевелъ Московской Славено - Греколапинской Академіи Философїи Спудентъ Ромадановскій. Издано иждивеніемъ одной благотворительной Особы, для поощренія учащихъ въ Московскій Академіи, къ подобнымъ душеспасительнымъ и богоугоднымъ переводамъ и упражненіямъ. Съ дозволенія Московской Цензуры. Москва, 1801 года, въ бумажкѣ 70 копѣекъ.

Слово о томъ, въ чемъ мы должны искать истинной нашей славы, и чѣмъ можемъ достойно прославлять Бога, проповѣданное Архимандритомъ, Московскій Академіи Ректоромъ Владимиромъ. М. 1801 года, въ бумажкѣ 25 копѣекъ.

Иногородные — сіи и всякія книги могутъ получашъ изъ оныхъ лавокъ чрезъ Почту.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

М А Й 1809.

№ 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Путешествіе Аббата Бартелеми въ Италіи.

Желая, чпобы *Вѣстникъ Европы* былъ собраніемъ достопамятностей Европейской Литпературы и Полипики, мы должны замѣчать важнѣйшее и любопытное какъ въ той, такъ и въ другой. Путешествіе Аббата Бартелеми, еще неизвѣстное въ Россіи (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ), есть самая любопытнѣйшая изъ новыхъ книгъ; и по тому считаемъ за обязанность дать объ немъ идею.

Бартелеми былъ въ Италіи съ Герцогомъ Шуазелемъ и сообщалъ Графу Келюсу какъ описаніе видимыхъ имъ предметовъ, такъ и мысли свои объ оныхъ. Онъ писалъ не для публики, не думалъ

„нїя его кабинета медалей, мнѣ вѣрен-
 „наго, считаю за долгъ искашь знаком-
 „ства первыхъ Италїанскихъ ученыхъ.
 „Онъ снялъ колпакъ, удвоилъ вѣжливостъ
 „свою, долго кашлялъ, и требовалъ у меня
 „дозволенїя представишь мнѣ Синьору
 „Марїю Лауру, его старинную прї-
 „ятельницу, которая равно учена и доб-
 „родѣтельна, знаетъ Латинской, Грече-
 „ской, Еврейской языкъ, рисуешь, пи-
 „шетъ какъ Апелль, играетъ на лирѣ
 „какъ Орфей и шепетъ какъ дочери Мине-
 „евы. Хвала еще продолжалась, когда
 „вошла къ намъ Синьора, женщина лѣтъ
 „въ 65; а ему будетъ, кажется, лѣтъ 70.

„Въ теченїе разговора Прелатъ увѣ-
 „рялъ меня, что онъ происходитъ отъ
 „Рыцаря Баярда, и не только родомъ,
 „но и душою Французъ совершенный;
 „жаловался на медленностъ работъ Гер-
 „куланскихъ, на безпечностъ Министровъ
 „въ разсужденїи древнихъ манускриптовъ,
 „на досаду людей, завидующихъ его боль-
 „шому жалованью. Не знаю, какъ я на-
 „именовалъ Графа Келюса: онъ въ ту же
 „секунду закричалъ: какъ! вы знаете
 „Графа Келюса? онъ другъ мнѣ. Послу-
 „шайте, Синьора Лаура: этотъ Графъ
 „Келюсъ есть знатной господинъ во Фран-
 „ции, великой мужъ учености, душа всѣхъ

„Парижскихъ Академій, покровитель всѣхъ
 „Искусствъ, все знаетъ, обо всемъ лишетъ,
 „и плѣняетъ своими твореніями весь усе-
 „ный міръ. И въ ту минуту, оборотясь
 „ко мнѣ, спросилъ по-Французски: Qu'a-
 „t-il fait, le Caylous? je n'ai jamais rien vou-
 „de lui (*) (о чемъ писалъ Келюсъ? я ни-
 „когда не видалъ его сочиненій). Не дожи-
 „даясь моего отвѣта, онъ позвонилъ въ
 „колокольчикъ, велѣлъ принести большую
 „коробку, наполненную его Лапинскими
 „стихами, и спросилъ, хочу ли слушать
 „ихъ? Съ великимъ удовольствіемъ, Мон-
 „синьоръ, отвѣчалъ я: но вы кашляе-
 „те! Нужды нѣтъ, сказалъ онъ: жертвую
 „всѣмъ вашему удовольствію — и началъ
 „декламировать мнѣ *анатомическое описаніе*
 „*мозга*. Вонервыхъ матерія была мнѣ
 „не очень знакома; вонпорыхъ Лапин-
 „ское произношеніе Италіянцевъ такъ не
 „сходно съ нашимъ, что прелестъ спи-
 „ховъ его совершенно укрывалась отъ мо-
 „его слабого понятія. Синьора Лаура
 „догадалась, и перервала чшеніе; сказа-
 „ла, что такое важное содержаніе пре-
 „буетъ опмѣннаго вниманія, и предло-
 „жила ему чипать *Тревійской* его *истог-*

(*) Известно, что Италіянцы произносятъ Французское и какъ сл.

„никѡ. Синьйора говоритѡ правду, ска-
 „залѡ онѡ: вы были въ Римѡ и конечно
 „нѡсколькѡ разѡ удивлялись этому пре-
 „красному источнику. Его при мнѡ от-
 „крыли: огонь пѡишическѡй воспылалѡ въ
 „моей гѡловѡ, и рѡкою излился въ этой
 „пѡесѡ. — Сколькѡ разѡ ни твердилѡ я:
 „Монсиньйорѡ! вы кашляете! слова мои
 „остались безѡ дѡйствѡя; надлежало слу-
 „шать“ — и проч.

Всего любопытнѡе видѡтъ въ сей
 книгѡ первую идею великаго творенѡя,
 которое прославило Бартелеми: идею
Анахарсиса. Онѡ хопѡлѡ сперва описать
 путешѡствѡе Француза по Италѡи въ
 вѡкъ Медисовѡ. Вотѡ планѡ его, са-
 мимѡ Бартелеми написанный. Онѡ пред-
 ставляетѡ намѡ эпоху славную возрожде-
 нѡемѡ Искусствѡ, Наукѡ, и множествѡмѡ
 великихѡ людей, жившихѡ въ одно время.

„Французѡ переѡзжаетѡ черезѡ Аль-
 „пѡйскѡя горы, и видитѡ въ Павѡи Геро-
 „ма Кардана, писавшаго о всѡхѡ предме-
 „тахѡ, Автора двѡнадцати большихѡ
 „помовѡ; въ Пармѡ Корреджѡя, расписы-
 „вающаго куполѡ соборной церкви; въ
 „Маншу Графа Бальшазара Каспильйона,
 „сочинителя прекрасной книги *Il cortigi-
 „apo (придворнаго)*; въ Веронѡ Фрака-
 „спора, Медика, Философа, Астронома,

„Математика, Императора, Космо-
 „графа, славнаго всѣмъ, а особливо епихо-
 „пворствомъ: ибо тогдашніе писатели
 „спарались опличиться во всѣхъ родахъ
 „(что бываетъ во всякой землѣ при на-
 „чалѣ Наукъ и Импературы). Въ Па-
 „дуѣ онъ слушаетъ лекціи Филиппа Де-
 „дѣя, Доктора Правъ, славнаго палантами
 „и знаніями. Сей городъ зависѣлъ тогда
 „отъ Венеціи. Лудовикъ XII, завладѣвъ
 „Миланомъ, хотѣлъ прославить сей го-
 „родъ поселеніемъ въ его стѣнахъ Докто-
 „ра Дедѣя; но Республика долго не хотѣ-
 „ла съ нимъ разспаться, спорила — и
 „двѣ сильныя Державы едва было не на-
 „чали воевать за Юрисконсульша!

„Путешественникъ нашъ знакомитъ-
 „ся въ Венеціи съ Даніиломъ Барбаро
 „(наслѣдникомъ щастливаго для Наукъ
 „имени, умножившимъ славу его примѣ-
 „чаніями на Аристотелеву Реторику,
 „переводомъ Витрувія, трактатомъ о
 „Перспективѣ.) и Павла Мануче, славна-
 „го ученаго и типографщика, у котораго
 „находитъ онъ всѣ новыя Испаліянскія
 „изданія древнихъ Авторовъ. — Въ Фер-
 „рарѣ видитъ Аріоста, въ Болоньи Про-
 „фессора Ричи, въ Флоренціи Макіавеля,
 „Историковъ Гвикадина и Павла Джо-
 „ве, цвѣтущій Университетъ и Домъ

„Медицисовъ, нѣкогда купеческій, а по-
 „гда уже Владѣшельный, и въ свойствѣ
 „со многими - Королевскими фамиліями :
 „Домъ, который въ первомъ состояніи
 „оказалъ великія добродѣтели, а во вто-
 „ромъ великіе пороки, но всегда славил-
 „ся, ибо всегда любилъ Искусства и Лип-
 „псатуру. — Въ Римѣ видитъ онъ Ми-
 „кель - Анджело, сводящаго куполь Свя-
 „щаго Петра; Рафаеля, расписывающаго
 „Вапиканскую галерею; Садолепа и
 „Бембо, тогдашнихъ Секретарей Леона X;
 „Триссино, отдающаго на театрѣ Софо-
 „низбу, первую трагедію, сочиненную
 „послѣ Древнихъ; Бераальда, Вапикан-
 „скаго Библиошекаря, занятаго изданіемъ
 „Тацциповыхъ лѣпописей, не давно найден-
 „ныхъ въ Вестфалии и купленныхъ Лео-
 „номъ X за 500 червонцевъ. Сей Папа
 „предлагаетъ мѣста и значное жалованье
 „ученымъ всѣхъ народовъ, желающимъ
 „поселиться въ его обласіяхъ, и боль-
 „шое награжденіе тѣмъ, которые прине-
 „суть ему неизвѣстные манускрипты.

„Въ Неаполѣ онъ находитъ Телезіо,
 „хотящаго воскресить систему Парме-
 „нидову (и бывшаго, по словамъ Бакона,
 „первымъ возстановителемъ Философіи), и
 „еще Бруно, котораго Напура избрала
 „быть изъяснителемъ ея, наградила

„великимъ разумомъ, но лишила таланта,
„управлять собою (*).

„До сего времени путешественникъ
„лешѣль, такъ сказать, съ одного конца
„Италіи на другой, находя вездѣ чуде-
„сноспии, то есть, великіе монументы и
„великихъ людей, удивляясь безпрестанно
„и восхищаясь духомъ. Долговременное пре-
„бываніе въ Италіи и въ разныхъ ея зем-
„ляхъ откроетъ ему еще болѣе любопы-
„наго. Какая богатая жатва для ума! какой
„источникъ идей о началѣ Европейскаго
„просвѣщенія! Означаю только нѣкопорыя;
„но предметъ увлекаетъ меня, и требуетъ
„еще дальнѣйшихъ изъясненій.

„Въ пятомъ и шестомъ вѣкѣ Италія
„покорена была Герулями, Готами, Оспро-
„готами и другими народами, до того
„времени неизвѣстными: въ XV вѣкѣ она,
„гораздо щасливѣе, покорилась Генію и
„талантамъ, призваннымъ или, по край-
„ней мѣрѣ, принятымъ Домами Медіцис-
„скимъ, Эстскимъ, Урбинскимъ, Гонзак-
„скимъ — Государями и Републиками.
„Вездѣ явились великіе люди: одни, рож-
„денные въ самой Италіи; другіе, при-
„влеченные изъ другихъ земель, не столько

(*) За многія свои дерзкія сочиненія и за пере-
мѣну вѣры онъ былъ сожженъ въ Римѣ.

„низкою корыстію, сколько лестнымъ
 „уваженіемъ; иныя, вызванные изъ Испа-
 „ліи въ другія государства, чтобы распро-
 „странять тамъ свѣдѣнія, образоватъ
 „воспитаніе юноши и хранишь здравіе
 „Государей.

„Вездѣ учреждались Коллегіи, Уни-
 „верситеты, типографіи для всѣхъ язы-
 „ковъ и наукъ, библіотеки, ежедневно
 „обогащаемыя напечатанными въ Испаліи
 „книгами, и новыми манускриптами,
 „привозимыми изъ шѣхъ земель, въ копо-
 „рыхъ еще царствовало невѣжество. Ака-
 „деміи такъ умножились, что въ одной
 „Феррарѣ было ихъ 12, въ Болоньи 14,
 „въ Сіеннѣ 16. Онѣ имѣли предметомъ
 „своимъ Науки, Словесность, языки,
 „Исторію, Искусства. Одна изъ сихъ
 „Академій слѣдовала Платону, а другая
 „ученику его Аристотелю: въ обѣихъ
 „полковали мнѣнія древней Философіи и
 „даже *угадывали* мнѣнія новой. Въ Болоньи
 „и въ Венеціи Академія имѣла попече-
 „ніе о типографіи, о хорошей бумагѣ, о
 „литерахъ, корректурахъ и вообще о совер-
 „шенствѣ новыхъ изданій.

„Быстрые успѣхи Наукъ въ Испаліи
 „были слѣдствіемъ соревнованія между ея
 „разными Правительствами и самаго кли-
 „мата ея. Всякая столица и малѣйшіе

„города славились любовію къ просвѣщенію,
 „и заводили Обсерваторіи для Аспроно-
 „мовъ, Амфитеатры для Анапомиковъ,
 „сады для Натуралистовъ, библіотеки
 „для всѣхъ Литтераторовъ, кабинеты
 „древностей для Антикваріевъ, и всякаго
 „рода талантамъ наперерывъ изъявляли
 „почтеніе и благодарность. — Что касает-
 „ся до климата, то въ сей землѣ не
 „рѣдко находимъ людей съ пылкимъ вооб-
 „раженіемъ, съ умомъ проницательнымъ,
 „способныхъ къ глубокомыслию, къ вели-
 „кимъ предпріятіямъ, и неспособныхъ
 „оставить ихъ, когда они размыслили и
 „твердо рѣшились. Симъ выгодамъ и свой-
 „ствамъ Италія обязана была тѣмъ бо-
 „гатствомъ Наукъ и талантовъ, которое
 „въ нѣсколько лѣтъ возвелъ ее, въ срав-
 „неніи съ другими землями, на степень
 „удивительнаго просвѣщенія.

„Я полагаю Аріоста современникомъ
 „Леона X, но могъ бы и Петрарка и
 „Тасса предшавить въ семь вѣкъ, хотя
 „одинъ жилъ за 150 лѣтъ прежде, а
 „другой родился 11 лѣтъ послѣ: ибо
 „Петрарковы Италіянскія стихотворенія,
 „забышыя въ свое время, только при
 „Леонѣ X сдѣлались славны; а Тассъ обра-
 „зовалъ себя по Аріосту. Такъ называ-
 „ющъ именемъ Нила источникъ и успье

„сей рѣки. — Всѣ роды стихотворства
 „были тогда въ цвѣтущемъ состоянїи, и
 „каждый оставилъ великіе образцы. Кромѣ
 „Арїоста, въ Италїанской Поэзіи опли-
 „чались Бернардъ Тассо, отецъ славнаго
 „Торквата, Бенпеволю, Аннибалъ Каро,
 „Берни; а въ Латинской Поэзіи Салла-
 „заръ, Полипиціанъ, Вида, Бераальдъ; и
 „между шѣми, когорые, не будучи соб-
 „ственно Поэтами, писали стихи, можно
 „наименовать Леона Х, Макіавеля, Ми-
 „кель - Анджело, Бенвенуто Челлини,
 „славнаго ваятеля, гравѣра и золотыхъ
 „дѣлъ мастера.

„Успѣхи Архитектуры доказывающ-
 „ся въ семъ вѣкѣ съ одной стороны шво-
 „ренїями Серлю, Виньйоля, Палладія, и
 „многими примѣчанїями на пракнашъ
 „Випрувїя; а съ другой стороны народ-
 „ными и частными зданїями, когорые
 „и теперь удивляютъ знамоковъ.

„Въ разсужденїи живописи я наиме-
 „новалъ Микель - Анджело, Рафаеля,
 „Корреджіо: къ нимъ надобно прибавить
 „Юлія Романа, Тиціана, Андрея дель-
 „Сарте и множество другихъ великихъ
 „Архисновъ, образованныхъ ихъ произве-
 „денїями.

„Ежедневно выходили новые пракпа-
 „шы о системахъ Платона, Аристотеля

и древнихъ Философовъ. Трудолюбивые
 Криптики занимались Римскими древно-
 ссиями, и всѣ города собирали свои лѣто-
 писи. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые
 Писатели, изъясняя Исторію человѣка,
 проникали умомъ въ самую глубокую
 древность, смѣлые мореплаватели пре-
 зирали всѣ опасности, чтобы открыть
 отдаленные и неизвѣстные народы, ко-
 рыхъ бытіе начинало казаться въро-
 янымъ. Имена Христофора Колумба, Аме-
 рика Веспучія, Себастіана Кабота, укра-
 шаютъ сей блестящій списокъ, скоро
 умноженный именами другихъ Италіян-
 цевъ, которыхъ извѣстія были обнародо-
 ваны Рамузіемъ.

Взятіе Константинополя Турками
 въ 1455 году и щедрость Леона X за-
 спасавши переселились въ Италію мно-
 гихъ Грековъ, которые привезли съ собою
 всѣ главныя Математическія книги.
 Старались узнать языкъ ихъ; Гре-
 ческія шворенія были изданы, переве-
 дены, изъясняемы, и охота къ Геометріи
 сдѣлалась общею. Нѣкоторые посвятили
 себя ей одной: на примѣръ Тарталія,
 Коммандонъ; другіе присоединили ее къ
 своимъ упражненіямъ, на примѣръ Мавро-
 лико, который писалъ объ Ариѳметикѣ,
 Механикѣ, Астрономіи, Оптикѣ, Музыкѣ,

„Исторіи, Грамматикѣ, чудесахъ и спра-
даніяхъ Римскихъ Святыхъ, и сверхъ
„того сочинялъ Ипаліянскіе списхи.

„Анатомія обогатилась наблюденіями
„Фаллопа Моденскаго, Болоньини, Виго,
„и проч.

„Альдрованди, бывъ 48 лѣтъ Про-
фессоромъ Ботаники и Философіи въ
„Болонскомъ Университетѣ, оставилъ
„попомству 17 огромныхъ томовъ о Есте-
„ственной Исторіи. Не говорю о множе-
„ствѣ богословскихъ книгъ и трактатовъ
„о Юриспруденціи.

„Успѣхи Искусствъ нипали любовь
„къ спектаклямъ и пышности. Исторія,
„вмѣстѣ съ монументами Грековъ и Рим-
„лянъ, вселяла въ душу идеи благопри-
„стойности, величія и гармоніи, кото-
„рыхъ не знали прежде. Когда Юліанъ
„Медицисъ, братъ Леона X, былъ объяв-
„ленъ Римскимъ гражданиномъ, Папа
„давалъ городу великолѣпные праздники,
„соединенные съ народными играми въ
„Греческомъ вкусѣ; на обширномъ театрѣ,
„построенномъ близъ Капитолія, пред-
„ставляли два дни Плавтову комедію;
„ея музыка и пышныя декораціи были
„предметомъ всеобщаго удивленія. Леонъ X
„при семъ случаѣ уничтожилъ нѣкоторыя
„налоги и далъ справедливости видъ благо-

„дѣянiя ; а народъ соорудилъ ему спа-
„тую.

„Время , въ которое Напура открыла
„людямъ столько тайнствъ , Философiя
„столько истинъ , промышленность столь-
„ко новыхъ способовъ , и въ которое къ на-
„шему мiру прибавился еще цѣлой мiръ (*),
„кажется наблюдателю рожденiемъ новаго
„человѣческаго рода ; но изумленiе его
„уменьшился , когда онъ увидитъ достоин-
„ство и таланты наравнѣ съ первыми
„пишлами знаиности , спраспныхъ любо-
„телей Наукъ въ пурпурѣ Римскомъ ,
„Ученыхъ въ совѣтѣ Царей , на важнѣй-
„шихъ мѣстахъ Правленiя — тогда ему
„ясно откроется причина.

„Чтобы еще возвысить любопыт-
„ность сего путешествiя , надлежало бы
„прибавить къ блестящимъ дѣйствiямъ
„благороднаго , общаго славолубiя , всѣ
„новыя идеи , которыя способствовали
„сей чудесной революцiи , и всѣ знаки
„погдашняго волненiя Европейскихъ наро-
„довъ , и всѣ отношенiя къ древнему Ри-
„му , которыя безпрестанно являющся
„уму , и все , что наспоющее пригото-
„вило для будущаго ; ибо въкѣ Леона X
„былъ упреннею зарею слѣдующихъ , и

(*) То есть , Америка.

„многіе Геніи Европы, блискавшіе въ
 „XVII и XVIII вѣкѣ, обязаны большею
 „частью славы своей Геніямъ Италіи пя-
 „таго - и шестяго - надсять вѣка. Сей
 „предметъ такъ богатъ картинами, раз-
 „нообразными и полезными для ума,
 „что я хотѣлъ имъ заняться; но ско-
 „ро увидѣлъ, что онъ требуетъ отъ
 „меня совсѣмъ новыхъ упражненій и тру-
 „довъ. Вообразивъ тогда же, что путе-
 „шествіе въ Грецію, около Филиппова
 „времени, представляеть мнѣ способъ
 „заключить въ маломъ пространствѣ все
 „любопытное Греческой Исторіи и множе-
 „ство подробностей въ разсужденіи на-
 „укъ, искусствъ, Религіи и нравовъ,
 „обыкновеній и другаго, что не можетъ
 „быть описано Историками, я обрадовал-
 „ся сей мысли, долго занимался планомъ
 „и началъ работать въ 1757 году, по
 „возвращеніи моемъ изъ Италіи.“

Мы безъ сомнѣнія не можемъ пенять
 Аббату Бартелеми, что онъ предпочелъ
 Грецію Италіи; но жаль, что и первое
 намѣреніе оспалось только мыслию. Хоро-
 шо, естли бы сыскался какой нибудь
 второй Бартелеми, который могъ бы ея
 воспользоваться и произвеси въ дѣйстви-
 сей щасливый и великій планъ; но уче-
 цость съ талантомъ, талантъ съ шер-

пѣнїемъ, охота съ возможностью рѣдко
бываютъ вмѣстѣ.

II.

Воздушные шары.

... Веревки обрѣзали: шаръ поднялся
величественно; знамя вѣяло въ раскра-
шенной лодкѣ; смѣльчакъ махалъ шля-
пою; десять тысячъ ртовъ было разину-
то, двадцать тысячъ глазъ устремлено
вверхъ и столько же рукъ хлосало изо
всей силы. Я стоялъ въ толпѣ, и вос-
хищаясь славнымъ зрѣлищемъ, плакалъ
отъ радости. Шаръ перялся въ облакахъ,
а я въ размышленїяхъ о величїи духа
человѣческаго.

Спиральной предметъ вывелъ меня изъ
задумчивости. Передо мною стоялъ ма-
ленькой, сѣдой старикъ, которой не могъ
уже держать на себѣ огромнаго воздуш-
наго столпа, гневущаго всѣхъ людей,
какъ говорятъ Физики: то есть, голова
его склонялась къ брюху, а спина пор-
чала назадъ холмомъ. Трудно было рѣ-
шить, къ какому народу принадлежалъ
сей карла. Длинною сѣдою бородою онъ
походилъ на Турка, цвѣтомъ лица на

Брамина Малабарскаго, а плащемъ — на Грека, современника Аполлонія Тианскаго. Маленькіе сѣрые глаза его, устремленные вверхъ, бѣгали съ одного облака на другое; ротъ изображалъ злую насмѣшку; плѣшивая голова безпреспанно между плечъ шевелилась.

Сии двусмысленные знаки, сподъ не согласные съ моими чувствами, разсердили меня. Я сказалъ ему: старой карла! благодари Судьбу, что она дозволила тебѣ прежде смерти видѣть такое щастливое открытіе.

„Щастливое?“ отвѣчалъ онъ съ презрительною усмѣшкою: „бѣдной сынъ слѣпаго вѣка! жалѣю о тебѣ, и молчу.“

Жалѣй, сколько хочешь; но за чѣмъ молчаешь? Старость всегда болшлива.

„Что называешь ты старостію?“

То, чтобы, подобно тебѣ, гнущаясь подъ ношею прехъ четверпей вѣка.

„Трехъ четверпей вѣка! ха! ха! ха! Мнѣ не приходило еще на мысль, чтобы я могъ казаться такимъ ребенкомъ!“

Ребенкомъ въ 75 лѣтъ? Ты шупишь.

„Юноша! большой сынъ мой былъ задавленъ огромнымъ камнемъ при спроеніи Вавилона. Зеркало мое не такой льстецъ, какъ ты: оно показываетъ мнѣ не болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; но въ са-

момъ дѣлѣ я прожилъ ихъ шесть тысячъ, и обязанъ имъ Философскому камню, оставленному мнѣ въ наслѣдство другомъ моимъ Маракарамаромъ, копорой (что вамъ извѣстно по Исторіи) отъ скуки улетѣлъ на небо. У меня не много было учениковъ; но нѣкоторые изъ нихъ, на примѣръ Скиѣ Абарисъ, Египтянинъ Гермесъ и Графъ Сенъ-Жермень дѣлаютъ мнѣ не малую честь. Я столько видѣлъ и слышалъ въ свѣтѣ, что переспалъ уже занимаешься людьми, и спалъ духомъ; но это въ воздушной шаръ разбудилъ меня. Жаль мнѣ, что вы, бѣдные люди, радуешесь и веселишесь, не зная, чему! Вамъ всякая новостъ кажется щаспьемъ, а мнѣ бѣдою. Вашъ Иванъ Яковъ Руссо бранилъ науки — и за дѣло!

„Первой вѣкъ, копорой помню, назывался золотымъ. Тогда Природа водила людей на помочахъ, и мы всё весело бѣгали на четверенькахъ. Черезъ тысячу лѣтъ увидѣлъ я страшную революцію. Одинъ смѣльчакъ прибилъ на всѣхъ улицахъ объявленіе, что онъ намѣренъ итти на двухъ ногахъ съ помощію шеста; а скоро надѣется и безъ него обойтись.

„Ты можешь себѣ вообразить, какъ публика должна была удивиться. „Это обманщикъ!“ кричали всѣ дамы и кав-

леры : „онъ не ступитъ ни шагу на двухъ ногахъ ; а еслии пойдетъ , такъ разоблетъ себѣ носъ !“

„Между тѣмъ назначенъ былъ день. Собралось множество людей , и нашихъ и чужестранцевъ. Мы сѣли все на кресла и съ великимъ нетерпѣнiемъ ожидали чудесника. Онъ явился съ покойнымъ видомъ человека , увѣреннаго въ своемъ дѣлѣ. Успѣхъ увѣнчалъ его дерзость. Известно , какое страшное зло изъ того вышло. Люди на двухъ ногахъ забѣгались до смерти изъ одной части свѣта въ другую , и скоро настала серебряный вѣкъ.“

„Черезъ тысячу лѣтъ опять великая революція ! Другой смѣльчакъ объявилъ , что онъ сядетъ на бочку , и привязавъ ее веревкою къ берегу , поплыветъ вдоль рѣки ; а наконецъ и веревку обрѣжетъ , и съ однимъ шестомъ переправится съ одной стороны на другую. Публика изумилась. Опять все закричали : „невозможно ! онъ не сядетъ на бочку ; а еслии сядетъ , такъ утонетъ !“ Смѣльчакъ сдержалъ слово , и не утонулъ. Въ присутствiи знатныхъ людей и всехъ гражданъ онъ отплылъ сажень десять отъ берега и возвратился. Народъ встрѣшилъ его съ рукоплесканiемъ , снялъ съ бочки , увѣнчалъ лаврами и въ триумфѣ повесъ на

рукахъ въ городъ. — Такимъ образомъ люди научились управлять новою стихіею, выдумали новыя нужды и при благополучномъ вѣтрѣ поплыли изъ серебрянаго вѣка въ свинцовый.

„Черезъ тысячу лѣтъ послѣ того дожилъ я до *героическихъ* временъ Греціи. Мальчишка Геракулесъ выплылъ на лодкѣ въ Средиземное море. Гордясь своею дерзостью, хотѣлъ онъ передать вѣкамъ память ея, и поснавилъ два сполба въ саду Гесперидъ, съ хвастливою надписью: *nes plus ultra!* думая, что никто уже не осмѣлится итти далѣе!.. Новое волненіе въ духѣ людей! Кораблеплаваніе произвело торговлю; народы спали мѣняшья пріяпнеспями жизни и роскоши — а люди, украшенные пурпуромъ и золопомъ, перешли въ желѣзный вѣкъ.

„Черезъ три тысячи лѣтъ одному Генуэзцу показалось спыдно плавать всегда вокругъ береговъ извѣстныхъ частей міра: онъ вздумалъ пусшиться въ опдаленности Океана. Новое изумленіе и невѣріе! Всѣ говорили: „онъ не сдержитъ слова; а ешьяли поплыветъ, шакъ не возвратитъ!“

„Колумбъ поплылъ, и возвратился, открывъ новый свѣшъ. Корабль его уподобился Пандориной коробкѣ: золопо и

болѣзни разлились по Европѣ. Выдумай, о молодой человѣкъ! выдумай имя для нынѣшняго вѣка! Признайся, что все идетъ опѣ худаго къ худшему. Могу ли быть спокойнымъ, видя, что дерзкой Бланшаръ открываетъ новое поле для ума человѣческаго? “

Коцебу.

III.

Нѣкоторыя любопытныя черты характера Людовика XVI и Королевы Марии Антуанеты ().*

Людовикъ XVI былъ въ дѣтствѣ своемъ холоденъ и скрытенъ. Имѣя большого брата, онъ не могъ надѣяться быть Королемъ; и придворные не думали искать его благосклонности. Не смотря на свою наружную нечувствительность, Людовикъ огорчался симъ неуваженіемъ. Однажды спросили у него, кто ему всѣхъ любезнѣе? Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать; наконецъ сказалъ съ горестію: „могу ли любить кого нибудь, когда меня никто не любитъ?“

(*) Изъ новой Французской книги: *Maximes de Louis XVI &c.*

Но Герцогъ Берри, неуважаемый придворными, съ именемъ Дофина сдѣлался предметомъ живѣйшей любви народа. Однажды въ трагедіи *Осада Кале* актеръ, оборотясь къ его ложѣ, сказалъ:

*Кто сынъ отечества, тотъ будетъ на престолѣ.
Отечества опцомъ и другомъ согражданъ.*

Всѣ зрители, смотря на Лудовика, начали хлопать въ ладоши. Онъ поклономъ изъявилъ имъ свою благодарность, и самъ захопалъ при слѣдующемъ стихѣ:

Какъ сладостно друзей щастливыми творить!

Въ минушю его восшествія на престолъ, когда объявили ему смерть Лудовика XV; онъ воскликнулъ со слезами: „Боже мой! Боже мой! помоги моей слабости!“

Придворные желали вселить въ него любовь къ женщинамъ, чтобы посредствомъ ихъ управлять имъ. Съ такимъ намѣреніемъ поснавили они прекраснѣйшую женщину Версаліи въ большой алеѣ парка, гдѣ Королю надлежало увидѣть ее. Придворные начали ему хвалить красавицу. — „Да, она въ самомъ дѣлѣ хороша,“ сказалъ Король равнодушно: „а кто она?“ — Жена одного лавошника. — „Такъ ей лучшебъ было сидѣть въ лавкѣ;“

и съ сими словами оборотился къ ней спиной.

Примѣръ строгой его нравственности и бережливости не дѣйствовалъ на его домашнихъ. Королевѣ представляли, что большія издержки на Трїанонъ и Сенъ-Клу производятъ рѣпотъ въ жилищехъ Парижскихъ. Она съ усмѣшкою отвѣчала: „это лягушки, которымъ надобно квакать.“ Мадамъ Аделаида была другаго мнѣнія. Въ Октябрѣ 1787 года она писала къ Лудовику: „Я страшусь будущаго: всѣ недовольны. Королева называетъ жилищей Парижскихъ лягушками, которыя любятъ только квакать; но мнѣ кажется, что лягушки могутъ превратиться въ змѣй.“

Марія Аннуанета любила балы и хорошихъ танцовщиковъ. Два молодые Офицера, имѣвшіе сей талантъ, должны были къ сроку возвратиться въ полкъ. Королева уговорила ихъ написать къ Королю прозьбу объ отсрочкѣ, и сама взялась подать ее. Лудовикъ, узнавъ отъ Королевы содержаніе бумаги, отдалъ ее назадъ, говоря: „я не хочу знать имени Офицеровъ, предпочитающихъ удовольствіе славы.“ — Въ другой разъ онъ спросилъ у нее, для чего она никогда не зоветъ къ себѣ на балы одного знашнаго

Лорда? — — „Онъ дурно танцуетъ,“ отвѣчала Королева. — „Когда такъ, сказалъ Король, то я самъ опказываюсь навсегда опъ вашихъ баловъ, потому что танцую еще хуже его.“

Лучшіе Министры назывались при Дворѣ всегда шупочными именами. Королева называла Тюрго *отрицательнымъ Министромъ*, а Неккера *господиномъ конторщикомъ*. О Калонѣ говорила она: „знаю, что онъ думаетъ о своихъ выгодахъ болѣе, нежели о чемъ нибудь; но знаю и то, что Калонъ всегда уважитъ мое слово и не похожъ на своихъ предмѣспниковъ, которые любили мнѣ опказывать.“

Король, не смотря на добродушіе свое, выходилъ иногда изъ себя, и говорилъ грубыя слова, не сообразныя съ величіемъ Монарха. Депутатамъ Парламента, который нѣсколько разъ представлялъ ему объ одномъ дѣлѣ, сказалъ онъ въ сердцѣ: *подите къ горту!*... Прикажете ли, Ваше Величество, Парламенту записать эпошъ опвѣтъ въ журналъ свой?“ спросилъ Президентъ. Король опомнился, и съ шерпѣніемъ выслушалъ дѣло.

Онъ много читалъ и весьма справедливо судилъ о древнихъ и новыхъ Авторахъ, говоря о Сенекаѣ: „Я любилъ бы

его, естли бы онъ исполнялъ свои правила; но жизнь его несогласна съ его предписаніями. Это обманщикъ подъ личиною Философа. — О Титъ Ливіѣ: „Я не думаю, чтобы военачальники могли передъ сраженіемъ говорить рѣчи его; онъ слишкомъ длинны.“ — О Тацитъ: „Онъ былъ смѣлъ; я люблю его и душевно удивляюсь ему.“ — О Реналъ: „Эпопій Педантъ предписываетъ всѣмъ законы, и въ прошивность Доктору Панглосу утверждаетъ, что все дурно.“ — О Руссо: „Естли бы онъ предвидѣлъ нѣкоторыя слѣдствія швореній своихъ, по никогда бы не издалъ ихъ въ свѣтъ. Но Вольшеръ сказалъ бы мысли свои и тогда, когда бы увѣренъ былъ; что онъ разрушатъ благоденствіе Государства. Онъ имѣлъ еще болѣе гордости, нежели ума.“

Смерть перваго Дофина весьма огорчила его. Чтобы предаться совершенно горести своей, онъ заперся въ кабинетъ, и не велѣлъ никого впускать къ себѣ. Президентъ Средняго Состоянія, имѣя до него дѣло, хотѣлъ непременно войти къ нему. „И такъ въ собраніи Средняго Состоянія нѣтъ опцовъ!“ воскликнулъ Король, и велѣлъ впустить Депутатовъ.

Согласившись на собраніе Государственныхъ Чиновъ, онъ не хотѣлъ уже

слушать никакихъ возраженій, и подобно Лудовику XI опвѣчалъ: „я вѣрю гражда-
намъ болѣе, нежели знашнымъ; они ска-
жутъ мнѣ истину, которую придворные
скрываютъ отъ меня.“

Послѣ неудачнаго Королевскаго засѣ-
данія и торжественной клятвы Депута-
товъ Народнаго Собранія противишься вся-
кому насилію, весь Дворъ ужаснулся;
одинъ Король былъ спокоенъ, и опвѣчалъ
вельможѣ, который дѣйствице Депутатовъ
называлъ преступленіемъ: „Они правы;
вы всему злу причиною, думая только о
самихъ себѣ, гордясь своею пустою знаш-
ноштію, и не имѣя отечества въ сердцѣ.“

Когда онъ, на другой день послѣ
взяшья Басниати, шелъ во дворецъ съ
народными Депутатами, одна женщина
бросилась къ нему въ ноги и сказала:
„Ваше Величество! ради Бога будьте
прямодушны; не обманите насъ въ другой
разъ!“ Король поднялъ ее милоспиво и
опвѣчалъ ей: „не бойся, добрая Францу-
женка! нѣтъ, я никогда уже не перемѣ-
ню мыслей своихъ; никогда!“

Ему говорили, что Народное Собраніе
присвоиваетъ себѣ всю власпъ, оставляя
ему одно пустое имя. „Тѣмъ лучше, оп-
вѣчалъ онъ: пусть Народное Собраніе вмѣ-
сто меня господствуетъ. Дай Богъ только,

чтобы оно употребило власть свою въ пользу народа. Сердцу моему болѣе единственно по, что не могу уже сказать: *любовь моего народа*, а долженъ говорить: *Французскаго*; однакожь, не смотря на всё строгія опредѣленія Депушатовъ, я не переменяюсь въ чувствахъ, и буду воображать Французовъ дѣлами моими.“

Рыцари Мальтійскаго Ордена положили въ торжественномъ собраніи, что никто изъ нихъ не возметъ участія въ Революціи. Кавалеръ Виррѣ донесъ Королю о семъ рѣшеніи. „Я зналъ, ошвѣчалъ онъ, что Французская Корона не должна полагаться на усердіе Мальтійскихъ Кавалеровъ.“

Мирабо продалъ себя Двору за 600,000 ливровъ, которыя надлежало ему получить въ годъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Король имѣлъ должную, однакожь не излишнюю власть. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы предложить Собранію строгій Декретъ противъ Священниковъ, и черезъ то возмутить народъ противъ Депушатовъ, въ надеждѣ, что мѣста ихъ заняты будутъ другими, болѣе преданными Королю. Но видя, что сей безразсудный Декретъ произвелъ только одно слабое ропшаніе, онъ признался, что едва ли можетъ успѣшь въ своемъ дѣлѣ. Въ тайномъ свиданіи съ Королемъ и Королевою,

Мирабо чиналъ имъ Конспишуцію и замѣчалъ спашьи, которыя можно переимѣнить. Король соглашался; но Марія Англианета вырвала у него Конспишуцію изъ рукъ, бросила на полъ и сказала: „этошъ планъ не годится, государь мой; все или ничего!“ Мирабо подъялъ шепрадь и опшвѣчалъ ей: „когда это не угодно Вашему Величешву, то я покажу вамъ планъ Республики, который у меня въ карманѣ.“ Сей опшвѣштъ сильно подѣйспвоваъ. Королева одумалась, и просила Мирабо сдѣлать все, что онъ разсудитъ за благо.

Человѣкъ, видѣвшій, какъ фамилію Королевскую остановили въ Варенѣ, разсказываешъ, что Лудовикъ опшвѣчалъ на вопросы городскихъ начальниковъ: „такъ, я вашъ Король. Въ споллицѣ грозили мнѣ кинжалами и шпыками. Я ищю безопасноти въ провинціяхъ, среди моихъ вѣрныхъ подданныхъ, и той свободы, кошою вы всѣ наслаждаетесь. Еспыли буду жить въ Парижѣ, то меня рано или поздно убьютъ со всѣмъ моимъ семействомъ.“

Изъ Варена до Парижа везли Корслевскую Фамилію, какъ извѣстно, при Депушата Народнаго Собранія: Лашуръ-Мобуръ, Барнавъ и Пешіонъ. Они дорогою

разговаривали съ Лудовикомъ и съ Марією о разныхъ предметахъ: объ людяхъ, случаяхъ и мнѣніяхъ. Король оборонился къ Петіону и сказалъ ему прямо: „вы, Господинъ Петіонъ, хопите Республики.“ Это могло привести его въ замѣшательство; но онъ съ улыбкою отвѣчалъ: „на каедрѣ я хотѣлъ ее, Ваше Величество; а здѣсь чувствую, что мнѣніе мое перемѣняется.“ — Королева всего болѣе занималась Барнавомъ, надѣясь его пронуть жалкою судьбою своею (въ чемъ, какъ извѣстно, она совершенно успѣла). Будучи слишкомъ распроеганъ, онъ выснавлялъ голову изъ кареты, какъ будто бы желая смотрѣть на мѣста вокругъ дороги; но Королева старалась снова ввести его въ разговоръ, и видя, что онъ не хочетъ того, говорила его товарищамъ: „пожалуйте скажите Господину Барнаву, чтобы онъ переспалъ смотрѣть на дорогу, и отвѣчалъ на вопросы мои!“

Королева хотѣла впрога Народнаго Сбранія, и часно твердила: „Дай Богъ намъ скорѣе избавишься отъ этихъ Авшоровъ Конспитуціи! Я надѣюсь на ихъ послѣдователей.“ Нецщастная Королева жестоко обманулась!

Когда Биго де Ст. Круа долго отговаривался принять мѣсто Министра,

Лудовикъ сказалъ наконецъ съ досадою: „Боже мой! къ чему такія опговорки, когда не только Министру, но и самому Королю оспается властвовать двѣ недѣли?“ — Одному человѣку, который просилъ Лудовика отдать его бумагу Министру, онъ сказалъ: „отдайте сами; еслили всшуплюсь за васъ, то испорчу все дѣло.“

Когда, послѣ 20 Юня, многіе добрые Французы пришли изъяснить Королю сожалѣніе, что онъ долженъ былъ сносить такія наглыя оскорбленія отъ черни, Лудовикъ отвѣчалъ: „Я боялся не за себя, а только за Королеву и сестру мою, копя и видѣлъ, что они хотѣли убить меня. Не понимаю, какъ мы спаслись; но рано или поздно я вѣрно буду жертвою — слѣдственно это все одно, и смерть не спрашитъ меня.“ — На другой день послѣ сей ужасной сцены маленькая Принцесса, слыша на дворѣ шумъ, спросила: „развѣ вчерашній день еще не прошелъ?“

IV.

Письмо одного изъ Французскихъ ученыхъ , бывшихъ въ Египтѣ.

Правленіе желаетъ соединить всѣ наши Египетскія открытія въ одномъ сочиненіи , и напечатать его со всею возможною типографическою пышностію , достойною великой Республики. Сіе твореніе оснанется , къ нещасію , единственнымъ памяникомъ нашего пребыванія въ Африкѣ ; но Европа узнаетъ послѣ того Египетъ , какъ мы знаемъ свое отечество.

Путешественники , которыхъ любопытство приводило издавна въ сію славную часть Африки , должны были всегда сражаться съ трудностями и препяствіями , чтобы мимоходомъ или украдкою взглянуть на ея монументы. Подозрительность и вѣроломство жителей , невозможность брать съ собою книги и нужныя орудія , и страхъ быть жертвою разбойниковъ , не позволяли имъ видѣть и половины любопытныхъ вещей ; а что видѣли мелькомъ , то могли изображать единственно на память , и часто описывали только по невѣрнымъ словамъ переводчиковъ и жителей. Ни которое изъ сихъ препяствій не оснанавливало Французскихъ ученыхъ и художниковъ ,

которыя болѣе двухъ лѣтъ жили въ Египтѣ; и описанія ихъ должны быть вѣрны. Вообразите штридцать человекъ, свѣдущихъ въ разныхъ родахъ искусствъ и наукъ, и путешествующихъ въ землѣ покоренной, подъ защитою войскъ, расположенныхъ во всѣхъ главныхъ частяхъ ея, и особенныхъ отрядовъ, которыя провожали ихъ въ самую глубину пустынь. Они могли все видѣть на досугъ и въ каждомъ мѣстѣ быть, сколько надобно для осмотра всего любопытнаго, дѣлаясь работою между собою, сообщая другъ другу свѣдѣнія, догадки, мысли, и описывая на мѣстѣ, смотря на предметъ, сличая съ нимъ описаніе. Будучи почти всѣ искусны въ рисованьи, они изображали монументы съ разныхъ сторонъ, не рѣдко повѣряя другъ друга. Героглифы Верхняго Египта срисованы съ величайшею точностію; и есльи великолѣпіе, огромность и швердость сихъ зданій были для Европы доказательствомъ силы и могущества Египтянъ, то рѣзные камни, позолота и цвѣтны, которыя украшаютъ гробы мумій — драгоценныя шкани, въ которыхъ онѣ завернуты — орудія, чаши, колесницы и домашніе приборы, изображенные въ пещерахъ и въ храмахъ, дадутъ самое ясное понятіе

объ ихъ искусствахъ, обыкновеніяхъ и нравахъ: понятіе совершенно удовлетворительное и новое!

Самое важнѣйшее открытіе есть открытіе Зодіаковъ. Они, кажется, совсѣмъ были неизвѣстны Гиппарху, Птолемею и Александрійскимъ Астрономамъ; и ни копорый изъ новыхъ путешественниковъ не видалъ ихъ въ Египтѣ. Генераль Дезе, снаряженный военачальникомъ Бонапарте для покоренія Верхняго Египта, первый замѣтилъ сіи астрономическія таблицы. Послѣ того въ разныхъ мѣстахъ нашли ихъ шесть. Граждане Жолле и Девилье, чувствуя важность такихъ памятниковъ, срисовали ихъ со всею возможною точностію; а одинъ искусный рѣщикъ слѣпилъ воскомъ. Гражданинъ Фуррье основываетъ на семъ открытіи новую, несомнительную систему Исторіи и Хронологіи. Чпобы дать вамъ о томъ понятіе, я означу только нѣкоторыя главныя слѣдствія.

До сего времени Исторія людей, Искусствъ и Наукъ не имѣла вѣрныхъ эпохъ, кромѣ самыхъ близкихъ къ нашему времени, и мы не знали, какому лѣтосчисленію вѣрить. Діогенъ Лаэртій говоритъ, что Египтяне начали оное за 4000 лѣтъ до Августова вѣка; а Нев-

ионъ утверждаетъ, что оно началось только за 1000 лѣтъ до Рождества Христова. Новое открытіе сихъ Астрономическихъ монументовъ рѣшило все недоумѣнія и оправдываетъ Геродотову Хронологию; оно доказываетъ, что раздѣленіе Зодіака, намъ извѣстное, было сдѣлано въ Египтѣ за 15,000 лѣтъ до Христіанскаго лѣтосчисленія, и безъ всякой перемѣны сохранилось до нашихъ временъ.

Сей Зодіакъ есть ничто иное, какъ первоначальный мѣсяцословъ или календарь Египта. Въ то время весеннее равноденствіе было въ знакѣ Вѣсовъ; хлѣбъ сѣяли подѣ знакомъ Тельца, а жали подѣ знакомъ Дѣвы. Разсматривая Зодіаки, найденные въ храмахъ, всякой увѣрился, что образъ Водолея, увѣнчаннаго лотосовымъ листомъ, былъ для Египтянъ астрономическимъ изображеніемъ наводненія; изъ чего слѣдуетъ, что лѣтнее равноденствіе было въ семь созвѣздіи. Такимъ образомъ мы находимъ положеніе сферы, въ которомъ имя всякаго знака предсказываетъ часъ и дѣйствіе года; чѣмъ утверждается мнѣніе гражданина Дюбуа, который давно сказалъ, что созвѣздія Зодіака должны относить къ ежегодному дѣйствию Египетскаго климата.

Все доказываетъ, что Египетскіе храмы, еще не совсѣмъ разрушенные, были построены тогда, когда небо находилось въ изображенномъ на ихъ Зодіакахъ состояніи; сіи доказательства многочисленны и всѣ между собою согласны. Такимъ образомъ можно опредѣлишь вѣкъ сихъ монументовъ. Храмъ Энейской, по означенію Зодіака; построенъ за 6000 лѣтъ до Рождества Христова; а прекрасный храмъ Деидераской, можетъ быть новѣйшій изъ всѣхъ Египетскихъ, за 1000 лѣтъ до осады Трои. Цвѣтущая эпоха Эивъ древнѣе баснословныхъ вѣковъ Греціи. Гомеръ описываетъ ихъ великолѣпіе прежде взятія Иліона; а когда Мемфисъ начиналъ процвѣпать, тогда уже Эивы клонились къ паденію. Мемфисскіе Цари безъ всякаго сомнѣнія соорудили пирамиды для своего кладбища. Вообразивъ, что сіи храмы построены еще изъ остатковъ другихъ монументовъ (ибо многіе ихъ камни, покрытые гіероглифами и живописью, были явно перепесаны и сохранили слѣды еще древнѣйшихъ рѣзныхъ изображеній), умъ теряется въ древности Египетскихъ Искусствъ и Наукъ, которая дѣлаетъ еще драгоценнѣе сіи развалины, сами по себѣ важнѣйшія и огромнѣйшія на земномъ шарѣ! —

Изъ Мемнитѣри.

Русская честность.

„Честность всегда болѣе славится тамъ, гдѣ она рѣдка,“ сказалъ одинъ Французскій Сапирникъ. Жаль, если это правда. Что въ такомъ случаѣ должно заключить объ Англіи и Франціи, гдѣ Журналисты, Адъютанты Славы, *трубятъ* о всякомъ, для насъ Рускихъ людей обыкновенномъ дѣлѣ честности? Одна бѣдная женщина въ Лондонѣ, получивъ вмѣсто шиллинга гинею, возвратила ее — и всѣ Англійскія Вѣдомости говорили о томъ съ удивленіемъ! Но у насъ сколько важнѣйшихъ доказательствъ честности ~~остаются безъ~~ всякаго замѣчанія? Тѣмъ лучше, по мнѣнію Сапирника; однакожь мы не обманемъ ни другихъ, ни себя, если скажемъ, что у насъ добродѣтель *бѣгаетъ по улицамъ*, какъ говорятъ Французы. Не будемъ безъ памяти хвалить человека за то, что онъ только не воръ; однакожь должно и полезно имѣть вниманіе къ хорошимъ дѣламъ, происходящимъ отъ нѣжнаго моральнаго чувства: сердце Патриота радуется ими, и перо его изображаетъ ихъ какъ для примѣра, такъ и для общаго удовольствія подобныхъ ему друзей отечественной добродѣ-

тели. Не спрашно ли видѣшь въ Рускихъ моральныхъ книгахъ, издаваемыхъ для дѣтей, всѣ примѣры честности и безкорыстія выбранные изъ иностранныхъ Вѣдомостей и Журналовъ, а не Рускіе? Что заключишь иностранецъ? Онъ безъ сомнѣнія ошибется; но и мы виноваты въ томъ, что по сіе время не имѣемъ собранія истинныхъ анекдотовъ Руской народной добродѣтели, которое могло бы обезоружить мизантроповъ. Я не принялъ бы въ такое собраніе ничего вымышленнаго, невѣрнаго — ничего даже украшеннаго: одна истина прелестна, и сама собою.

Слѣдующій анекдотъ извѣстенъ всѣмъ жителямъ города Т*.

Московскій купецъ на пупи въ Астрахань остановился на нѣсколько дней въ Т*. Окончивъ дѣла свои, онъ поѣхалъ съ пріятелями за городъ, гулять, наслаждаться тихимъ лѣпнымъ вечеромъ и пить чай на свѣжемъ воздухѣ. Время за самоваромъ текло непримѣтно: Рускіе любятъ бесѣду; говорили о всякой всячинѣ, и возвратились въ городъ при захожденіи солнца. Купцу для расплаты понадобились деньги; онъ хватился сафьянной книжки своей — и не нашелъ, потерявъ ее за городомъ — вездѣ искали, и

напрасно. Въ ней было 2700 рублей ас-
сигнаціями и нѣсколько векселей.

Объявили въ Полиціи; но купецъ
легъ спать съ тѣми мыслями, что ему
не выдашь своей книжки. „Находка 2700
рублей (Философсшвоваль онъ по-своему)
есть опасное искушеніе не только для
бѣднаго, но и для нашего брата. Кто
потерялъ, тотъ груститъ и всѣмъ жа-
луется на свое нещасье; кто нашелъ,
тотъ радуется — и молчитъ. Всякой
жалѣетъ и говоритъ: *ахъ! естли бы
миѣ удалось найти!* . . . но Богъ знаетъ,
съ какими мыслями!“

Четыре мальчика гнали стадо по
лугу: одинъ изъ нихъ увидѣлъ въ пра-
вѣ красную сафьянную книжку, схва-
тилъ, и боясь своихъ товарищей, въ шу-
же минупу спрячалъ ее въ ближнемъ
кустарникѣ. Дома онъ сказываетъ о томъ
своему отцу, бѣдному мѣщанину, копо-
рый едва могъ жить и пипать семей-
ство пятачками, всегдашними трудами.
О* П* идетъ на лугъ съ сыномъ, беретъ
книжку, развертываетъ, видитъ деньги,
считаетъ, велитъ сыну молчать, воз-
вращается домой и не говоритъ ни слова
о находкѣ.

Сей мѣщанинъ былъ до сего времени
добрымъ человекомъ, добрымъ мужемъ,

опцомъ; никого не обманывалъ, ни съ кѣмъ - не бранился; въ будни усердно работалъ, въ праздники усердно молился... но какъ поступишь теперь? 2700 рублей дѣлали его Крезомъ на всю жизнь. Они не украдены, а найдены: ему легко вздумать, что самъ Богъ посылаетъ ему сей даръ въ награду за прудолюбіе и честность. Онъ могъ успокоить себя всякими софисмами, и на другой день купишь новую избу (ибо его уже крайне стара), добрую лошадь, женѣ платье, дѣтямъ игрушки, заживъ доломъ, лечь на дубовую лавку и наконецъ, положивъ въ головы сафьянную книжку, отдыхашь, сколько душѣ угодно.

Нѣтъ!.. на другой день, вмѣстѣ съ восходящимъ солнцемъ, онъ идетъ въ Полицію, и Московскій купецъ, получая въ цѣлоспи свои деньги и вексели, смотритъ съ удивленіемъ на бѣднаго мѣщанина, котораго онъ даетъ такую богатую находку съ видомъ искренняго удовольствія, съ чувствомъ необходимой обязанности, безъ всякаго пререванія и хвастовства! Купецъ обнялъ его, и далъ ему сто рублей. Мѣщанинъ принялъ ихъ съ низкимъ поклономъ, съ смиренною благодарностію — половину оставилъ у себя, а другую — роздалъ бѣднымъ!

Такой поспунокъ кажется мнѣ достойнымъ замѣчанія, хотя я не хотѣлъ изъяснять добродѣтельному $\Theta^* П^*$, что онъ рѣдкой человекъ!

(Сообщено изъ T^* .)

VI.

К р и т и к а.

Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи. Переводъ съ Французскаго. Москва 1802. — Сію книгу назвали во Франціи *ГAnacharis des Vouloirs*. Авторъ, Господинъ или (какъ нынѣ говорятъ надобно) Гражданинъ Ланше, описывая тѣ же самыя мѣста и тѣхъ же людей, которые описаны Аббатомъ Бартеlemi, не хочетъ спорить съ нимъ въ учености, и совѣщается болѣе съ воображеніемъ, нежели съ Исторіею и Хронологіею; но пишетъ остроумно, съ живостию — съ талантомъ и вкусомъ. Нѣколького рода читатели найдутъ въ Антенорѣ еще болѣе пріятности, нежели въ Анахарсисѣ — тѣ, которые читаютъ для забавы, не разбирая, что Исторія и что романъ. Вкусъ Автора предохранилъ его отъ *узенаго хвастовства*; онъ не показываетъ, а скрываетъ знанія, почерпнушыя имъ въ древнихъ Класси-

кахъ. Между тѣмъ многія историческія и мѣстныя изображенія въ Анпенорѣ заслужили вниманіе и похвалу свѣдущихъ людей: такъ, на примѣръ, Ланпье описалъ Египетское озеро Мерисъ лучше и вѣрнѣе всѣхъ другихъ Авпоровъ. Французскій Генераль Андреосси, *бывъ на мѣстѣ*, съ удивленіемъ опдаешь ему сію справедливостъ. Слѣдственно Авпоръ много читалъ и сравнивалъ; но желаетъ только забавлять, и по скромности своей не требуетъ ученаго лавра, довольствуясь вѣнкомъ Грацій. Въ книгѣ его много сладоспрасной живописи; однакожь законъ пѣнической благоприснойности едва ли гдѣ нибудь нарушенъ — по крайней мѣрѣ не такъ грубо, какъ во многихъ другихъ книгахъ сего роду (не исключая Виландова Агапона и даже Аристиппа, писаннаго семидесятилѣтнимъ старикомъ). Сверхъ того въ Анпенорѣ есть какая-то веселость ума, любезная не только веселымъ читателямъ, но и самымъ меланхоликамъ.

— Рускіе любители чпенія будущи конечно довольны сею книгою, пѣмъ болѣе, что она и переводомъ не испорчена. Возьмемъ нѣчто для примѣра, и дозволимъ себѣ замѣтить нѣкопорыя легкія ошибки противъ языка или вкуса, естли — найдемъ ихъ. Господинъ Переводчикъ не

сказываеиъ имени своего: такаа скромноспъ заспаваляеиъ наспъ думать, что онъ не еспъ врагъ Крипики; а Крипика спъ своей спорони не буаетъ его врагомъ.

Портретъ Аристиппа.

„Въ Афинахъ не было человекъ ни
 „любезнѣе, ни ученѣе Аристиппа. Свѣдѣ-
 „нїа его проспирались даже до поварен-
 „наго искусства: повара часто пребовали
 „опъ него совѣща. Онъ любилъ вкусный
 „споль, и обыкновенно говаривалъ, что
 „ежели бы лакомство было предосуди-
 „тельно, то не давали бы великолѣпныхъ
 „пиршествъ въ честь богамъ. Въ бесѣдѣ
 „спъ нѣжнымъ поломъ онъ *прикрывалъ* свою
 „ученоспъ *покровомъ веселости*; а когда и
 „обнаруживалъ, то всегда прїятымъ
 „образомъ или забавною шулкою; любилъ
 „нравиться женщинамъ и находилъ удо-
 „вольствїе приводить ихъ въ замѣшатель-
 „ство; обладая собою совершенно, разсти-
 „лалъ сѣни свои такъ искусно, что
 „рѣдкимъ удавалось избѣгнуть ихъ. Домъ
 „его былъ собранїемъ лучшихъ людей;
 „его кропкаа, легкая Философїа, весе-
 „лостъ, *наполненный опиротю* и прїят-
 „носшями разумъ, даръ льстить очень
 „тонко и одолжашъ каждымъ словомъ,

„дѣлали бесѣду его любезною. Онъ имѣлъ
 „удивительную прозорливость; погово-
 „рилъ однажды съ человѣкомъ, узнавалъ
 „его свойства. Сбыкновеннымъ словомъ его
 „было : *говори, что хочешь; только говори:*
 „*для меня дозволено.* — — Онъ говорилъ
 „съ равнью ловкостью о полиціи, о лю-
 „бви, о нравахъ, религіи, забавахъ и
 „смерти.“

Фабрика Рускихъ переводовъ не имѣла бы такой дурной славы, если бы у насъ по большей части такъ переводили. Здѣсь замѣнимъ только, что *покровъ* слишкомъ грубъ для *веселости*; что *оспрота* не можешь *наполнять ума*; что *ловкость* имѣетъ въ Рускомъ языкѣ только физическій смыслъ и относится къ наружнымъ движеніямъ. Но такая Критика не похожа ли на привязку? Мы не виноваты, если бы не нашли въ семь мѣстѣ никакихъ важнѣйшихъ пороковъ; и думая по сему неудачному опыту Критики, что Г. Переводчикъ взялъ свои мѣры не боясь суда, закрываемъ Рускаго Аншенора.

Р.

ПОЛИТИКА.

I.

Нѣчто о Венеціи при ея паденіи.

Венеціянская Республика оставалась независимою и спокойною въ то время, когда Европа казалась въ огнѣ и пламени отъ Французской Революціи. Императоръ претовалъ отъ нее дѣятельнаго участія въ общемъ союзѣ; но она видѣла опасность такого предпріятія, и рѣшилась хранишь миръ, надѣясь сею же самою эгидою зацѣпить себя отъ вредныхъ правилъ, которыя распространялись тогда друзьями революціи. Казалось, что сія Республика поступала и въ новыя времена сообразно съ древнею своею мудростію и славою. Она въ самомъ дѣлѣ умѣла соблюсти совершенное равновѣсіе до самого того дня, когда торжествующія Французскія арміи вступили въ ея области и сдѣлали ихъ театромъ вѣны, которую хотѣла удалить ея политика. Тутъ началось замѣшательство. Партіи, дѣйствовавшія прежде въ тишинѣ и сокровенности, вдругъ подняли голову. Разныя мнѣнія, которыя таились въ сердцахъ, обна-

ружились и произвели сильныя попрясенія. Въ сіе время начальники Венеціянскіе забыли по видимому и власть и опытность свою. Они не могли ни на что рѣшиться, и погибелію своею должны были способствовать миру. Ихъ примѣръ доказываетъ, сколь опасно въ политическомъ раздорѣ не брать ни чьей стороны, когда по своему положенію и силамъ не возможно пропивиться ни той, ни другой. Вѣроятно, что Венеція, представъ сначала къ Императору, или къ Французамъ, когда они приближались къ ея владѣнію, сохранила бы донинѣ бытіе свое; ибо Императоръ конечно не оставилъ бы своихъ союзниковъ, а Французское Правленіе не могло бы уничтожить Республики, которая, соединивъ участь свою съ его жребіемъ, пріобрѣла бы святое право на его защиту.

Венеціянское Правленіе, передъ своимъ паденіемъ, раздѣлялось на двѣ части: на правленіе города и земли; второе зависѣло отъ перваго. 1500 Дворянскихъ фамилій составляли Аристократическую Венеціанскую Республику. Между сими фамиліями было около пятидесяти, которыя издревле владѣли первыми мѣстами. Богатство и преимущесва всякаго роду основали ихъ власть на без-

силіи другихъ благородныхъ фамилій, извѣстныхъ подѣ именемъ *Барнаботтовъ*, происшедшимъ отъ названія той часни города, гдѣ живутъ бѣдные люди. Сіи Барнаботты получали жалованье отъ Правительсва, которое заключалось въ Верховномъ Совѣтѣ, и которому начальники другихъ Венеціанскихъ областей давали отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

Сія Конспициція, удаляя всѣхъ провинціальныхъ дворянъ и большую часть городскихъ отъ дѣлъ и политическаго вліянія, питала всегдашнюю зависть и злобу, которыя ждали только случая обнаружиться.

Кажется также, что судьба предназначаетъ конецъ Правленій какою-то слабостию и упомленіемъ, происходящимъ отъ ихъ долговременности. Благо народамъ, которые въ сіе опасное время совершаютъ переходъ свой тихо и безъ всякихъ ужасныхъ испуленій! Венеціане имѣли сію выгоду. Давно уже потеряла силу свою та спрашная политическая Инквизиція, которая, скрываясь въ непроницаемомъ мракѣ глубокой тайны, уподоблялась Провидѣнію, все видѣла не будучи видимою, и разила рукою неизвѣстною. Чѣмъ болѣе она обнаруживалась, тѣмъ болѣе ужасала своею жестокостию,

и сила ея вдругъ исчезла, какъ скоро совершенно открылась. Одна память древняго ея могущеслва давала ей видъ нѣкоторой власти. И другія части правленія мало по малу слабѣли. Роскошь безпресанно умножаясь, усиливала влїяніе купцовъ и богачей на Сенатъ Републики: ибо Сенаторы прибѣгали къ нимъ въ нуждахъ своихъ, и частныя дѣла превращались черезъ то въ государственныя. Паденіе изготовилось. Первый ударъ все разрушилъ — и въ Полипикѣ совершилось самое то, что рассказываютъ о Геркуланскихъ тѣлахъ, которыя въ землѣ лежали цѣлыя, а отъ перваго воздушнаго прикосновенія обратились въ тлѣнь и пыль.

Кампо - Формійской иракшанъ рѣшилъ судьбу Венеціанской Републики; она была замѣною потерянныхъ Императоромъ областей и залогомъ мира. Провинціи, которыя достались Австріи, выиграли сею переменною. Она удовлетворила частнымъ спрасямъ, не спяла никакой власти у жишелей, и новый Государь не обременилъ ихъ излишними податями. Бергамская и Брешианская провинціи, опданныя Чизальпинской Републикѣ, возвратились подъ зависимость истинной ихъ столицы; онѣ имѣли всегда

болѣе связи съ Миланомъ, нежели съ Венеціею, и жилиши ихъ сославляли уже одинъ народъ съ Миланцами. И такъ сей раздѣлъ былъ несчастіемъ только для Венеціи. Кромѣ уничтоженія древней славы ея, она почувствовала и перемену въ своихъ нравахъ, которая была необходимымъ слѣдствіемъ паденія Республики. Ея Правленіе, сильное тайнствами, пріучило жителей обращать ночь въ день; во мракѣ пипалась его дѣятельность и прозорливость, для которыхъ Аргусовы глаза будутъ только слабымъ подобіемъ; во мракѣ ночи давало оно знакъ для открытія всенароднаго увеселенія, и въ это время, когда граждане въ радостномъ изступленіи предавались всякаго рода разсѣяніямъ, тайный, неупомимый духъ сего Правленія испытывалъ, подъ крыломъ шумныхъ удовольствій, всѣ сердца и наблюдалъ всѣ шаги. Ночью собирались граждане въ кофейныхъ домахъ, которые уподоблялись Афинскимъ Поршикамъ, и гдѣ всѣ состоянія смѣшивались. Въ частныхъ же домахъ не было почти никогда собраній, можетъ быть отъ страха возбудить вниманіе Инквизиціи. Въ *Казинахъ* сходились только для чпенія или для любовныхъ свиданій. Обыкновеніе ѣздить въ гондолахъ пипало

множество бѣдныхъ людей, которые жили перевозомъ, и сверхъ того, черезъ свой промыселъ, узнавали тайну государственныхъ дѣлъ и шпионства. Они были связію между дворянствомъ и народомъ. Кулцы и судьи соединялись въ общемъ средопочіи дѣлъ. Выгоды частныхъ людей входили въ пользу Правленія. Его паденіе разрушило сію важную связь.

Правленіе Императорское не можетъ замѣнить прежнихъ выгодъ. Оно, имѣя видъ воинской строгости, несогласно съ сипаринною, природною вольноспію Венеціанъ. Покоренная Венеція скоро почувствуетъ свое сиротство и увидитъ запусканіе въ ея приспаняхъ.

Венеціанскія области суть важное пріобрѣтеніе для Императора, дающъ ему господство надъ Адриатическимъ моремъ, и включаютъ его державу въ число морскихъ державъ. Трѣсть не боится уже совмѣстницы, и можетъ, имѣя болѣе удобности въ своемъ положеніи, скоро превзойти Венецію; хотя гавань его не совсѣмъ выгодна, но Капо д'Испрѣ замѣнитъ недоспапокъ и послужитъ хорошею приспанью. Императоръ обратитъ конечно все свое вниманіе на сіи берега.

Не излишно будетъ заключить сіе легкое начерпаніе поршрешами нѣкопороыхъ людей, игравшихъ важныя роли при паденіи Венеціанской Республики.

Лудовико Манини, послѣдній Венеціанской Дождь, еще живѣ. Сей человекъ не значилъ ничего, какъ въ Полишикѣ, такъ и въ свѣтскомъ обхожденіи. Одно безмѣрное богатство доставило ему санъ его; не смотря на свою должность, онъ жилъ въ праздности.

Томасъ Кондальмери былъ начальникомъ морскихъ силъ; имѣлъ пылкой характеръ, и еще молодъ; но онъ не могъ удержатъ плѣннаго зданія, которое обрушилось надъ его головою.

Бернардино Реніери, молодой человекъ двадцати лѣтъ, изъ фамиліи прежняго Дожа, имѣлъ большее вліяніе въ послѣднее время Республики; разумъ его украшенъ полишическими и философскими знаніями; душа его благородна и чувствительна. Онъ былъ одной системы съ Кондальмери. Въ послѣднее Венеціанское возмущеніе хотѣли избрать его въ Дикшапоры. Въ сіе время твердость его спасла городъ отъ общаго грабежа. При новомъ правленіи онъ не жилъ въ Венеціи, ѣздилъ по Италіи, и не давно возвратился въ опечесство.

Франческо Пезаро, копорой былъ душею спарато правленія и Пишпомъ Венеціи, не имѣя его дарованій, не давно умеръ. Онъ предлагалъ всѣ послѣднія мѣры для спасенія Республики, но безъ успѣха. — Пезаро былъ въ Вѣнѣ, согласился въ правилахъ съ Министрами и возвратился въ Венецію съ чиномъ Императорскаго Комиссара; управлялъ своеволью, слѣдуя дурной, спротою системѣ, и умеръ скоропоспихно. Думающъ, что недовольные окормили его ядомъ.

Иронимо Джуспиніани, изъ первой Венеціанской фамиліи, въ старое правленіе занималъ важнѣйшія мѣста; челоуѣкъ умной и хитрой; хорошій Полиптикъ, и знаенъ людей.

Джіованни Корнари, молодой челоуѣкъ, знашней фамиліи, былъ въ дипломатическомъ Совѣтѣ, и въ послѣднее время Республики пріобрѣлъ много опытноспи.

Франческо Пишпи былъ всегда любипелемъ Словесности и неприяпелемъ старыхъ злоупотребленій; онъ занималъ важное мѣсто во временномъ правленіи, копорое смѣнило древній Сенатъ.

Аббатъ Чезароппи еспъ нынѣ первый Авторъ въ Италіи, Членъ Падуанскаго Университета, и выдалъ уже болѣе

двадцати томовъ. *Опытъ Философiи языковъ*, переводъ Демосоева, *обозрѣнiе Греческой Литтературы*, Новая Илiяда, или смерть Гектора, которая на сгарую похожа только содержанiемъ и многими красотами — переводъ Оссiана, живѣ всѣхъ другихъ изображающiй дикую Поэзiю Шотландскаго Барда — сушь важнѣйшiя пворенiя Аббата Чезароппи, по справедливости славнаго въ Республикѣ Ученыхъ. Онъ живетъ въ Падуѣ, но часто прѣзжаетъ въ Венецiю. Политическая его система была всегда умѣренна и благоразумна.

II.

Первое торжественное молебствiе Французскаго народа въ присутствiи Консуловъ и всѣхъ Властей.

(Изъ Gazette de France.)

Религiя сiяла во всей своей пышности, во всемъ великолѣпiи, въ первый день Пасхи, во храмѣ Богоматери. Герой-миротворецъ *величественно* преклонялъ чело свое предъ Тѣмъ, Который возстановляетъ и разрушаетъ Имперiи; благодарилъ

Господа воинствъ , Который всегда благословялъ его оружіе, и Который наконецъ увѣнчалъ его побѣды миромъ Европы.

Съ шестипи часовъ упря пушечный громъ былъ уже знакомъ всеобщей радости , возвыщая утверждение Конкордата ; въ восемь часовъ Префектъ Полициі обнарудовалъ его во всемъ Парижѣ.

Но въ соборной церкви Богоматери надлежало быть августѣйшему торжеству сего великаго дня. Еще прежде разсвѣта народъ со всѣхъ сторонъ спремился къ ней толпами. Въ 9 часовъ храмъ былъ уже наполненъ гражданами , которые въ глубокой тишинѣ ожидали начала служенія. Въ 10 часовъ прѣвжалъ Кардиналъ-Легатъ , сопровождаемый оспрадомъ-конницы. Передъ нимъ несли золотый креслъ ; за нимъ шли Испаліянскіе Прелаты.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ новые Епископы , собравшіеся въ Архіепископскомъ домѣ , вмѣстѣ вошли въ храмъ. Между ими увидѣли граждане многихъ прежнихъ Епископовъ , многихъ Проповѣдниковъ , нѣкогда славныхъ своимъ краснорѣчіемъ на кафедрѣ и въ собраніяхъ Духовенства. Бывъ десять лѣтъ гонимы , спрдавъ въ темницахъ , въ неволѣ , въ изгнаніи , они казались возставшими изъ гроба ; чувствительное сердце удивлялось ,

что они могли перенести столько бѣдствій; любопытный взоръ замѣчалъ преждевременныя, глубокія черпы десятилѣтняго страданія на челѣ ихъ; всякой видѣлъ съ душевнымъ умиленіемъ сіяніе радости на сихъ горестію изнуренныхъ лицахъ; всякой воспоминалъ таланты, добродѣтели, услуги сихъ почтенныхъ мужей. О святость Религіи Иисуса! самыя ихъ бѣдствія сдѣлались вѣрнымъ залогомъ ихъ будущихъ благошвореній!

Спарецъ 94 лѣтъ шелъ позади другихъ, опираясь на двухъ священниковъ — (Архіепископъ Парижскій). Силы его возвратились для новаго торжества Религіи, кою которой онъ служилъ цѣлый вѣкъ ревностію и добродѣтелями своими. Кто могъ бы не почувствовать священнаго умиленія, видя сего спарца, дрожащею рукою дающаго народу благословеніе? казалось, что оно по его молившѣ снисходило съ неба!

Въ полдень колокольный звонъ и пушечная стрѣльба возвѣстили прибытіе перваго Консула. Архіепископъ и всѣ Духовные встрѣтили его у вратъ церковныхъ. Онъ вошелъ въ храмъ подъ балдахиномъ; передъ нимъ шли Государственные Совѣтники, за нимъ два Консула.

Возвышенное мѣсто подъ великолѣпнымъ куполомъ было приготовлено для

Перваго Консула : онъ спалъ на немъ съ своими товарищами , и Кардиналь - Легатъ началъ совершать литургію . Послѣ Евангелія всѣ Епископы дали Консулу присягу вѣрности . Какое великое зрѣлище представляли сіи ревностные служители оларей , съ радостію обѣщая употребить все вліяніе , всю силу Религіи , для истребленія золь , ненависти , вражды , для соединенія сердець и для произведенія любви къ законному Начальству !

Пономъ Епископъ Божелень говорилъ рѣчь . Литургія продолжалась . Глубокая тишина прерывалась только священными звуками

*Органовъ , въ храмѣ семъ торжественно гре-
мящихъ ,
И тихій гласъ сердець на небо возносящихъ .*

Во время посвященія Епископовъ военная музыка и барабаны , соединяясь съ звукомъ органовъ , еще умножили торжественность сего дѣйствія .

Послѣ литургіи пѣли благодарный молебенъ , съ блестящею и гармоническою музыкою Паизіелло , который въ ней превзошелъ самого себя . Лучшіе Артисты Парижа составляли оркестръ . Меюль и Керубини управляли имъ .

Наконецъ сіе святое служеніе заключилось благословеніемъ Кардинала-Легата.

Первый Консулъ возвратился въ Тюльери съ своею свитою. Безчисленное множество людей наполняло улицы. Вездѣ были зрители: въ воротахъ, подъ окнами, на самыхъ кровляхъ. Но не одно любопытство влекло ихъ: всякой, желая видѣть Героя - миротворца; желалъ также присоединить и рукоплесканіе свое къ общимъ, чтобы симъ изъявленіемъ благодарности заплащивъ долгъ священный. Никогда радость не была искреннѣе, и восторгъ живѣе; никогда Первый Консулъ не казался величественнѣе.

Что причиною сей общей ревности и восторга? Побѣда льстила народной гордости, миръ обѣщаль благоденствіе, но Конкордатъ утвердилъ навсегда благодѣянія побѣды и мира.

III.

Собраніе Государственныхъ Чиновъ въ Сициліи.

Письмо изъ Палермы 22 Марта.

Уже давно не видали мы собранія Государственныхъ Чиновъ Сициліи въ при-

-существованіи Монарха. Нынѣ Фердинандъ явилъ намъ сіе великое зрѣлище, собравъ Парламентъ вѣрнаго ему Сициліянскаго народа. Онъ открылся 8 числа сего мѣсяца, въ огромной залѣ, гдѣ поставленъ великолѣпный тронъ для Короля, съ креслами для Священнаго Совѣта, начальниковъ судилищъ, Министровъ, придворныхъ; вокругъ залы сдѣланы мѣста для Членовъ Парламента, Духовныхъ, Баронствъ и проч.; а для Дамъ и зрителей особенныя ложи. Въ полдень вошли въ залу начальники трехъ сословій, а за ними Король со всѣмъ Дворомъ. Его Величество, сѣвъ на тронъ, повелѣлъ Принцу Вальдинъ, первому Нотаріусу Королевства, читать слѣдующій указъ:

„Добрые и вѣрные Сициліянцы! не „гласъ моего намѣстника, не слѣдствіе и „не страхъ народнаго бѣдствія призы- „ваетъ васъ въ сіе собраніе. Нынѣ все „велико, все для васъ чрезвычайно. Вы „сидите предъ трономъ, котораго при- „существованіе искони было желаніемъ отцевъ „вашихъ. Окруженные величествомъ ски- „петра, Богомъ мнѣ ввѣреннаго, среди „сѣянія верховной власти, здѣсь царству- „ющей, и пышности Двора, вы внимаете „гласу Короля вашего, и призваны ис- „полнить двѣ должности, равно утѣши-

„пельныя и важныя. Первая изъ нихъ
 „естъ благодарить Небо за всѣ Его къ
 „вамъ милосіи. Десять лѣтъ вы видѣ-
 „ли ужасы и смятеніе въ Европѣ. Подъ
 „сѣнію моей власти и вашей вѣрности
 „вы покойно взирали на кораблекрушенія
 „Государствъ, и грозныя волны разбива-
 „лись у ногъ вашихъ. Вторая должность
 „естъ усердно способствовать дѣйствию
 „щастливыхъ намѣреній, которыя суть
 „источникъ вашего будущаго величія.
 „Въ нѣдрахъ всемірнаго бѣдствія воз-
 „сияла для васъ заря благоденствія. Мое
 „присутствіе возвратило вамъ древній
 „блескъ славнаго вѣка Рогеровъ и Виль-
 „гельмовъ. Разцвѣтетъ торговля, право-
 „судіе и законы получатъ новую силу,
 „земледѣліе и промышленность будутъ
 „ободряемы. Высочайшая степень народ-
 „наго могущества соединится съ малѣй-
 „шими жертвами для частныхъ людей,
 „и Королевскій Дворъ, присутствуя въ
 „Сициліи, будетъ залогомъ, источни-
 „комъ и украшеніемъ всѣхъ пакихъ благо-
 „дѣяній. Сему - то великому дѣлу дол-
 „жны вы способствовать. Нынѣ уже не
 „пребываютъ отъ васъ мужества слѣдовать
 „за Королемъ въ огонь сраженій и частію
 „своего имѣнія спасти другую. Наслаж-
 „дайтесь избыткомъ своимъ, умножайте

„его, обогащайшесь. Дни яснѣйшіе, дни
 „веселье ожидающѣ васъ, и Природа, ко-
 „торая никогда не бываетъ долго скупа
 „на благодѣянія, возвратитъ изобиліе и
 „радость полямъ вашимъ. Но помогите
 „истощенію казны; возвратите ей, чего
 „она лишилась отъ уменьшенія торговли,
 „и что испратила на зацѣну Государ-
 „ства. Сохраните блескъ и достоинство
 „трона. Дайте за умноженіе граждан-
 „скихъ и политическихъ выгодъ своихъ
 „то, что вы даете землѣ за будущіе
 „дары ея. Достойные служители Религіи,
 „вѣрные подданные моей короны, мудрые
 „Депутаты моего Государства! я самъ
 „измѣрилъ ваши пользы и силы, и рукою
 „своею начертаю вамъ блестящій путь,
 „который долженъ вести васъ ко благо-
 „действию. Вы безъ сомнѣнія сдѣлаете
 „честь имени Сициліанскому; безъ со-
 „мнѣнія исполните намѣренія Короля,
 „желающаго вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.
 „Вы явитесь достойными покоя, кото-
 „рымъ наслаждались — счастья, которое
 „для васъ готовится — благодѣній Неба
 „и благословеній потомства.“

Послѣ сей рѣчи Начальникъ Духовен-
 ства изъяснилъ Его Величеству какъ
 благодарность народа за его опеческія по-
 печенія, такъ и ревность всѣхъ поддан-

ныхъ къ исполненію Монаршей воли. — Король вышелъ изъ-залы, и Парламентъ будетъ ипеперь заниматьса предложеніями Его Величества.

IV.

Новый планъ народнаго ученія во Франціи, предложенный Консулами Законодательному Совѣту.

Три Орашора Правленія входятъ въ Законодательный Совѣтъ: Фуркруа, Редереръ и Ренью. Фуркруа говоритъ на кафедрѣ:

„Когда Имперіи, послѣ сильнаго волненія и великихъ разрушеній, начинаютъ успокаиваться, тогда люди, долженствующіе снова образоватъ ихъ, сближаютъ остатки разрушеннаго и хотятъ сдѣлатъ нѣчто совершеннѣйшее; но для сего попребны время, размышленіе и многіе опыты. Политическое волненіе, которе не можетъ скоро утишиться, долго мѣшаетъ ихъ надежнымъ успѣхамъ. Надобно, чшобы всѣ раздоры кончились; чшобы миръ утвердилъ новый порядокъ вещей — и тогда единственно новыя изобренія могутъ бытъ непоколебимы. Сія

истина, доказанная Исторією и нашею Революцією, относится между прочимъ и къ образованію народнаго ученія, которое занимаетъ главное мѣсто въ экономіи политической, будучи основаніемъ идей и познаній, нужныхъ для государственнаго благоденствія.

„Нынѣшнее Правленіе, находясь въ самыхъ щасливыхъ обстоятельствахъ для благодѣтельныхъ учрежденій, искало новыхъ способовъ ученія, сообразныхъ съ духомъ времени и народа Французскаго. Оно не могло избрать пути обыкновеннаго, и наученное опытомъ, ствергнуло старинныя формы Университетовъ, которыхъ перемѣны давно уже требовали Философія и просвѣщеніе вѣка, и которые не опѣшествовали новымъ успѣхамъ разума. Центральныя школы, учрежденныя Народнымъ Конвентомъ, впервыхъ слишкомъ малочисленны для Франціи, воторыхъ не сообразны съ мѣстными обстоятельствами Департаментовъ. Однакожъ Правленіе сохранило въ сихъ старыхъ и новыхъ учрежденіяхъ то, что казалось ему полезнымъ, но отмѣнило неудобности и злоупотребленія. Не теряя изъ виду искусства и способности учителей, оно всего болѣе старалось умножить число учениковъ, необходимое для успѣха

такихъ заведеній; и для того основаніемъ всѣхъ школъ сдѣлано пансіоны, откуда пипомцы со временемъ перейдутъ въ Лицеи. Вотъ главный характеръ сей новой системы, достойной народа Французскаго и одобренія всѣхъ благоразумныхъ людей, знающихъ обстоятельство времени! Многочисленные семейства, копорыхъ сыны ревностно служили Республикѣ, увидяшъ для дѣтей своихъ новый блестящій путь и получашъ награду за свои жертвы. Такъ, защитники отечества будутъ тѣмъ награждены за ихъ мужество и долговременныя услуги. Ученіе и таланты поведутъ молодыхъ людей къ состоянію вѣрному и почтенному. Въ сихъ школахъ юноши завоеванныхъ земель, присоединенныхъ ко Франціи, научатся любить отечество и сдѣлаются истинными Французами. Какая надежда для слѣдующихъ временъ! Тамъ будутъ образованы и просвѣщаются люди для всѣхъ состояній и степеней общества!

„Нѣкоторые скажутъ о семъ планѣ, что онъ не содержитъ въ себѣ особенныхъ правилъ воспитанія, и есть только планъ одного ученія. Но всякая благоустроенная школа есть уже способъ хорошаго воспитанія, когда Правительство избретъ достойныхъ учителей и надзирателей.

Хорошее употребленіе времени, мудрая система ученія, безпрестанное занятіе и добрые примѣры начальниковъ соснавятъ истинную систему Морали, которая обратитъ юныя спрасити ко щаспію людей и государства.

„Правленіе надѣется, граждане законодатели, что вы опадаете справедливости его ревности къ общему благу. Надобно рѣшить, отвѣстствуетъ ли сей планъ ученія потребностямъ и привычкамъ народа Французскаго, сообразенъ ли съ нынѣшними идеями и съ надеждами Философіи, съ надеждами Патриотизма и друзей человѣчества; но для такого важнаго изслѣдованія должно забыть всѣ частныя системы и теоріи, въ которыхъ теряется умъ человѣческой, и которыя могутъ служить предметомъ вѣчныхъ, бесполезныхъ споровъ. Нужно ли замѣнить, что сей планъ заслужилъ одобреніе многихъ знаменитыхъ Философовъ, которыхъ умозрѣнія просвѣщаютъ Европу въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ? Однимъ словомъ, Правительство думаетъ, что вы, обративъ въ законъ его предложеніе, окажете новую услугу народу, и шѣмъ утвердите главное основаніе общаго благоденствія.“

Орапоръ читаетъ планъ, состоящій изъ 44 статей.

1. Народныя училища суть школы первостепенныя и впороспепенныя, Лицеи, частныя или вышнія школы.

2. Первостепенныя школы находящяся подъ надзираніемъ Помощниковъ Префекта. Меры и Городскіе Совѣты избираютъ учителей и назначаютъ содержаніе. Тамъ будутъ сообщать первыя основанія человѣческихъ знаній.

3. Впороспепенныя школы, заступающія мѣсто прежнихъ Коллегій, суть училища начальныхъ основаній Литтературы и наукъ. Ихъ будетъ по крайней мѣрѣ 250.

4. Лицеи заступятъ мѣсто центральныхъ школъ. Въ каждомъ будетъ не менѣе осьми Профессоровъ. Предметы ученія есть древняя и новая Литтература во всѣхъ степеняхъ, Математика, Риторика, Логика. Сверхъ главнаго начальника, именуемаго Провизоромъ, будетъ два Цензора, одинъ для ученья, а другой для экономіи.

5. Предметы частныхъ или вышнихъ школъ есть Натуральная Исторія, Физика, Химія, Медицина, Юриспруденція, вышняя Математика, Техническія Науки, Тактика и живые языки, *которыя Французы должны усилиться изъ уваженія къ просвѣщеннымъ народамъ, насъ окружающимъ.* Земледѣліе не можетъ быть пред-

мешомъ ученія въ сихъ школахъ: владѣльцы земель должны сами спарашься о его успѣхахъ.

6. Военныя школы будутъ непосредственно подъ надзираніемъ Консуловъ.

Слѣдующія спашь служашь только изъясненіемъ сихъ главныхъ. — Пятая часнь учениковъ каждаго Лицея черезъ шесть лѣтъ переходилъ въ вышнія школы. Лицея будутъ учреждены въ теченіе прещьтнадцатъ Республиканскаго лѣта. Въ каждой округѣ Вышняго Трибунала долженъ быть по крайней мѣрѣ одинъ Лицей. Нація беретъ на свое содержаніе 6400 пиномцевъ. — На все сіе потребно въ годъ не болѣе семи милліоновъ ливровъ.

Такимъ образомъ Франція подаешь наконецъ примѣры Державамъ, вводя народное ученіе въ систему государственнаго законодательства, и Бонапарте, утверждая одною рукою свящую Религію, необходимую для сердца, другою открываетъ упу челоѳческому необозримый пупъ знаній, который ведетъ и челоѳка и народъ къ возможному на землѣ благоденствію. Мы видѣли время разрушеній: теперь начинается эпоха великихъ полипитическихъ образованій, и только одинъ невнимательный или грубый умъ не чувствуетъ ея важности.

V.

О Голландіи.

Письмо изъ Гаги.

Эпоха Люневильскаго и Амьенскаго мира есть безъ сомнѣнія щастливая для Голландіи. Сравнивая ея шеперешнія надежды съ печальнымъ соспояніемъ, въ которомъ она была за два года передъ симъ, всякой согласится, что Голландцы имѣютъ основательную причину радоваться. Но еслили они вспомнятъ, что была ихъ Республика прежде Революціи, то могутъ скорѣе шужить, нежели веселиться: едва ли когда нибудь ея тогдашнее цвѣтущее состояніе возвратится. Богатство Голландіи было жершвою Анпи-Шпашгалтерской войны и Революціи. Франція отняла часть его. Почти весь флотъ достался Англичанамъ. Открытие Шельды весьма вредно для Голландской порговли. Во время споровъ Голландіи съ Іосифомъ II, ея Правительство утверждало, что открытие Шельды будетъ гробомъ политическаго бышя Республики.

Но горестное воспоминаніе такихъ великихъ жершвъ уступило на сей разъ мѣсто всеобщей дѣятельности, которая есть слѣдствіе мира. Торговля, усилена-

ная семилѣтнею войною, пробудилась; купечество спарается возобновить прежнія коммерческія связи, особливо съ Англіею и съ Колоніями; гавани оживились, и флаги на многочисленныхъ корабляхъ развѣваюшся.

Правительство ревностно занимается новымъ образованіемъ своихъ владѣній въ обѣихъ Индіяхъ, и отправило шуда разныя эскадры. Имѣя для сего нужду въ деньгахъ, оно заняло 50 милліоновъ, и займодавцы предлагали еще 15. Это можетъ показаться удивительнымъ; но сей феноменъ изъясняется во первыхъ общею довѣренностію къ нынѣшнему порядку вещей, утвержденною миромъ и возвращеніемъ Колоній, а вовпорыхъ и выгодными для займодавцевъ условіями: они получили 7 и 8 проценповъ, въ самое время, когда Англійское Правительство заняло болѣе 100 милліоновъ по три и чепыре процента. Такимъ образомъ Голландское Правленіе имѣетъ наконецъ изобиліе въ наличныхъ деньгахъ, но со вредомъ для общества, которое чувствуетъ въ нихъ недоспацюкъ.

Новый заемъ есть временное лекарство; но экономическія обстоительства Республлки вообще весьма не утѣшительны, и бремя долговъ для нее тяжело. Она

плащитъ теперь ежегодныхъ процентовъ болѣе 28 милліоновъ гульденовъ. Было время, когда Голландія могла всякой годъ сберегать часть своихъ доходовъ; но теперь она стоить наряду съ другими Правительствиями, которыя имѣютъ нужду въ кредитѣ.

Французскаго войска осталось здѣсь только 2500 человекъ. Голландское также уменьшено. И то и другое полезно для экономіи Республики, которая однакожь должна еще заплащитъ Франціи нѣсколько милліоновъ по старымъ дружескимъ сѣтамъ.

VI.

Письмо изъ Парижа.

 Бонапарте сердечно любитъ дѣшею жены своей. Говорятъ, что одинъ Министръ предлагалъ ему развестись съ нею, и жениться на Принцессѣ, но что Консулъ, какъ должно, съ презрѣніемъ отвергнулъ такой совѣтъ. Одна злая Политика могла бы опиять у Госпожи Бонапарте сію награду судьбы за тѣ слезы, которыя она пролила о бѣдственной кон-

чинѣ своего перваго мужа, Генерала Боарне, невинно казненнаго при Роберспьерѣ.

Утверждаютъ, что Консулъ вообще не имѣлъ нѣжной чувствительности, и что онѣ ни одною слезою не почпилъ смерти друзей своихъ; что послѣ Маренгскаго сраженія всѣ Генералы оплакивали храбраго Дезе, всѣ, кромѣ Бонапарте, который ему обязанъ былъ своею рѣшительною побѣдою (*).

Вѣра въ Фалгаллизмъ, которую показывалъ онѣ въ разныхъ случаяхъ, можетъ быть причиною сего равнодушія; но мудрено ли, что Бонапарте вѣритъ предопредѣленію, послѣ всѣхъ неизбѣжно-щасливыхъ феноменовъ жизни его? Не говоря о первомъ завоеваніи Италіи и Египта, вспомнимъ, какъ щасливо онѣ возвратился изъ Африки по морю, усѣянному Англійскими кораблями; какъ щасливо сдѣлалъ революцію въ Парижѣ; какъ всѣ военные планы его исполнялись вѣрно; какимъ ослѣпленіемъ поражены были Австрійскіе Генералы; какъ хитро умудрился Меласъ, чтобы въ одинъ день потерять всю Италію! Наконецъ вспомнимъ, какъ Бонапарте все

(*) Однакожъ Герой, узнавъ о смерти Генерала Дезе, воскликнулъ въ самомъ жару сраженія: „для чего не позволено мнѣ плакать?“ К.

наспроилъ противъ Англичанъ, какъ вѣрно приготовилъ ихъ гибель, и какъ одна мнунга все переѣнила! Такіе случаи могли утвердить вѣру Фанализма въ души, которая, не имѣя божественнаго Провидѣнія, возносится выше земли и людей. Бонапарте долженъ былъ признать дѣйствіе сей Небесной власти, которая невидимо управляетъ міромъ, и всякому смертному назначаетъ путь его — Бонапарте, который въ 1795 году искалъ себѣ въ Парижѣ мѣста при Конспиритинопольскомъ Посольствѣ, а черезъ три года споялъ уже побѣдипелемъ передъ ворошамн Вѣны, и вдругъ очутился съ арміею въ пустыняхъ Африканскихъ, чтобы привести въ ужасъ Опшоланскую Имперію!

Самая неудача его при Акрѣ была, казался, дѣйствіемъ его благошворнаго Генія, заставивъ Бонапарте скорѣе возвратиться во Францію, которая была жерпвою безумія Директоровъ, и которую могла спасти одна великая душа, одна твердая рѣшительность Наполеона. Онъ во всѣхъ обстоятельствахъ показывалъ *нелоколебимую волю*, сей главный характеръ Героевъ. Говоря однажды в худомъ успѣхѣ нѣкспорыхъ воинскихъ дѣйствій своихъ, которые едва не заста-

вили его выпши изъ Италіи, Бонапарте примолвилъ: *mais je ne le voulois pas, et lorsqu'on ne veut pas, tout est dit!* (но я не хотѣлъ того; а когда не хочешь, такъ и довольно!) Сія непоколебимосьть есть великая добродѣтель, соединяясь однакожь съ благоразуміемъ и выборомъ лучшихъ средствъ. Директоры также не хотѣли оставить Италіи; но они грабили ее, возмутили народъ, и все потеряли. Путешественникъ, который видѣлъ въ Италіи Французскую армію во время Бонапарте и послѣ его, изобразилъ тогдашнихъ Французскихъ военачальниковъ сими словами: *Généraux sous Alexandre et Rois après sa mort* (Генералы при Александрѣ и Цари послѣ его смерти). Бонапарте былъ въ Италіи также распочителенъ, также дозволялъ Генераламъ наживаться, но только не всѣми средствами, и сохранялъ строгую подчиненность. Однажды казначей его арміи, имѣвъ крайнюю нужду въ деньгахъ, и свѣдавъ, что Генералъ N. взялъ съ одного города 100 тысячъ франковъ, потребовалъ ихъ для арміи; но Генералъ не хотѣлъ отдасть, и тогда казначей написалъ къ нему: *Général, ou bien vous porterez dans le jour les cent mille livres, ou je vous ferai fusiller par ordre du Général en*

chef. Salut républicain (Генералъ! или вы въ сей же день отдадите 100 тысячъ ливровъ, или я по приказанію военатадьяника велю васъ разстрѣлять. Клянюсь республикански). Генералъ поспѣшь прислалъ деньги.

Теперь Бонапарте смягчилъ систему свою, и хотя умѣетъ повелѣвать, однакожь не хочетъ рабскаго безмолвія. На примѣръ, въ самомъ Консульскомъ Совѣтѣ ему смѣло прошиворѣчатъ; онъ слушаетъ, доказываетъ, и дѣлаетъ по своему, когда увѣренъ, что лучше другихъ видитъ. Сенатъ также не есть слѣпое орудіе его воли: тамъ бывають споры, хотя не такіе жаркіе, какъ прежде въ Трибунатѣ, но умъ пользуется своими правами. Всякой благоразумной увѣренъ въ необходимости Консульской власпи, которая должна все соглашать и все усpreмлять къ одной цѣли. Бонапарте пользуется талантами людей, не принимая никакихъ внушеній личной вражды; и не думая о ихъ частномъ образѣ мыслей. Таллеранъ не любитъ Фуше, Фуше не терпитъ Таллерака; но они оба Министры. Любопытно видѣть на сценѣ сихъ двухъ бывшихъ священниковъ, изъ которыхъ одинъ прославился во время перваго Народнаго Собранія, а другой во время Конвента. Спарались

свергнушь ихъ обоихъ, но щепно; каждый хорошъ на своемъ мѣстѣ и служитъ полезнымъ орудіемъ въ рукѣ Перваго Консула. Хипросъ, неусыпная дѣятельность и знаніе *революціонныхъ тайнствъ* дѣлаютъ Фуше рѣдкимъ Министромъ Полиціи; а Таллеранъ созданъ бытъ первымъ Дипломатомъ Франціи въ нынѣшнихъ ея обстоятельствахъ. Читая изданные имъ *Eclaircissements* (donnés par le citoyen Talleyrand à ses concitoyens), и Республиканцы и Роялисты довольны. Онъ не имѣетъ въ слогѣ никакого жара, но богатъ *летугими огнями*, которые заводятъ спранниковъ въ болота; а это великой талантъ въ Дипломатикѣ. „Мы были глупцами (говорятъ „Французы), вѣря всемірной Республикѣ „и Космополилизму; ославимъ химеры, „и возобновимъ мудрую систему Кардинала Ришельё, то есть, будемъ думать „только о своемъ величїи; составимъ изъ „50 милліоновъ дружную Македонскую „фалангу среди раздѣленной Европы; назовемъя посредниками, а будемъ въ самомъ „дѣлѣ власпелинами, первымъ народомъ „Европы и міра!“ — Но великая душа Консула, желая блага Французамъ, жалеетъ его конечно и всему человѣчеству: вотъ розница между Бонапартьевою и Таллерановою Полишикою! Таллеранъ

извивается умомъ своимъ какъ змѣя, а
Бонапарте — какъ молнія!

VI.

Извѣстія и замѣчанія.

Швейцарія.

Мы угадали, что новая Швейцарская Конспирудія будетъ не долговѣчна. Ее уже нѣтъ! Сенатъ уничтоженъ, и славный Ландманъ уѣхалъ изъерна въ свое опечество, въ Кантонъ Швицской. Слѣдственно напрасно величали его спасителемъ Гельвеціи, вшорымъ Телемъ и Бонапарте! Теперь изъ всѣхъ Кантоновъ сзываютъ въ Бернъ новыхъ Депутатовъ; но мало вѣроятности, чтобы они умѣли непоколебимо основать благо опечества. Послушаемъ, что одинъ Швейцаръ говоритъ о Гельвеціи: „Трудно описать нынѣшнее внутреннее состояніе Швейцаріи, и опредѣлить ея народное мнѣніе. Всякая новая переменна нашихъ властей была дѣйствіемъ личностей, которыя не дозволяютъ видѣть общей пользы и думать о лучшихъ средствахъ народнаго спасенія. Всякой слѣдуетъ движенію, особенной страсти своей; всякой судитъ

„только въ отношеніи къ себѣ, и мнѣнія
 „удивительнымъ образомъ не согласны.
 „Главное бѣдствіе наше состоитъ не въ
 „частыхъ политическихъ переменѣхъ, но
 „въ тайномъ, внутреннемъ измѣненіи
 „нашихъ нравовъ и всѣхъ важнѣйшихъ
 „отношеній гражданской жизни. Полагая
 „даже, что моральный развратъ не уве-
 „личился съ 1798 году, всякой согла-
 „сится по крайней мѣрѣ, что безстыд-
 „ство, гнусное корыслоубіе и презрѣ-
 „ніе законовъ дошли до высочайшей сте-
 „пени. Сверхъ того истинная Религія
 „ослабѣла, а Фанатизмъ усилился. Не
 „должно относить сего зла ни къ преж-
 „нему, ни къ нынѣшнему Начальству
 „Швейцаріи; но, кромѣ моральнаго влѣ-
 „янія чужестранныхъ армій и гибель-
 „ныхъ слѣдствій войны, уничтоженіе
 „древняго Правленія, освященнаго вѣками,
 „и введеніе новаго, столь не согласнаго
 „съ древнимъ, безъ сомнѣнія поему спо-
 „собствовали. Обѣщаніе уничтожить всѣ
 „налоги, возгласеніе неограниченной сво-
 „боды и равенства, еще опзываются въ
 „слухъ земледѣльцевъ. Чіо видимъ ны-
 „нѣ? Каждая деревня есть особенная Де-
 „мократія: жители собираются и раз-
 „суждаютъ, какой законъ принять, ка-
 „кой отвергнуть, или ограничить въ ис-

„полненіи; а начальникамъ , избираемымъ
 „вышнею властію , не повинуются. Даже
 „многіе изъ самыхъ начальниковъ не хо-
 „пятъ исполнять законовъ.“ — — Горестно
 видѣшь паденіе народовъ; горестно ви-
 дѣшь Телевыхъ потомковъ жерпвою безум-
 ныхъ раздоровъ. Что теперь оспается же-
 лать Швейцарскимъ патриотамъ? Чтобы
 Бонапарте на Французскихъ штыкахъ
 прислалъ имъ Конституцію! Тогда един-
 ственно будетъ порядокъ въ Гельвеціи,
 и время обратитъ его въ законную при-
 вычку. Новая палма для Консула, и
 новый ошудъ для Швейцаровъ, нѣкогда
 гордыхъ подобно своимъ Альпамъ!

Изъ Лондона пишутъ, что Принцъ
 Валлисской болѣе всѣхъ способствовалъ
 заключенію мира; что онъ имѣлъ нѣ-
 сколько особенныхъ конференцій съ Ад-
 дингтономъ, и что на послѣднюю былъ
 призванъ и Гражданинъ Оупто; что они
 во всемъ согласились между собою въ 11
 часовъ вечера, и тогда послали уже за
 другими Министрами, Лордами Такесбу-
 ри и Пеламомъ. Въ сіе время Г. Пишпъ
 былъ въ деревнѣ. Валлисскій Принцъ ош-
 мѣнно уважаетъ Перваго Консула, и го-
 воритъ объ немъ съ великимъ почщені-
 емъ. — Г. Пишпъ и друзья его (какъ

увѣряютъ) съ величайшею ревностію занимающся планомъ новыхъ выборовъ, и назначающъ, кому быть Членами Парламента; а Г. Аддингтонъ по довѣренности даетъ имъ въ томъ совершенную волю. Если это правда, то Г. Питтъ можетъ скоро быть опять Министромъ, приготовляя себѣ заранѣе большинство голосовъ въ Парламентѣ. Англійскій народъ, не смотря на крикъ нѣкоторыхъ Орапоровъ, весьма уважаетъ его.

„Замѣчая скорое умноженіе народа, промышленности, торговли и богатства въ Соединенныхъ Американскихъ Областяхъ (говоритъ Издапель *Французской Газеты*), всякой можетъ предвидѣть, что сія Республика со временемъ овладѣетъ Новымъ Міромъ и всѣми Американскими Колоніями. Не должна ли Европа всячески удалять сію эпоху, и здравая Политика не пребуешь ли того, чтобы какъ можно скорѣе поставитъ въ Америкѣ предѣлъ для властолюбія сей Республики, которой Напура обѣщаетъ господство надъ половиною земнаго шара? — Мысль присоединить Луизиану къ Французскимъ владѣніямъ есть, важнѣйшая и мудрая политическая идея. Сама Англія должна радоваться

утверждённому въ Америкѣ Французскаго
 могущества, сего единственнаго оплота
 для силы Соединенныхъ Областей; иначе
 власть ихъ можетъ разлиться отъ сѣве-
 ра до юга, захватить Мексику, Запад-
 ную Индію, Канаду, и зашворить для
 Европы Атлантическое море. Ослаблен-
 ная Испанія, занимаясь храненіемъ
 весьма отдаленныхъ владѣній, не въ со-
 стояніи удерживать Американскую Рес-
 публику въ надлежащихъ границахъ. Са-
 мая Англія не можетъ на твердой зем-
 лѣ имѣть достаточной воинской силы
 для защиты правъ Европы на сію часть
 міра. Хотя Американское Правленіе обѣ-
 щало навсегда остаться въ нынѣшнихъ
 своихъ границахъ; но развѣ не извѣстно,
 что въ Политикѣ не надобно вѣрить ни-
 какимъ обѣщаніямъ, и что право сильнаго
 найдетъ всегда оправданіе? Положимъ,
 что Американская Республика въ самомъ
 дѣлѣ на цѣлый вѣкъ откажется отъ прі-
 обрѣтеній; но развѣ мало имѣть споль-
 ко земли, чтобы помѣстить и питать
 100 милліоновъ жителей? развѣ мало
 владѣть морскими берегами на 500 миль,
 господствовать на Атлантическомъ морѣ
 и опдѣляться отъ моря Южнаго одними
 дикими народами, гордыми покориться
 всякой вооруженной власти? Что зна-

читъ намѣреніе просвѣщать Индѣйцевъ? Не должны ли сіи народы принадлежать тому, который вводитъ ихъ въ состояніе гражданственности, и который, находясь въ средоточіи Новаго Міра, не имѣетъ совмѣстника? — И такъ Франція для пользы Европы желаетъ владѣть Луизианою.“ — — Вотъ прекрасная Логика нынѣшней Французской Политики! Вѣроятно, что неблагодарный Англійскій Кабинетъ не изъяснитъ Франціи ни малѣйшей признательности за то, что она утвердитъ свою руку и въ Америкѣ.

Одинъ изъ Секретарей Французскаго Посольства въ Берлинѣ описываетъ такимъ образомъ бывший при тамошнемъ Дворѣ праздникъ на случай выздоровленія Принца Фердинанда: „Огромная зала во дворѣ представляла работную „храмину Дедала, изобрѣтателя ваянія. „Въ два ряда спояли сто прекрасныхъ „спашуи, въ самомъ дѣлѣ прекрасныхъ, „и всякой зритель съ чувствительностью имѣ удивлялся. Минерва, исполняя желаніе кудбжника, оживила ихъ. „Тогда онѣ составили живописныя группы вокругъ благодѣтельной богини, и „при звукахъ по нѣжной, по воинской „музыки образовали разные пріятныя

„картины. Ея Величество, Королева, пред-
 „снавляла Минерву; другими аклерами
 „были Принцы, Принцессы и знаишнѣйшіе
 „прядворные. Великолѣпная Греческая оде-
 „жда, выразительная музыка, картины,
 „прекрасная иѣмая игра и наконецъ боже-
 „сливенный видѣ Минервы — все доказы-
 „вало, что вкусъ можетъ царствовать и
 „въ Германіи, и что для его совершенства
 „недостаеиъ въ ней одной общей столи-
 „цы, гдѣ могли бы соединяишья все Ге-
 „нїи, копорыхъ Природа дѣлаеиъ законо-
 „дательями вкуса. — Изобрѣтаиълемъ
 „сего праздника былъ Г. Гиртъ, Членъ
 „Академіи и великій знапокъ древ-
 „ностей.“

Изъ Штокгольма отъ 15 Апрѣля.

Король нашъ поручилъ Секретарю
 своему, Г. Дешо, переводить на Фран-
 цузской языкъ сочиненія Густава III.
 Онъ уже читалъ Его Величеству разныя
 пїесы, какъ-то похвальное слово Тор-
 стенсону и Драму Сири-Браге, копорой
 содержаніе взято изъ Шведской Истори.
 Сїи шворенія будутъ любопытны не
 только для Шведовъ, но и для самыхъ
 иностранцевъ, доказывая остроумъ, дѣ-
 ятельность и плодовитость Густавова

разума. Сердце сего Короля было предметомъ злословія: переписка его докажетъ, что онъ любилъ добро. Она составитъ нѣсколько томовъ: ибо Густавъ III писалъ къ людямъ всякаго сословія и всѣхъ націй: о Полиникѣ, военныхъ планахъ, и даже о подробностяхъ театра, который служилъ ему забавою отдохновенія, но о которомъ онъ говоритъ какъ Архистъ совершенный.

Наконецъ и Сенъ - Маринская Республика, малѣйшая въ свѣтѣ, перемѣнила свою Конституцію! Большой Совѣтъ ея состоитъ теперь, вмѣсто 160, изъ 300 Членовъ, а Малый Совѣтъ изъ 12, вмѣсто девяти. Гонфалоньеръ (или Прапорщикъ) остается главою Правленія, но избирается только — на три мѣсяца!

Миланъ отъ 12 Апрѣля.

Новое Правленіе Италіанской Республики нашло все въ безпорядкѣ, казну и доходы только на бумагѣ, народное имѣніе разграбленное, дѣла Министровъ въ запусеніи, вездѣ беззаконіе, несправедливость, утѣсненіе. Въ нѣсколько мѣсяцевъ оно привело хозяйство Республики въ самую лучшую систему, нашло способъ вѣрно собирать подати, пресѣкло грабительство,

удалило людей, ознаменованныхъ общемо ненавистию, и во всѣхъ частяхъ ускорило теченіе дѣлъ. Но Республика далека еще отъ цвѣтущаго сосоянія. Такъ на примѣръ потребности ея несравненно превышаютъ доходы. Многія честныя семейства терпятъ нужду, отъ того, что Республика, будучи имъ должна, не можетъ плашить процентовъ. Одно время, *уменьшеніе издержекъ*, воля и мудрость нашего Генія могутъ вывести насъ изъ сихъ непріятныхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ Вице - Президентъ старается всячески ограничивать расходы. На примѣръ, печатаніе объявленій и законовъ стоило Республикѣ ежегодно полтора миліона; но теперь оно ничего не стоитъ, и Правительство будетъ имѣть 6000 экземпляровъ всякаго объявленія и закона, давъ за то одному типографщику исключительное право торговать оными.

Парижъ отъ 25 Апрѣля.

Во вчерашнемъ засѣданіи Трибунала разсуждали о планѣ народнаго ученія; возраженія были слабы, и не достойны примѣчанія — но все что любопытно: Нѣкто Каріонъ - Низасъ, Членъ Трибунала, какъ бѣшеный вспрыгнулъ на кафедру,

чтобы ругать Жанъ - Жака Руссо, говоря, что онъ причиною всего зла въ свѣтѣ; что всѣ воры, убійцы его ученики; что у всякаго злодѣя, идущаго на эшафотъ, надобно поискашь въ карманѣ Эмиля!! Сего еще не довольно: гражданинъ Каріонъ - Низасъ утверждалъ, что проклятая Философія ввела въ моду супружество; что его начали безъ мѣры хвалить съ того времени, какъ читаютъ Философовъ; что напрасно мы дурно мыслимъ о Тартюфахъ; что Оргоны гораздо хуже ихъ, и проч. и проч. Къ чести Трибунала надобно замѣтить, что онъ не велѣлъ печатать сей галиматши. Извѣстный Жирарденъ (бывшій Маркизь, хозяинъ Эрменонвиля, гдѣ умеръ Руссо) сказалъ въ отвѣтъ Каріону: „Если бы Руссо былъ живъ, то онъ не захотѣлъ бы унижить себя отвѣтомъ на такую нелѣпую брань. Я также не скажу ни слова въ оправданіе сего великаго человека, имѣвшаго и славу быть ученикомъ его. Но требую, чтобы Трибуналъ объявилъ рѣчь Каріона недостойною печати.“ — Планъ народнаго ученія принять.

Парижъ отъ 27 Апрѣля.

Вчерашній децъ Консулы предложили Сенату объявить *амнистію для всѣхъ Эмигрантовъ*, кромѣ шѣхъ, которые находясь въ службѣ бывшихъ Французскихъ Принцовъ, или служили въ непріятельскихъ арміяхъ, предводительствовали бунтовщиками, были Агентами внутренней или внѣшней войны. Еще исключаются Генералы и Депутаты, которые изменили Республикѣ, и Епископы, не хотѣвшіе повиноваться Папѣ и признать Конкордата. Эмигранты, возвратясь во Францію, получаютъ назадъ свое имѣніе, *если оно еще не продано*. — Сенатъ обратился въ законъ сіе предложеніе Консуловъ. — Правленіе, уважаемое внѣ и внутри, можетъ смѣло быть великодушнымъ; и сія амнистія есть доказательство его непоколебимой твердости.

Вчера Консулы предложили еще Законодательному Совѣту 8 новыхъ экономическихъ плановъ. Правительствово пребудетъ на сей годъ 500 милліоновъ ливровъ.

VII.

*Свиданіе Туссеня Лувертюра съ
дѣтми его.*

Письмо гражданина Коанона къ Французскому Министру морскихъ силъ, изъ С. Доминго отъ 1 Ваншова.

18 П~~лювіоза~~ дѣти Туссеневы вмѣстѣ со мною опправились въ 8 часовъ вечера изъ Капа въ Эрикуръ. Генераль Леклеръ думалъ, что мы найдемъ тамъ ихъ виновнаго отца. Въ Эрикуръ сказали намъ, что Туссенъ въ Мармеладѣ, но тамъ онъ ночевалъ на канунѣ, вѣроятно для того, чтобы опдать повелѣнія Криспофу. Оптуда послали насъ въ Эннери, мѣсто его обыкновеннаго пребыванія. Тамъ нашли мы Туссеневу жену; сія добродушная женщина изъявила при свиданіи съ дѣтми всѣ чувства нѣжной матери, и въ ту же минуту послала въ разныя стороны искать своего мужа, и сказапъ ему, что мы привезли къ нему письмо отъ Бонапарте, копорымъ онъ будетъ доволенъ. На другой день прѣѣхалъ Гражданинъ Гранвиль съ претымъ Туссеневымъ сыномъ, который былъ у него въ пансіонѣ, и который хотѣлъ обнять своихъ братьевъ.

Туссень явился ночью: насъ разбудили. Я опишу вамъ, Гражданинъ Министръ, всѣ подробности сего свиданія. Опецъ и два сына бросились обнимають другъ друга; слезы капились изъ глазъ ихъ. Желая воспользоваться симъ расположеніемъ чувствительности, и въ самую ту минушу, какъ онъ хотѣлъ обнять меня, я спросилъ: „Кого вижу въ Туссенѣ? друга ли Франціи?“ — *Можете ли въ томъ сомнѣваться?* отвѣчалъ онъ и бросился ко мнѣ на шею. — Генераль! сказалъ я: послушайте дѣтей своихъ; теперь будутъ они для васъ вѣрными изъяснителями мыслей Перваго Консула и Начальника Колоніи; повѣрьте ихъ невинности и нѣжной любви къ вамъ; они объявятъ вамъ совершенную истину.

Тутъ Исаакъ началъ говорить и пересказалъ ему все то, что слышалъ отъ Перваго Консула въ Парижѣ и Генерала Леклера, какъ въ Брестѣ, такъ и въ Капѣ. Туссень слушалъ съ великимъ вниманіемъ и не отвѣчалъ ни слова. Я подаль ему коробочку съ письмомъ Бонапарте; онъ вынулъ его, прочиталъ и казался весьма довольнымъ. Я уговаривалъ Туссеня ѣхать къ Генералу Леклеру и быть его первымъ помощникомъ, увѣряя,

что онъ желаетъ считать, его во всемъ невиннымъ. Чтобы возбудить въ немъ болѣе довѣренности къ миролюбію Генерала Леклера и Французской чести, я вызвался остаться у него аманомъ. Туссень отвѣчалъ, что ему невозможно ѣхать въ нашъ лагерь; что онъ получилъ письма отъ своихъ Генераловъ, которые грозятся все испребишь огнемъ и мечемъ. Туссень просилъ меня написать къ Генералу Леклеру, чтобы онъ остановилъ непріятельскія дѣйствія, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Я написалъ при немъ, а онъ взялся доставить мое письмо, и въ чепыре часа ушелъ отъ насъ. Свиданіе наше продолжалось два часа.

Видя, что Туссень никакъ не соглашается ѣхать въ Капъ, я уговорилъ его написать по крайней мѣрѣ къ Генералу Леклеру и отправить письмо съ какимъ нибудь вѣрнымъ для него человекомъ, на примѣръ съ гражданиномъ Гранвилемъ, котораго усердіе къ Республикѣ казалось мнѣ несомнительнымъ. Туссень далъ мнѣ слово и сдержалъ его. На другой день явился Гранвиль и получилъ отъ него депеши.

Мы немедленно отправились въ Капъ съ Туссеновыми сыновьями, и прѣехали

шуда въ 8 часовъ вечера. Дорогою Г. Гран-
виль утвердилъ меня въ моемъ мнѣнїи о
послукахъ и характерѣ Туссеня. Я и
теперь ужасаюсь, воображая, что слы-
шалъ отъ него за шайну, и чего онъ не
могъ сказать мнѣ въ домѣ у Туссеня, не
подвергнувъ опасности жизнь свою. Сей
спаредъ не знаетъ теперь, что будетъ
съ его семействомъ, которое осталось во
власти Африканскаго варвара.

Генераль Леклеръ пошчасъ написалъ
опвѣстъ Туссеню, послалъ къ нему на-
задъ дѣшей, и велѣлъ имъ увѣришь его,
что онъ готовъ забыть прошедшее, и
клянется честїю сдѣлать его первымъ
своимъ Генераломъ; что онъ желаетъ
вмѣстѣ съ нимъ взять мѣры для пре-
сѣченїя всѣхъ безпорядковъ, и даетъ ему
сроку на четыре дни, въ которое время
должно ему непременно прїѣхать въ Капъ.

Въ 10 часовъ молодые Туссени оп-
правились къ отцу, съ симъ важнымъ
порученїемъ отъ Генерала Леклера.

Между тѣмъ надобно замѣнить. Гра-
жданинъ Министръ, что Туссень, не
смотря на перемирие, не переспавалъ
жечь селеній и казнилъ друзей Республики:

Что касается до его дѣшей, то поведеніе ихъ до самаго того дня, въ который отецъ оставилъ ихъ у себя, описывало совершенно благодарности, копорую они чувствуютъ къ Французскому Правленію.

Генералъ Леклеръ, употребивъ всѣ способы миролюбія, поражаетъ шеперь разбойниковъ, и скоро ихъ злобные начальники будущъ наказаны.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Н Ъ 1802.

№ II.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Рольнодумство и набожность.

(Переводъ изъ Новой Французской Библіотеки.)

Не далеко отъ Эклюзской крѣпости, на пупи изъ Ліона въ Женеву, молодой и несчастной Дельривъ сидѣлъ печально на скалѣ и смотрѣлъ съ ужасомъ на небо, усѣянное звѣздами. Бурное стремленіе горнаго потока; который съ шумомъ и пѣною свергался въ Рону, образовалъ въ семь мѣспѣ величественный каскадъ, именуемый *ладеніемъ бездны* (la chute de Galume). Ночь была ясная и тихая. Дельривъ, вздохнувъ изъ глубины сердца, дикими глазами посмотрѣлъ вокругъ себя. „У меня бездна подъ ногами, сказалъ онъ, а въ душѣ адъ! Совѣсть моя числа; но я видѣлъ ужасы, злобу людей, порже-

снво порока, и наконецъ не вѣрю Провидѣнью. Да, безбожники правы; нѣтъ, копорыми я всегда гнушался. Нѣтъ, говорю, Провидѣнїя въ семъ нещасномъ мїрѣ! Все есть дѣло случая; все исчезаетъ съ нами: и такъ будемъ жить только для удовольствїя! Не могу проливать крови: сердцу моему ненавистны убійства. Но не хочу удерживать страсей; забуду старинныя предразсужденїя и трудныя правила. Дѣйствіе жаркаго воображенїя и души боязливой, священный, но обманчивый идолъ легковѣрныхъ жертвъ всякаго вѣка — о добродѣтель! разрываю узы твои, и навсегда освобождаю себя!“

Такъ злословилъ несчастный Дельривъ, и самъ горько плакалъ. Вдругъ слезы его остановились: онъ взглянулъ на пропасть. Свѣтъ луны сыпался на кипящую пѣну и проникалъ, казалось, въ самую глубину воды. Дельривъ запрепетахъ!.. „Вотъ мирная обитель смерти! думалъ онъ: что мнѣ въ жизни? Я всего лишился, и самой надежды! Страшныя мои воспоминанїя исчезнухъ въ этой спасительной безднѣ, и душа моя успокоится. Ничтожество исцѣляетъ отъ муки. Ничтожество!“ ... Тутъ онъ невольно вздрогнулъ и снова посмотрѣлъ на небо. Предметы на землѣ соглашались съ его чувствами: шумныя

воды, копорья свергались съ утеса; кипящая пропасть, грозныя скалы — все, все изображало ужасное волненіе сердца его! Но поднявъ глаза вверхъ, онъ видить образъ небеснаго мира: тамъ все тихо, неподвижно, прекрасно. Дельривъ изумляется, какъ будто бы въ первый разъ видя сіе великое зрѣлище. Расперзанное сердце его само собою возвышается; онъ еще устами порицаетъ Небо, но въ совѣсни обожаешь Его и снова лѣтешь слезы. „О непонятное дѣйствіе привычки!“ восклицаетъ юноша, встаетъ поспѣшно, и сходитъ съ утеса на дорогу.

Дельривъ пришелъ въ Лозану въ концѣ весны 1795 году, и поселился тамъ въ одномъ домѣ съ Гм. Орсленемъ, спарымъ Эмигрантомъ, его свойственникомъ, человекомъ умнымъ, копорый прежде Революціи былъ спраспнымъ другомъ ложной Философіи, но уже при года ненавидѣлъ ее, ибо онъ лишился ста двадцати тысячъ ежегоднаго дохода, прекраснаго сельскаго замка и великолѣпнаго дому въ Парижѣ. Однакожь ему казалось спыдно перемѣнить свое мнѣніе; и сверхъ того набожность есть трудное дѣло для спараго Эпикурейца. Уже онъ не говорилъ, что общество атеистовъ можетъ быть мирно и спастливо, ибо разумъ обрѣзываетъ у спра-

стей когти ; не говорилъ , что *нигилизмъ* есть не совѣмъ худое дѣло , и что не глупые люди намъ его общаютъ ; не говорилъ , что *вольнодумцевъ* укоряютъ тѣмъ же , тѣмъ *Лафонтеновъ* волкъ укоряетъ ягненка (*) : однакожь не думалъ исправляться , боялся вѣрить совершенно и систему атеиста промѣнялъ только на систему Скептика . Онъ прежде смѣялся надъ Хриспіянскимъ воспитаніемъ Дельрива , и внутренно обрадовался , нашедши въ немъ перемѣну . Будучи эгоистомъ , Г. Орслень сдѣлался великимъ скупцемъ , и не имѣя возможности блистать пышностію , показывался бѣднымъ ; жилъ смиренно , и не хотѣлъ держать слугъ , кромѣ одной дѣвки . Скука и горестное одиночество вселили въ него желаніе привязать къ себѣ Дельрива , который былъ одинъ , имѣлъ деньги , и слѣдственно не могъ стоить ему дорого . Онъ предложилъ ему комнату подлѣ своей . Дельривъ , молодой человекъ двадцати пяти лѣтъ , прекрасный собою и воспитанный очень хорошо , былъ для всякаго любезнымъ поварихомъ : тѣмъ болѣе для старика , угнетеннаго болѣзнями и внутренними горе-

(*) Изъ уваженія ко славѣ Автора , который можетъ быть въ шулку написалъ такія нелѣпости , мы не хотимъ наименовать его .

стями. Онъ всякое утро приглашалъ къ себѣ Дельрива завтраканъ, и говоря съ нимъ однажды о причинѣ его меланхоліи, убѣдилъ молодаго человѣка разсказать ему свою исторію.

„Вы оставили Францію на другой годъ Революціи, сказалъ Дельривъ: опецъ мой уѣхалъ тогда въ провинцію вмѣстѣ со мною; послѣ того я служилъ въ арміи; наконецъ въ Февралѣ 1795 году взялъ отпускъ, жилъ нѣсколько времени съ бабюшкою и поѣхалъ въ Парижъ за однимъ важнымъ для него дѣломъ. Тамъ я всегда останавливался у госпожи Марпень, доброй женщины и нашей старинной знакомки. Она сказала мнѣ, что у нее всѣ комнаты заняты, кромѣ маленькаго кабинета въ третьемъ этажѣ, отдѣленнаго одною тонкою перегородкою отъ горницы, въ которой живетъ больная женщина съ осьмнадцатилѣтнею дочерью, милою и прекрасною. Я распросилъ объ нихъ, и узналъ, что мать, госпожа д'Армалосъ, жена Гишпанскаго банкира, не давно казненнаго, осталась въ крайней бѣдности и умираетъ чахоткою. „У нихъ все опняли, говорила моя хозяйка: бѣдная дочь, играя очень хорошо на клавесинѣ, взялась учить двухъ богатыхъ дѣвушекъ за два луидора въ мѣ-

сяцъ: вотъ единственнѣйшій доходъ ихъ; но я рада вѣришь имъ въ долгъ, пока могу.“ — А сколько онѣ вамъ должны? спросилъ я. — „За квартиру и за споль 150 ливровъ.“ — Вотъ они: давайте имъ все, что надобно, и сохраните нашу шайну. — „Съ радостію; иначе онѣ не приняли бы вашего подарка; бѣдность не опучила ихъ отъ благородной гордости.“ — Есть ли у нихъ слуга? — „Ахъ нѣтъ; моя дѣвка служилъ имъ. Однакожь мать не терпитъ нужды: дѣвица д' Армадосъ всего лишаетъ себя для нее. Вчера больная захошла Мальвійскихъ апельсиновъ: дочь шихонько продала свою манпелю, чтобы купить ихъ; а нынѣ пошла со двора въ одномъ кисейномъ платьѣ, не смотря на холодъ. Это не человекъ, а небесной Ангелъ.“ — — Я повѣрилъ госпожѣ Маршенъ, зная ея добродушіе и неживость; всходилъ на лѣсницу съ неизъяснимымъ сердечнымъ движеніемъ, съ великою осторожностію отперъ свою дверь, и шихонько приблизился къ стѣнѣ другой комнаты. Тамъ чипали; Ангельской голосъ повторялъ слѣдующія Боссюэповы слова: „Добродѣтель „сходна съ вѣчностію тѣмъ, что она „также заключается въ одной почкѣ. „Міръ ничто; все, измѣряемое временемъ,

„должно погибнуть. Что теряемъ мы съ жизнью? безпокойное сновидѣніе!“ Тутъ перестали читать. Сладкое чувство благоговѣнія разлилось въ сердцѣ моемъ (погда я вѣрилъ еще добродѣтели!). Черезъ нѣсколько минутъ потѣ же голосъ произнесъ усердную молитву. Я вмѣстѣ съ нимъ мысленно повторялъ каждое слово съ живѣйшею вѣрою, и думалъ, что молюсь съ Ангелами, въ присутствіи всѣхъ добродѣтелей, Религіи, любви, крошкой невинности, святаго терпѣнія. Послѣ молитвы я слышалъ, какъ мать поцѣловала дочь; слышалъ еще нѣсколько сердечныхъ вздоховъ, и наконецъ глубокое молчаніе было для меня знакомъ, что двѣ жертвы бѣдствія уснули. Я радовался мыслию, что онѣ переспали мучиться; сидѣлъ неподвижно, боясь прогнущься, и счиная варварствомъ разбудить несчастнаго, котораго, можетъ быть, наслаждается утѣшительнымъ сновидѣніемъ или, по крайней мѣрѣ, забылъ поску и горестъ свою. Одинъ пріятель ждалъ меня къ себѣ ужинать; но я не могъ выйти изъ своей комнаты. Мнѣ казалось, что, оспаываясь въ ней, берегу злощасныхъ во время ихъ кратковременнаго успокоенія; эта мысль услаждала мою душу.

Я легъ поздно и всталъ рано; спѣшилъ со двора; купилъ Малинскихъ апельсиновъ, и принесъ ихъ хозяйкѣ, чтобы она подарила ихъ отъ себя госпожѣ д' Арчалосъ, взявъ все нужныя оспороженіи. Апельсины были приняты съ живѣйшею благодарностію, особливо со стороны Калисты, дочери: потому что мать ея не могла ѣсть со вкусомъ ничего, кромѣ ихъ.

Я не забылъ, что Калиста продала свою теплую мантелью; думалъ, какъ исполнить свое намѣреніе; наконецъ, узнавъ, что одна дама, копорую она учила на піано-форте, уѣхала изъ Парижа, не заплативъ ей ничего, я купилъ теплую шубу, простую, но теплую и покойную, завернулъ ее въ клеенку вмѣстѣ съ деньгами за уроки; написалъ: *отъ гослужи* N. N., и велѣлъ отдать Калистѣ; она повѣрила и взяла.

Госпожа Марпень, зная меня давно, не могла бояться дурныхъ намѣреній съ моей стороны; но чтобы не дать ей и шѣни подозрѣнія, я съ самаго начала объявилъ, что не хочу мѣшать ихъ уединенію и знакомиться съ ними; не хочу даже, чтобы она говорила имъ обо мнѣ, и просилъ ее увѣдомлять меня только объ ихъ нуждахъ, не желая знать ничего

болѣе. Что принадлежишь до Калисты, но госпожа Маршень, по нѣжному своему чувству, сама не хотѣла упоминашь объ ней безъ необходимости.

Калиста очень хорошо списывала музыку, но не находила работы: скоро госпожа Маршень принесла ей множество дѣла. Сыскался искусный Докторъ для ея матери, который ходилъ всякой день по два раза и сказалъ, что не возьмешь денегъ до ея выздоровленія. Калиста никакъ не могла считать меня причиною такихъ благодѣяній: я не старался видѣть ее, и не думалъ ничѣмъ заслуживать ея вниманія. Она знала только, что подлѣ нихъ живетъ молодой человекъ; но не слышала никогда шуму въ моей комнашѣ, и не знала моего голоса. Иногда я слушалъ ее часа три, а Калиста думала, что меня еще не было дома. Мнѣ случилось два раза встрѣтиться съ нею на лѣсницѣ: я прошелъ мимо, не сказавъ ни слова; не могъ видѣть ея лица, потому что она всегда носила покрывало, и не имѣлъ даже никакого любопытства. Вы удивитесь: но такова была въ это время моя сердечная набожность! Воспитаніе, примѣръ родителя, любовь моя къ нему, злодѣйства атеистовъ; вѣра и героическая швер-

дось мучениковъ и добродѣтельныхъ пастырей Религіи; гоненіе, нѣжнѣйшія чувства моего сердца — все, все пипало во мнѣ пламенную ревность Христіанина. Въ самой арміи я нашелъ нѣкопорыхъ молодыхъ людей однихъ правилъ со мною; только съ ними дружился, а всѣхъ болѣе любилъ Вилара, товарища моего дѣтства. Онъ всегда увѣрялъ меня въ дружбѣ своей! . . . Боже мой! какковы люди! . . . “

Дельривъ остановился. Горестное воспоминаніе терзало его сердце; онъ закрылъ глаза рукою, и молчалъ нѣсколько минутъ.

„Такъ (продолжалъ Дельривъ), дерзкая необузданность и гоненіе Христіанства еще болѣе привязывали меня къ Религіи. Одна измѣна и вѣроломство любезныхъ мнѣ людей произвели въ душѣ моей ту перемѣну, которая васъ удивляетъ. . . Вы думаете, можетъ быть, что романическая страсть заставляла меня сидѣть неподвижно въ моей комнатѣ и слушать Калиспу? Нѣтъ, въ это время я занимался только чистымъ удовольствіемъ благодѣянія; одна Христіанская добродѣтель несчастной матери и дочери прогала мое сердце. Мнѣ сладко было находить въ ихъ разговорахъ дока-

запелства блаженной Вѣры, которыя пинали мою собспвенную. Правда, что воображеніе представляло мнѣ Калиспу милою и паѣнипельною; но въ этой мысли не было ничего земнаго: такъ воображаютъ Ангеловъ. Всякой вечеръ я пихонько входилъ въ свою горницу, слушалъ моливу Калиспы и вмѣспѣ съ нею молился.

„Однажды хозяйка сказала мнѣ за пайну, что госпожа д' Армалосъ хочеть непремѣнно собраться съ силами и черезъ два дни ийти къ обѣднѣ, которую служатъ всякое Воскресенье, въ шесть часовъ утра, въ погребѣ ея сосѣдки. Госпожа Марпенъ хотѣла сама ийти туда и взялась выпросить позволеніе для меня. На другой день госпожа д' Армалосъ хотѣла испытать силы, и пошла къ одной своей родспвенницѣ, которая жила не далеко. Распворивъ окно, я увидѣлъ Калиспу опять въ покрывалѣ; она надѣла шубу свою на мать и вела ее за руку. Тутъ захошѣлось мнѣ видѣть ихъ комнапу: двери ея были распворены въ коридоръ, и служанка прибирала ее. Я вошелъ туда и нарочно сталъ говорить съ служанкою, но между пѣмъ съ сердечнымъ умиленіемъ осматривалъ горестное убѣжище добродѣтели. Двѣ кровати съ синцовымъ за-

навѣсомъ стояли рядомъ; большія кресла, при соломенные спуды, маленькой сподъ (гдѣ лежали ношы) и дубовой шкапъ составляли все убранство комнаты. На окнѣ лежали Евангеліе, молишвенникъ и Боссюэшовы проповѣди; между ими стояли маленькіе песочные часы, сдѣланные (какъ сказала мнѣ служанка) самою Калиспою, чшобы во-время давать лекарство матери. Я смотрѣлъ съ сердечнымъ удовольствіемъ на это милое произведеніе дочерней любви, которое никогда не показывало часовъ свѣтскаго разсѣянія и дѣлило время на однѣ святыя должности уединеннаго благочестія и добродѣтельнаго шрудолюбія!... Думая уже вышши изъ комнаты, я увидѣлъ за шкапомъ картину, покрытую зеленымъ стамедомъ, и спросилъ объ ней. Служанка открыла ее, говоря: *это портретъ дѣвицы д'Армалосъ*. Не могу описать вамъ моего сердечнаго движенія въ эту минушу! Я самъ никогда бы не открылъ портрета дѣвицы, которая всегда закрывала флеромъ лице свое, была предметомъ моего душевнаго почтенія и тайныхъ благодарній моихъ!.. Раземалпривая съ живѣйшимъ любопытствомъ милыя черты, я внутренно укралъ себя опасною нескромностію, чувствовалъ волненіе въ сердцѣ, и выходя,

запретилъ служанкѣ сказывать даже и госпожѣ Марпенѣ, что я былъ шамъ. Съ этой минутой участіе мое въ судьбѣ Калисты сдѣлалось еще живѣе, но не имѣло уже прежней невинности, столь пріятной и милой, что мнѣ въ самомъ очарованіи любви было жаль ее.

„Я спѣшилъ купить столовые часы съ звонкимъ боемъ, и поставилъ ихъ у самой перегородки. Мнѣ не хотѣлось сдѣлать песочныхъ часовъ ея бесполезными; но они, изиѣрая время, не показывали его дневнаго раздѣленія. Я сидѣлъ тайно въ своей комнашѣ, когда часы въ первый разъ спали бить и съ воспоргомъ услышалъ восклицаніе матери и дочери, обрадованныхъ этою новостію; Калиста нѣжнымъ своимъ голосомъ считала ихъ!

„На другой день въ шестомъ часу я пришелъ къ хозяйкѣ, чтобы итти вмѣстѣ къ обѣднѣ: госпожа д'Армалось съ дочерью сидѣли уже въ ея комнашѣ, гдѣ горѣла одна свѣча (потому что на дворѣ было еще темно). Калиста, сидя въ покрывалѣ, сняла только перчатки: глаза мои успремились на ея руки, опмѣнно бѣлыя и нѣжныя. Мать, не смотря на лѣта и жестокую болѣзнь свою, казалась еще прекрасною. Находя великое сходство между ею и портретомъ дочери, я смолч-

рѣлъ на нее съ сердечнымъ удовольствіемъ. Она встала, опираясь на Калиспу; я подаль ей руку. Домъ былъ не далеко: шамъ приняла насъ служанка съ видомъ тайности. Мы сошли внизъ по лѣсницѣ въ глубокой погребѣ. Сердце мое наполнилось чувствами благоговѣнія въ эпоху мрачной темницѣ, гдѣ гонимая добродѣпель скрывалась отъ развратныхъ людей и бесѣдовала съ Богомъ, какъ въ небесномъ храмѣ и послѣднемъ святилищѣ надежды. Тамъ человекъ двадцать стояли на кофнахъ передъ маленькимъ олтаремъ, освѣщеннымъ только двумя лампадами. Усердіе, ревность изображались на лицахъ. Ахъ! какъ величественна казалась мнѣ угнетенная Религія, безъ всякаго внѣшняго велелѣпія, безъ всякой пышности лицемерства! Подлѣ олтаря, на деревянномъ стулѣ, сидѣлъ священникъ и говорилъ проповѣдь на шексіпъ: *братья мои! радуйтесь горестями, утверждающими вѣру вашу!*

„Никогда проповѣди самыхъ краснорѣчивѣйшихъ Христіанскихъ Ораторовъ не дѣлали такого сильнаго впечатлѣнія; мы обливались слезами, слушая ревностнаго священника, котораго всякой день жертвовалъ Религіи и свободою и жизнью. Хотя онъ единственно повпорядъ по, что тысячу разъ говорено было другими; но намъ

казалось, что мы еще въ первый разъ слышимъ истинное Евангельское ученіе. Всякое слово заключало для насъ великій смыслъ, и святая Мораль въ успахъ добродѣтельнаго спарца имѣла всю ту силу, которая одушевляла церковное ученіе въ началѣ Хрисціанства.

„Послѣ обѣдни всѣ мы по внутреннему движенію сошлись вмѣстѣ; мужчины и женщины обнимали и безмолвно поздравляли другъ друга съ сердечнымъ утѣшеніемъ, которыми они насладились вопреки тиранству. Я проводилъ госпожу д' Армалось и дочь ея до ихъ комнаты; цѣлый день не былъ дома, и возвратясь, узналъ отъ хозяйки, что больная, укрѣпленная на нѣсколько часовъ пламеннымъ Хрисціанскимъ усердіемъ, вдругъ ослабѣла, и что Докпоръ не могъ скрыть своего страха. Я вошелъ къ себѣ въ комнату и сѣлъ, какъ обыкновенно, подлѣ самой спѣны. Мать говорила съ дочерью. „Какъ спокойна теперь душа моя! сказала она: я исполнила свящую должность Религіи, и довольна. Ты слышала нынѣ святое ученіе церкви, что Хрисціанину должно не только терпѣть, но еще радоваться горестями, и счинать ихъ въ сей опасной, кратковременной жизни благодареніемъ Провидѣнія. Не горесть ли,

о другъ мой! воспитала въ сердцѣ тво-
емъ добродѣтель? Я лишилась супруга,
но скоро увижусь съ нимъ; оставляю
тебя беззащитною, но Богъ есть покро-
вишель невинныхъ: вѣрю Ему, и не дер-
заю о тебѣ беспокоиться“ Тутъ
Калиста зарыдала; слезы мои текли
вмѣстѣ съ ея слезами. Госпожа д'Арма-
лосъ съ непонятною швердоспїю пригошо-
вляла дочь свою къ вѣчной разлукѣ съ
нею. Въ девять часовъ Калиста слабымъ
голосомъ прочитала молитву. Мать ска-
зала, чтобы она помогла ей спать на
колѣни. Развѣ вы такъ слабы? съ ужа-
сомъ спросила Калиста. *Нынѣ было у ме-
ня довольно силъ*, отвѣчала больная, и
швердымъ голосомъ произнесла: *Господи!
благослови ее!* . . . Тутъ Калиста страш-
нымъ голосомъ закричала. Я узналъ, что
она лишилась матери . . . въ горести, съ
ужасомъ вскочилъ съ мѣста, ударилъ въ
спѣну и громко сказалъ: „я потчасъ
пришлю къ вамъ людей и бѣгу за Док-
торомъ!“ . . *Ахъ, Господинъ Дельрисъ!*
отвѣчала Калиста прогашельнымъ голо-
сомъ. . . Я бросился въ коридоръ, звалъ
къ ней служанокъ, поскакалъ за лека-
ремъ, привезъ его, и самъ оспался въ
своей комнатѣ. Калиста еще надѣялась,
что мать ея только въ обморокѣ. Медикъ

сбѣявилъ ей спрашную истину. Вопль ея раздиралъ мое сердце. Госпожа Маршень напрасно звала ее къ себѣ: она хотѣла провести ночь съ мертвымъ тѣломъ. „Мы не можемъ найти священника, сказала Калиста: я вмѣсто его буду здѣсь молиться до утра.“ Служанка осталась съ нею.

„Черезъ часъ я услышалъ, что она будитъ ее, и снова заспучавъ въ стѣну, сказалъ ей: „вы не однѣ; всю ночь буду молиться съ вами.“ *Ангелъ утѣшитель!* опвѣчала Калиста, и не могла говорить отъ рыданія. Въ самомъ дѣлѣ я не ложился спать, и эта меланхолическая ночь имѣла для меня такую прелесть, которой не могу шеперь изъяснить для самого себя. Вмѣсто обыкновенной моей осторожности и пищины, я ходилъ, спучалъ и всячески давалъ знать Калистѣ, что не сплю и раздѣляю съ нею горесть, будучи единственнымъ ея свидѣтелемъ и повѣреннымъ. Вздохи наши соединялись, и мы, не говоря и не видя другъ друга, были вмѣстѣ. Среди ночи и размысленій о смерти, трогательная симпатія сердець нашихъ, независимая отъ чувствъ, походила на чистый союзъ духовъ, освобожденныхъ отъ узъ и мечтаній жизни.

„Калиста при дни не опходила отъ умершей, а я не выходилъ изъ своей комнаты. Когда наконецъ погребли шѣло, госпожа Маршень, исполняя мое желаніе, предложила ей помѣняться со мною комнатами, чпобы удалиться нѣкопорымъ образомъ отъ ужасныхъ воспоминаній. Она съ величайшею благодарностію согласилась на то, и велѣла сказать, чпо надѣется лично изъяснить мнѣ свою признательность у госпожи Маршень, какъ скоро соберется съ силами. Я душевно радовался мыслию, чпо наконецъ увижу ту, которая была мнѣ уже столь извѣстна и мила; поставилъ въ своей горнищѣ клавесинъ, разные хорошіе мѣбли, и вошелъ въ ея комнату съ живѣйшимъ чувствомъ умиленія. Въ ней была уже только одна поспеда — Калистина! Она взяла съ собою портретъ, но глаза мои на пустомъ его мѣстѣ видѣли еще изображеніе милой красоты. Я снова разсматривалъ шамъ всѣ вещи, и выдвигалъ всѣ ящички, въ надеждѣ найни нѣсколько строкъ руки ея — и съ какою неописанною радостію увидѣлъ на окнѣ маленькіе песочные часы, забытые или, лучше сказать, оставленные! Я схватилъ ихъ; клялся, чпо они будутъ измѣрять для меня одно добродѣтели и любви посвящае-

мое время. Я сдержалъ слово, и хотя не могу теперь дорожитьъ ими, однакожь сберегъ ихъ... На другой день ввечеру сердце мое насладилося живымъ удовольствіемъ. Калисна играла на клавесинѣ, слѣдуя своимъ мыслямъ; выражала не музыкальныя ноты, а чувства своей души, и для меня; выражала гореснь, признательность и довѣренность къ моей чувствительности. Она играла до одиннадцати часовъ; встала и подошла къ перегородкѣ. Сердце мое запрепешало: Калисна была подлѣ меня; я слышалъ ея дыханіе!.. Она стала на колѣни — и мы заключили день по обыкновенному: общею молитвою.

„На другой день меня увѣдомили, что Виларъ подѣ судомъ въ Шартрѣ. Хотя мнѣ горесно было распаться съ Калисною на нѣсколько дней, однакожь, слѣдуя закону дружбы, я немедленно поскакалъ шуда и нашелъ способъ спасти Вилара отъ великой опасности; открывъ ему свои чувства къ Калиснѣ и намѣреніе увѣдомить о томъ моего отца, какъ скоро увижусь съ нею; наконецъ лешѣлъ въ Парижъ... Но шамъ ужасная переменна ожидала меня. Калисны не было уже въ домѣ госпожи Маршень. На другой день по моемъ отъѣздѣ пришли къ ней револю-

ронные Коммиссары; одинъ изъ нихъ, видя Калисту, сорвалъ съ нее покрывало, и пронувшій ея красотою, желалъ быть ея супругомъ. Она съ гордостію отвергнула его предложеніе, и такъ раздражила сего злодѣя, что онъ взялъ ее подъ стражу какъ заговорщицу и суетѣрку, доказывая свое обвиненіе шѣмъ, что у нее на столѣ лежалъ крестъ. Невинная Калиста сидѣла въ темницѣ. Я спѣшилъ туда; но она была въ тайной, и никому не позволяли входить къ ней. Одинъ извѣстный мнѣ человекъ сидѣлъ въ другой комнатѣ рядомъ съ нею; его обвиняли не въ такомъ важномъ преступленіи, какъ несчастную Калисту: я вздумалъ претованъ свиданія съ нимъ; получилъ дозволеніе; вошелъ къ заключенному, обѣщавъ ему всячески быть полезнымъ, открылъ свою тайну, и ставъ подлѣ стѣны, опдѣляющей меня отъ Калисты, сказалъ громко: *я олятъ съ вами!*

„Боже мой! воскликнула она; вы заключены въ темницѣ!“ — Нѣтъ, отвѣчалъ я: но пришелъ сказать вамъ о моемъ возвращеніи, слѣдственно о спараніи вывезти васъ отсюда; но знаю только одно вѣрное средство: назваться вашимъ супругомъ. Согласны ли вы на то? — „Можете ли располагать сердцемъ своимъ?“ — Я не

женатъ. — „Хопите ли въ самомъ дѣлѣ руки моей?“ — Ахъ! клянусь Небомъ любить васъ до гроба! — „Я на колѣняхъ даю Богу такую же клятву.“ — О Калисина! супруга моего сердца! . . . „Любезный Дельривъ! я швоя навѣки.“ — Завтра, можешь быть черезъ часъ ты будешь свободна!

„Сказавъ, я хотѣлъ бѣжать; но заключенный (именемъ Дюранъ) остановилъ меня и сказалъ: „постойте, государь мой! объявляю вамъ, что есѣли вы не освободите меня прежде милой вамъ дѣвицы, то я открою обманъ.“ Это было для меня громовымъ ударомъ; я осполбенѣлъ отъ изумленія и досады; но чувствовалъ, что мнѣ надобно скрыть свое негодованіе на эгоиста, и отвѣчалъ ему съ ласкою: „любезный Дюранъ! можешь ли ты сомнѣваться въ моемъ усердіи? можешь ли предлагашь мнѣ такое жестокое условіе? — „Могу и долженъ, сказалъ онъ холодно: у тебя много такихъ пріятелей, какъ я; имѣя прекрасный случай, хочу имъ воспользоваться.“ — Могу ли по крайней мѣрѣ надѣяшься на швою скромность? — „Я никогда не любилъ дѣлать зла. Выведи меня только изъ шюрмы, и буду увѣряшь всѣхъ, что ты при мнѣ женился.“ — Хорошо, есѣли бы ты имѣлъ велико-

душе вѣрить одной моей благодарности. —
„Еще лучше соединишь мою пользу съ
твоею.“

„Нечего было дѣлать, и мнѣ надле-
жало узнать ошъ эпова несноснаго чело-
вѣка всѣ обстоятельство его дѣла, чпобы
просить объ немъ. Я внутренно прокли-
налъ его, но рѣшился или умереть или
возвратить ему свободу; бѣгалъ ко всѣмъ
моимъ друзьямъ и знакомымъ, просилъ,
кланялся, и удивлялъ ихъ моею ревно-
стію; на другой день возвратился въ
темницу, и притворяясь ласковымъ, ска-
залъ Дюрану, чпо надѣюсь успѣть въ
его дѣлѣ. Онъ прониклъ въ мою душу;
и съ коварною усмѣшкою отвѣчалъ мнѣ:
о! я не сомнѣваюсь въ твоей дружбѣ и
совершенно покоенъ; а желая наградить
тебя за труды, вручаю тебѣ пріятную
записку, которую подали мнѣ сквозь это
отверстіе... Ахъ! дай скорѣе! сказалъ
я. — „Читай и напиши отвѣтъ, но не
говори сквозь стѣну; надобно кричать,
а это опасно: надзиратели могутъ услы-
шать.“ — — Я дрожащею рукою развер-
нулъ это бездѣльное письмо, написанное
кровью моей любовницы. Вотъ его содер-
жаніе:

„Благодарю пирановъ, отнявшихъ у
меня чернилицу, пошому чпо я дол-

„жна теперь своею кровью написать клятву любить тебя вѣчно. Суди о моихъ чувствахъ: госпожа Маршень въ свое опсупспивіе мнѣ все сказала. Знаю, чѣмъ я обязана твоему великодушію, о другъ мой и благодарѣпель! и отдаюсь тебѣ навѣки. Что ни будетъ со мною, но сохраню до гроба эту свяшую дружбу, основанную на добродѣтели и благодарности. Одинъ ты можешь привязывать меня къ жизни; хочу жить единспвенно для тебя. — *Калиста д' Армалосъ.*“

„Я сохранилъ ея торжественную клятву — это письмо, начерпанное кровью, и моими слезами орошенное! . . . Мнѣ надобно обратиться съ силами, чтобы досказать равнодушно эту чудную и горестную исторію.

„Не смѣя, по замѣчанію Дюранову, говорить съ Калистою, я въ ту же минуту написалъ нѣсколько спрокъ, также моею кровью, поступчалъ въ спѣну, услышалъ отвѣтъ, вложилъ письмо въ оптверстіе и спалъ на колѣни. Дюранъ засмѣялся и сказалъ: „бѣдный! она не видитъ тебя!“ — *Но угадываетъ*, отвѣчалъ я, и спѣшилъ окончать Дюраново дѣло. Съ меня требовали денегъ: я занялъ 500 луидоровъ, и мнѣ отдали повелѣніе освободить Дюрана.“

Тутъ Г. д' Орслень, перервавъ исторію Дельрива, сказалъ: „Этойъ Дюранъ долженъ быть умной человекъ.“ — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Дельривъ: я теперь согласенъ съ вами. Такой умъ или, лучше сказать, такой характеръ должно имѣть въ свѣтѣ. Нѣжностіе есть обманъ, а великодушіе глупостъ. — — Дельривъ продолжалъ:

„Отославъ къ Дюрану эту бумагу, я спѣшилъ объявить себя Калистинымъ мужемъ и требовалъ ея свободы. Мы обѣщали, но просили еще денегъ. Не зная, гдѣ ихъ занять, я крайне обрадовался прѣзду Вилара, который вызвался найти мнѣ черезъ два дни 15000 франковъ. Сердце мое успокоилось; но вдругъ получаю горестное извѣстіе о болѣзни отца моего, желающаго видѣть меня. Легко можете вообразить опчаяніе любовника! Но должностъ сына была для меня закономъ. Я послалъ за Виларомъ, опидаль ему письмо къ Калистѣ, и просилъ его упошребить всѣ способы для ея освобожденія. Онъ клялся мнѣ въ томъ Самимъ Небомъ; я не могъ сомнѣваться въ его дружескомъ усердіи, но поѣхалъ съ величайшимъ безпокойствомъ; нашелъ батюшку при смерти; открылъ ему свою любовь и получилъ его благословеніе,

которое сдѣлало для меня Калисту еще милѣе. Прошло дней восемь въ горести, когда Виларъ увѣдомилъ меня, что злодѣй, бывший доносицелемъ на Калисту, всячески старается вредить намъ, но что мы имѣемъ основательную надежду освободить ее; что она уже не въ тайной, и что ему дано позволеніе видѣться съ нею. Онъ съ восторгомъ говорилъ о ея достоинствахъ, нѣжности, красотѣ — и прислалъ отъ нее прогательное письмо ко мнѣ.

Опецъ мой спрдалъ еще около мѣсяца, и скончался. Вы знали мою привязанность къ нему, и можете судить о горести нѣжнаго сына!... Въ все это время не имѣвъ уже никакого свѣдѣнія о Калистѣ, недѣли черезъ три я отправилъ въ Парижъ нарочнаго, который возвратился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что она получила свободу и вмѣстѣ съ Виларомъ уѣхала, не извѣстно куда. Такой поспѣшный отбѣздъ удивилъ меня; однакожь я радовался ея свободѣ, воображая, что она писала ко мнѣ, и что ея письма пропали; никакое безпокойное сомнѣніе не входило въ мою душу. Я спѣшилъ въ Парижъ, развѣдывалъ, и наконецъ узналъ, что Калиста въ самомъ дѣлѣ уѣхала съ Виларомъ, и что онъ живетъ въ деревнѣ Л* близъ

Шалона. Я поскакалъ шуда верхомъ, пере-
мѣняя лошадей на спанціяхъ ; не отды-
халъ ни днемъ, ни ночью, и въ послѣдній
день Мая, въ 8 часовъ утра, оспановил-
ся за двѣ мили отъ Л* въ сельскомъ
пракпирѣ, желая разспросить хозяина,
который былъ мнѣ знакомъ. Онъ принялъ
меня съ республиканскою гордостію, не
вставъ съ мѣста и куря свою трубку. Я
прежде всего хотѣлъ знать, найду ли
Вилара въ Л*? „Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ:
онъ долженъ былъ, по нещасью, ѣхать
въ армію. У кого молодая жена, іному
горько съ нею разскавашься.“ — Какъ!
спросилъ я съ ужаснымъ предчувствіемъ:
развѣ Виларъ женился? — „А вы не знае-
те?“ сказалъ пракпирщикъ, положивъ
на столъ трубку, и радуясь случаю раз-
сказывать исторію: „онъ освободилъ пре-
красную дѣвушку, которая сидѣла въ
тюрмѣ, и теперь жена его . . .“ Тутъ я
долженъ былъ опереться на столъ: ноги
мои дрожали . . . „Вы конечно успали:
сядьте.“ — Я упалъ на спулъ . . . „Граж-
данка Виларъ, продолжалъ пракпирщикъ,
прекрасна какъ роза. Отецъ ея былъ Гиш-
панской банкиръ и назывался д'Арма-
лосъ“ Видя блѣдность мою, хозяинъ
совѣщовалъ мнѣ выпить спаканъ вина.
Тутъ пришло мнѣ на мысль, что Виларъ,

можешь бышь, нарочно сказывается Калистинымъ мужемъ для ея безопасности. Я спросилъ, гдѣ онъ женился? — „Въ Шалонѣ, въ присупспвѣи городскихъ судей; а послѣ *гражданка* Виларъ (копорая, между нами будь сказано, очень набожна) тайно посылала за священникомъ, чптобы онъ благословилъ ихъ бракъ. Я былъ въ числѣ свидѣтелей.“ — Гдѣ же теперь... она? — Оспалась въ деревнѣ Л* плакашь; бѣдная чрезмѣрно любилъ своего мужа.“ — Хочу видѣшь ее! сказалъ я, выбѣжалъ изъ дому, и поскакалъ въ ужасномъ волненіи души моей, увидѣлъ домъ Вилара, отдалъ лошадь свою одному крестьянину и хотѣлъ итти пѣшкомъ. Въ алеѣ встрѣпилась мнѣ служанка, и сказала, что госпожа Виларъ гуляетъ въ рощѣ. Я пошелъ туда, и едва могъ дышать. Малѣйшее движеніе приводило меня въ шрепешъ: мнѣ вездѣ слышался голосъ вѣроломной женщины... Подходя къ Кишайской отворенной бесѣдкѣ, я едва не упалъ въ обморокъ, ибо въ самомъ дѣлѣ услышалъ голосъ Калисты... Онъ уже не имѣлъ прежней для слуха моего пріятности, но былъ знакомъ сердцу. Я оспановился. „Вы скоро его увидите, говорила служанка: на что грустишь и плакашь?“ — Мнѣ не плакашь! сказала Калиста: Боже мой! когда съ нимъ уви-

жусь? Жестокой Виларъ! для чего ты не позволилъ мнѣ ѣхать съ тобою и раздѣляшь всѣ опасности! — „Надѣйтесь на Бога, сударыня.“ — Ахъ! я конечно надѣюсь: что было бы со мною безъ Религіи? — *Лицемерка!* закричалъ я, и вошелъ въ бесѣдку... гдѣ въ первый разъ увидѣлъ безъ покрывала шу, которую любилъ спрастно. Великое сходство ея съ матерью и съ портретомъ, споль памятнымъ моему сердцу, вездѣ увѣрило бы меня, что это Калисна. Она закричала... Я въ изступленіи подошелъ къ ней и сказалъ: Трепещи, видя во мнѣ непряшеля, спрашнаго для швоего гнуснаго мужа! Нѣтъ, онъ не умретъ славною смертію; испишельная рука моя должна погубить злодѣя!... Калисна упала въ обморокъ. Помоги ей! сказалъ я испуганной служанкѣ: скажи, чптобы она не боялась слѣдствій перваго движенія, которое теперь самъ осуждаю. Нѣтъ, одно презрѣніе должно быть моею местию! — Сказавъ, я вышелъ изъ бесѣдки, удалился поспѣшно, и съ мерпвымъ сердцемъ возвратился въ Парижъ. Злобные пираны сдѣлали для меня опечестиво ненавистнымъ: я продалъ часть имѣнія своего, взялъ паспортъ и простился съ Франціею. Обманушый, расперзанный предметами

нѣжнѣйшихъ чувствъ моихъ, я отказался навѣки отъ любви и дружбы: слѣдственно, по моему мнѣнію, отъ добродѣтели. Вѣроломство непостоянной Калиспы доказало мнѣ, что Религія не исправляетъ сердца, и не имѣетъ никакого вліянія на дѣла и нравы людей. Калиспа все еще *набожна*, не смотря на то, что обманула меня безъ всякаго угрызенія совѣсти. Если Религія бесполезна, то на что она людямъ?.. Калиспа неблагодарна, Виларъ извергъ; но — они щасливы, а я въ опчаяніи, всѣми оставленъ и забытъ!.. Гдѣ же Провидѣніе?“ — Примолви еще, сказалъ Г. д' Орслень, что Якобинцы насъ ограбили и поржествуютъ! — О! я награжу себя за претерпѣнное, говорилъ Дельривъ; полно быть легковѣрнымъ; теперь знаю, что думать и какъ жить надобно!

Нещасливый молодой человекъ, желая разсѣять себя, путешествовалъ съ мѣсяць по дикимъ мѣстамъ Швейцаріи, возвратился въ Лозану къ Господину д' Орсленю, и прожилъ съ нимъ осень и зиму. Г. д' Орслень чрезмѣрно ласкалъ его. Дельривъ удивлялся, что онъ не призываетъ къ себѣ молодого своего племянника, Эмигранна, который носилъ то же имя, имѣлъ жену, дѣтей и жилъ

близъ Кадикса въ великой бѣдности. Я былъ всегда его благодѣтелемъ, сказалъ д'Орслень, и люблю его душевно; но шеперешнее мое соспоянiе не дозволяетъ мнѣ быть ему полезнымъ.

Между тѣмъ Дельривъ, не смотря на всѣ усиля оскорбленнаго сердца, не могъ забыть Калисты; не могъ понять такой скорой переменны, такого дерзкаго вѣроломства, воображая всѣ подробности связи его съ нею. Иногда онъ перечитывалъ ея письма, и всякой разъ чувствовалъ возобновенiе досады своей; сердился и бранилъ Религiю. Однакожь спросить и гнѣвъ не мѣшали ему воспоминашь, что набожность исправила иѣкогда его нравственность, и возвысила добродѣтели; что она до гроба услаждала несчастiе Госпожи д'Армалось, и была радостною надеждою умирающаго отца его. Сii воспоминанiя не обращали его къ добродѣтели, но беспокоили и терзали. Онъ сполько ненавидѣлъ ужасы Револуцiи, и сполько раздраженъ былъ извѣною любовницы и друга, что страстно желалъ утвердиться въ своемъ невѣрiи. Сомнѣнiя Господина д'Орсленя ему ни мало не нравились: безразсудная досада его хощла чего нибудь рѣшительнаго — материализма, безбожiя. Уже онъ гово-

рилъ спрашнымъ языкомъ атеистовъ, не для того, чптобы такъ думалъ, но единственно отъ желанія мстить. Чипалъ Гоббеса, Спинозу и новыхъ учениковъ его; но скоро бросилъ ихъ, сказавъ господину д' Орсленю, что они грубо лгутъ и противорѣчатъ себѣ. „Доказательства ихъ, говорилъ Дельривъ, такъ неосновательны, что могутъ обольщать только невѣждъ или безразсудныхъ. Единственный способъ избавишься отъ беспокойныхъ предразсужденій есть слѣдовать спростямъ и жить для ихъ удовольствій; а прошивъ Религii нахожу я только одно сильное возраженіе: набожность вѣроломной женщины. — „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ д' Орслень: естли бы Калиста швоя развратилась постепенно и перешла бытъ набожною, тогда можнобъ было сказать, что она, оставляя Религiiю, оставила и добродѣшель; но переѣнишься вдругъ; послѣ такихъ священныхъ клявъ, нагло обманушь своего любовника и добродѣшеля, безъ всякаго угрызенія совѣспи и вѣря по прежнему ученію Религii — вотъ ясное доказательство, что набожность не спасаетъ челоука отъ преступленій!“ — Такое заключеніе казалось Дельриву неоспоримымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Господину Д' Орленю вдругъ сдѣлался ударъ. . . Ему пустили кровь; онъ пришелъ въ себя, но не могъ говорить вразумительно и казался весьма безпокойнымъ. Дельривъ не отходилъ отъ его постели. Вечеру больному спало хуже. Будучи въ комнапѣ одинъ съ Дельривомъ, онъ съ великимъ усилениемъ приподнялся, вынулъ ключъ, лежавшій у него подъ головами, и рукою указалъ ему на столъ ларчикъ. Дельривъ взялъ его и на силу могъ поднять отъ тяжести. Д' Орлень хотѣлъ говорить; но вдругъ глаза его закрылись, и страшныя конвульси пресѣкли жизнь. . . Младой человекъ стоялъ неподвижно и разсуждалъ самъ съ собою: „Онъ любилъ меня, и безъ сомнѣнiя хотѣлъ подарить мнѣ этотъ ларчикъ: для чего же не принять мнѣ дружескаго подарка? Прошло то время, въ которое глупая совѣсть могла бы превозить меня въ такомъ случаѣ.“ Дельривъ опнесъ ларчикъ въ свою горницу, заперъ его, и возвращаясь скорѣе къ умершему, кликнулъ людей. Призвали еще Доктора; но ему уже не чего было дѣлать. Лозанское Правительство запечатало всѣ вещи покойнаго; а Дельривъ, въ то время, какъ всѣ уснули въ домѣ, открылъ свой шайн-

ственный ларчикъ . . . и нашелъ въ немъ 5000 луидоровъ съ тремя дорогими перстнями. „Какъ! (думалъ онъ) эпокъ спарикъ имѣлъ такое богатство и назывался бѣднымъ! Теперь его благодареніе навсегда предохраняетъ меня отъ нужды. Онъ не сдѣлалъ духовной; боялся смерти, ни чему не вѣрилъ, и любилъ одного себя: такіе люди не думаютъ о томъ, что будетъ послѣ ихъ.“ Но скоро пришло ему на мысль, что у д'Орлена оспался въ бѣдности родной племянникъ; что онъ, можетъ быть, хотѣлъ опдаться ему деньги только на сохраненіе, желая доставить ихъ истинному наследнику. . . . Напрасно Дельривъ спарался удалить сію мысль, и говорилъ себѣ: „развѣ я не клялся жить для своего удовольствія и презираю Мораль, которая дѣлаетъ людей только несчастными? Все умираетъ съ нами. Благо-разумно ли жертвовать собою для пользы незнакомаго человѣка? Кто наградишь меня за такую добродѣтель? совѣсть? но она есть пустое слово для того, кто считаетъ вселенную дѣйствіемъ одного случая, не надѣется и не боится ничего послѣ смерти!“ — Дельривъ ободрился, заперъ ларчикъ въ шкафъ и легъ на постелю; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ

его, и внутреннее чувство не давало ему покоя. Хотя онъ обѣщалъ самому себѣ наградить д' Орсленева племянника и доставить ему часть наслѣдства, но совѣсть не хотѣла съ нимъ торговаться, и еще болѣе терзала его. Отдашь что нибудь, думалъ онъ, есть признайся, что не могу спокойно пользоваться всѣмъ. Наконецъ вышедши изъ перпѣнїя, Дель-ривъ вспалъ и зажегъ свѣчу. „Проклятое воспишанїе! я вѣчно долженъ быть глупцемъ!“ сказалъ онъ, вынулъ ларчикъ и поставилъ его передъ собою, говоря: „сонъ милѣе золота; не хочу ничего, и какъ скоро разсвѣтаетъ, предскажу все въ городской судъ“ . . . Сладкія слезы капались изъ его глазъ, и сердце вкусило тихое удовольствїе. Шкапъ былъ еще отворенъ: онъ увидѣлъ песочные Калистины часы, которые въ немъ стояли, и съ умиленїемъ мыслилъ: „я клялся, что вы будете показывать однѣ посвящаемыя добродѣтели минушы; теперь могу смотрѣть на васъ!“ . . . Онъ все еще плакалъ, воображалъ изумленїе бѣднаго племянника, радость его семейства, и наслаждался во глубинѣ души своей; не хотѣлъ спать, чтсбы утѣшаться миромъ совѣсти — рано поутру отвезъ ларчикъ къ главному

Лозанскому судьѣ, и объявилъ, что у Г. д' Орслена есть племянникъ, которому должно опослать это наслѣдство, ввѣренное ему покойникомъ.

(Окончаніе впродъ.)

II.

Мысли объ уединеніи.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красоту для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическія и нѣжныя. Имя уединенія принадлежитъ къ симъ магическимъ словамъ. Назовите его — и чувствительный воображаетъ любезную пустыню, густыя сѣни деревъ, шумное журчаніе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость съ своими горестными и сладкими воспоминаніями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненіе надеждъ своихъ, такъ самое уединеніе не отвѣпствуетъ ихъ ожиданіямъ; цвѣты его благоухаютъ въ воображеніи, и вянутъ въ грубомъ элементѣ существенности.

Быть щасливымъ или довольнымъ въ *совершенномъ* уединеніи можно только съ неисчислимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденій и въ отсутствіи всѣхъ потребностей, копорыхъ удовлетвореніе внѣ насъ; а человекъ отъ первой до послѣдней минуты бытія есть существо зависящее. Сердце его образовано чувствовать съ другими и наслаждаться ихъ наслажденіемъ. Отдѣляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно распѣнію, лишенному живоисворныхъ вліяній солнца.

Чувствительный воображаетъ благоприятнымъ для уединенія то время, когда человекъ, сто разъ обмануемый въ своихъ милыхъ надеждахъ, перестаетъ наконецъ желать и надѣяться: тогда уединеніе кажется единственною его опрадою, единственноымъ вѣрнымъ прибежищемъ на Океанѣ непокойной жизни; тамъ, въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувствовать съ одною природою; тамъ, съ горестію воспоминавая жестокою холодноствю людей; онъ утѣшился мыслію, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не ядовитъ: въ немъ нѣтъ дыханія пороковъ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувствительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, копорыхъ предметъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ отношеній къ міру нравственному не имѣютъ никакой живой прелести. Можемъ ли плѣняться торжественнымъ восходомъ солнца или крошкимъ свѣшломъ ночи, или пѣснью соловья, когда солнце не освѣщаетъ для насъ ничего милого; когда мы не дышаемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ вліяніемъ луны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣта, о которомъ такъ часто говорили Мизантропы, есть только одно слово безъ всякаго истиннаго значенія. Какая мысль оспаненя въ душѣ, еслили она забудетъ свѣтъ? а воспоминаніе его, скоро начнетъ жалѣть объ немъ: ибо воспоминаніе есть самое льспивое зеркало: оно украшаетъ предметы. Такъ все, что давно миновалось, опѣ времени кажется намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей теряютъ примѣсь неудовольствій, подобно какъ мешалъ теряетъ

примѣсь нечистоты въ горнилѣ — и добродушный пустынный или возвратится въ свѣтъ, или за упрямство будетъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человекъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можешь передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и упрекать его. Ядъ въ свѣтъ, анпидопъ тамъ же. Одинъ уязвляетъ ядовитою стрѣлою, другой вынимаешь ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но *временное* уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ убѣжищахъ Натуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ опсупствіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить кистію, такъ наблюдатель удаляется иногда отъ свѣта, чпобы шѣмъ вѣрнѣе и живѣе представить его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо оставилъ городъ, чпобы въ густыхъ шѣняхъ Парка размышлять объ измѣненіяхъ человека въ гражданской жизни, и слогъ его

въ семь твореніи имѣющъ свѣжестъ Природы.

Временное уединеніе есть также необходимость для чувствительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцаніемъ внутренняго своего богатства; углубляется въ самоё себя; оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ насюющимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединеніе, чтобы, насладившись блаженствомъ, въ крошкѣ покоѣ души насладиться еще его воспоминаніемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ въ уединеніе, которое своими размышленіями и мечтами питаетъ спраспи.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательной, сказалъ, что одинъ злой человекъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ - Жака. Нѣтъ, уединеніе есть худой поварищъ для нечиспой совѣспи, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, которая есть прелестъ уединенія. Чтобы

пріятно бесѣдовать съ собою, надобно бытъ добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души; коипорая не совмѣстна съ ядовитною злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкоторою особенною живостію воображенія, всѣмъ *Эликурейцамъ чувствительности*, совѣшную иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенія, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. На примѣръ, кто ославляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делиля,

Блισταютъ красотой, одеждою, умою,
выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ
въ ночной мракъ лѣса, пошъ чувствуетъ
въ себѣ какую-то новую, тайную силу
души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ
и его сдѣнами. Такія противоположности
разительны, и могутъ быть испочни-
комъ живыхъ удовольствій. „Величествен-
„ный шумъ деревъ, качаемыхъ вѣтромъ
„надъ моею головою (говоритъ одинъ Пи-
„сатель) есть мистическій языкъ Нату-
„ры, который бываетъ для меня священ-
„нѣ послѣ городского шума.“

Скажемъ наконецъ, что уединеніе подобно шѣмъ людямъ, съ которыми хорошо и пріятно видѣться изрѣдка, но

съ которыми жить всегда тяжко уму
и сердцу!

П. ф.

III.

О новыхъ путешественникахъ.

Письмо изъ Берлина.

Любовь ко славѣ Германіи и любопытство заспаваютъ насъ слѣдовать мыслями за шѣми соотечественниками, которые рѣшились на опасности и скуку дальнихъ путешествій, чтобы распространить кругъ человѣческихъ знаній. Между ими всѣхъ болѣе отличаетъя Господинъ Гумбольдъ, который, будучи весьма небогатъ, но имѣя рѣдкія знанія, пламенную ревность къ Наукамъ и непоколебимое мужество, вздумалъ безъ всякаго вспоможенія отъ правительства объѣхать шаръ земной, чтобы собрать новыя свѣдѣнія о Природѣ и людяхъ, о теоріи земли, Аспренсіи, географическихъ положеніяхъ, животныхъ, растѣніяхъ и камняхъ. Видѣвъ большую часть пустынь южной Америки, онъ отправился теперь сухимъ путемъ въ Перу; съ намѣреніемъ возвратиться въ Европу

черезъ Восточную Индію. Новѣйшія письма его получены изъ Кароагены. Онъ едва могъ доѣхать до сего города, бывъ окруженъ разными опасностями. На берегахъ Ріо-Сину угрожали ему смертію безчисленные крокодилы и Дарикскіе Индѣйцы, которые оплачиваются опѣ Карайбовъ, ихъ сосѣдовъ, малымъ ростомъ своимъ, толщиною и силою. Пошомъ спрашная буря едва не опрокинула его лодки. Приславъ къ Гигантскому Мысу, и такимъ образомъ едва успѣвъ спастись отъ смерти, Г. Гумбольтъ спѣшилъ наблюдать полное затмѣніе луны; но бѣглецы Негры, вооруженные кинжалами, бросились на любопытнаго Аспронома, который съ великимъ трудомъ могъ уйти отъ ихъ свирѣпства и добѣжавъ до лодки. Это случилось въ Вербное Воскресенье, самый шомъ день, въ который онъ за годъ передъ шѣмъ избавился отъ смерти на Оренокѣ, гдѣ хищные крокодилы едва не схватили его.

Другой Нѣмецъ, Господинъ Горнеманъ, путешествуеъ въ Африкѣ, куда отправлено его Лондонское Африканское Общество для новыхъ открытій. Онъ прислалъ въ Лондонъ описаніе своего путешествія изъ Каира до Сивы, въ храмъ Юпитера - Аммона и въ Фецанъ; оно уже

переведено на Англійской языкъ и скоро будетъ напечатано въ Библиотекѣ Африканскаго Общества.

Англійскій путешественникъ, бывшій въ Индостанѣ, на берегу рѣки Соверы, видѣлъ мавзолей славнаго Могольскаго музыканта Тансеина, осѣненный превеликимъ деревомъ. Жители ходятъ туда на поклоненіе, жуютъ листъ сего дерева и думаютъ, что голосъ ихъ дѣлается отъ того пріятнѣе.

Скоро выдетъ еще Журналъ Полковника Малькольмса, отправленнаго Англійскимъ Королемъ къ нынѣшнему Персидскому Шаху. Число путешественниковъ въ Восточной Индіи безпрестанно умножается. Директоры Англійской Компаніи, желая шѣмъ воспользоваться, берутъ теперь за перевозъ гораздо дороже. Англійскіе Богословы стараются также употребить въ пользу Науки своей любопытство новыхъ путешественниковъ, и Кембричскій Университетъ опредѣлилъ награжденіе шѣмъ, которые мѣстными описаніями Палестины и окрестныхъ земель объяснятъ Священное Писаніе.

IV.

С М Ъ С Ъ.

Въ Газетахъ писали о системѣ Вѣнскаго Профессора Галя. Сообщаемъ любопытнымъ подробнѣйшее о томъ извѣстіе. Г. Галь основываетъ свои наблюденія на образованіи черепа, который во всякомъ умномъ человѣкѣ долженъ быть овальный; истину сего примѣчанія доказываетъ онъ черепами многихъ славныхъ мужей. Красавцы и вообще всѣ тѣ, которые имѣютъ круглую голову, рѣдко бываютъ очень умны. Господинъ Профессоръ назначаетъ въ мозгу особое мѣсто для всякой душевной способности. На примѣръ, способность наблюденія живетъ надъ самымъ лбомъ. Это мѣсто бываетъ очень высоко у дѣтей, которыя въ удивительной степени имѣютъ даръ примѣчанія. Нечувствительно сія выпуклость уменьшается и дѣлается иногда впадиною, но только не у Геніевъ, великихъ наблюдателей. Г. Галь думаетъ, что упражненіе и навыкъ могутъ дѣйствовать на образованіе сей части. У него есть черепа нѣкоторыхъ славныхъ людей, между прочими Блумауера, Аלקсингера и Вурмзера. Въ семъ послѣднемъ Докторъ нашелъ органъ мужества, котораго мѣсто надъ ухомъ.

къ виску. Черепы животныхъ сообщили ему также множество разныхъ открытій. Онъ нашелъ музыкальный органъ какъ въ соловьяхъ, малиновкахъ, жаворонкахъ, такъ и въ головѣ славныхъ музыкантовъ, а особливо въ Моцартѣ. Мозгъ лисицъ и кошекъ заключаеишь въ себѣ органъ хитрости; и точно такой же находится въ головѣ людей, бывшихъ опмѣнно хитрыми. Ученіе Доктора Галя весьма любопытно; не надобно спрашивать объ его истинѣ.

Французскіе Ученые нашли въ Египтѣ камень съ надписью Египетскихъ жрецовъ, въ честь Птоломею - Эпифану, на Греческомъ, Коптскомъ и гіероглифическомъ языкѣ, котораго ключъ поперянъ. Сіе открытіе подало надежду узнать смыслъ гіероглифическихъ изображеній посредствомъ Греческой надписи. Г. Сильвестръ де Саси скоро выдасъ изъясненіе всей надписи, которая въ разныхъ мѣстахъ весьма темна. Между тѣмъ Англійскій Полковникъ Тореръ привезъ въ Лондонъ сей любопытный камень.

Въ Медицинскихъ Наблюденіяхъ Гражданина Перси, напечатанныхъ въ Парижѣ, описано много удивительныхъ слу-

чаевъ. На примѣрѣ, одинъ Французскій Капитанъ, именемъ Симоръ, отъ жестокой простуды лишился движенія въ пальцахъ, рукахъ, ногахъ и наконецъ во всемъ тѣлѣ, такъ, что не могъ дѣйствовать даже и челюстью. Ослѣпнувъ въ то же время, онъ нѣсколько лѣтъ провелъ на креслахъ *безъ всякаго сна*, не смотря на сильные пріемы опіума; и пилался каплями бульйона, копорыя пропускали ему въ ротъ сквозь зубы. Наконецъ ему выдернули два изъ нихъ, чтобы сдѣлать опверснѣе: онъ началъ свободнѣе говорить и могъ сосать всякую жидкость посредствомъ соломенки. Тѣло его, родъ одушевленной спашуи или живаго трупца, соспавляло *одну часть*; всѣ кости *стопились* однѣ съ другими; но, не смотря на такое ужасное соспоянѣе, Симоръ не рѣдко бывалъ очень забавенъ, любилъ шутить, и всякой годъ издавалъ *календарь въ лѣсныхъ*, копорый благодѣтельные люди раскупали, чтобы помочь бѣдному, не оскорбляя его чувствительности. Календарь, изданный имъ въ 1797 году, достоинъ примѣчанія по слѣдующему эпиграфу:

*Я слѣлб, не знаю сна, не ѣлб, не шевелюсь,
Жду смерти всякой часб, и между тѣмб
смѣюсь!*

Лице Симорова ни мало не переи́нилось, и сохраняло характеръ веселости. Мускулы его были въ безпрестанномъ движеніи, чптобы замѣняшь дѣйствіе рукъ, морщить кожу и сгоняшь насѣкомыхъ, копорыя его кусали. Скелетъ сего чело-вѣка, ужасный и любопытный монументъ чело-вѣческаго бѣдствія, хранится теперь въ Медицинской Парижской школѣ. — — Г Перси описываетъ еще дѣйствіе ужасной алчности, копорую онъ называетъ *Полифагію*. Молодой чело-вѣкъ, Ліонской уроженецъ, именовъ Тараръ, съ самага ребячества привыкъ глотать корзины, ноже-вые черенки, ѣсть не только множество дурнаго, бросаемаго мяса, но и самыхъ живыхъ гадинъ, и сверхъ того глоталъ камни. Разные припадки и страшныя колики не могли опучить его отъ сей ужасной алчности, копорая сдѣлалась наконецъ необходимою потребностію. Будучи солдатомъ въ Рейнской арміи, онъ искалъ въ походной гошпидали нужной для себя пици, и ѣлъ все, что выбрасывали изъ кухни: кости, гнилое мясо и проч. Но ему и того было недоспашочно: Тараръ убивалъ собакъ, кошекъ, и ѣлъ живыхъ змѣй. Его силою выгоняли изъ той комнацы, гдѣ лежали мертвыя шѣла,

и гдѣ сплoяла кровь, выпущенная изъ больныхъ. Напрасно старались излечить сего несчастнаго, и давали ему распoлненный жиръ, кислоты эссенціи, опіумъ, и проч. Будучи подозрѣваемъ въ спрашномъ злодѣйствѣ, когда въ одномъ Нѣмецкомъ городѣ у хозяина его пропалъ шестнадцати - мѣсячный младенецъ, онъ бѣжалъ, но въ 1799 году явился къ главному Медіку Версальской больницы въ злой чахопкѣ, копорая была слѣдствіемъ его неслыханной алчности, и произошла, по его словамъ, ошъ сѣденной имъ серебряной вилки, оставшейся въ желудкѣ. Тараръ черезъ нѣскольکو дней умеръ. Версальской лекаръ вскрылъ его шѣло, не смотря на смрадный, несносный духъ. Онъ не нашелъ вилки. Желудокъ былъ чрезмѣрной величины, и вся внутренность испорчена. Тараръ, будучи малаго роспу, сытый походилъ на челоѣка въ водяной болѣзни, а голодный казался худымъ: тогда брюхо его висѣло какъ мѣшокъ. Ропъ и все шѣло его безпрестанно дымилась. Наѣвшисъ, онъ засыпалъ крѣпкимъ сномъ, подобно всѣмъ алчнымъ животнымъ. Г. Перси изъ разныхъ собранныхъ имъ примѣровъ *Полифагii* заключаетъ, что сія болѣзнь неизлечима; что ея не-

щастныя жертвы въ одной смерти находящъ конецъ своимъ страданіямъ, и живущъ не долѣе сорока лѣтъ.

„Щастливый случай познакомиль меня съ сыномъ славнаго Пиччини (говоришь Французскій Авторъ Пиго-Лебрюнъ въ своемъ письмѣ къ Издателямъ *Парижскаго Журнала*), который сказалъ мнѣ, что у него есть неизвѣстный Вольперовъ манускриптъ. Это возбудило мое любопытство, хотя я внупренно и не повѣрилъ тому. Г. Пиччини пригласилъ меня къ себѣ, вмѣстѣ съ другими Липператорами, и далъ намъ читать рукопись. Должно было согласиться на очевидную истину, и мы съ душевною радостію узнали неподражаемую *легать великаго теловѣка*. Это не есть связное сочиненіе, а разныя примѣчанія, мысли, анекдоты, брошенные на бумагу; но всякая строка изображаетъ Вольтера и духъ его. Сія рукопись печатается теперь у Дидота и выдетъ въ концѣ Мая. Извѣстите о такой щастливой находкѣ публику, которая издавна привыкла восхищаться всѣми твореніями славнаго Генія.“

Новое сочиненіе Шато-Бріана.

Спѣшимъ увѣдомить Господь Рускихъ Переводчиковъ, что Авторъ *славной* Апалы издалъ еще важнѣйшее твореніе подъ титуломъ *Génie*, копорымъ плѣняюпся Французскія дамы, и копорое славятъ многіе Журналы, даже и Мониторъ. Они смѣло могутъ переводить его и напечатать въ Московскихъ Газетахъ, что Россійская Публика безъ сомнѣнія приметъ съ удовольствіемъ и даже съ благодарностію новое вдохновеніе Музы *великаго* Шато-Бріана. А мы, въ ожиданіи полного Рускаго перевода, выпишемъ для нашихъ читательей нѣкопорыя мѣста изъ сей книги, чтобы дать идею о новыхъ богатствахъ Французской Литтературы.

„Всеѣчная Судьба поставила рожденіе и смерть, въ видѣ двухъ закрытыхъ фантомовъ, на двухъ концахъ пупи нашего; и съ высоты своего прона бросила нашу жизнь, какъ маленькую изломанную колонну, въ пущину времени, чтобы она капилась безъ основанія и вершины!! *Pag. 16. vol. I.*

„Въ мысляхъ, образахъ, звукахъ, цвѣтахъ, все изящное цѣломудренно! *Pag. 66.*

„Судьба есть сама по себѣ великая
 „пустынница вселенной, вѣчная дѣва
 „міровъ!! Pag. 70.

„Луна капилась въ своей миспиче-
 „ской воздержности сквозь свѣжія про-
 „странства ночи! Pag. 75.

„Вѣчная Судьба бросаетъ изъ обширной
 „руки своей и зерно, питающее насѣко-
 „мыхъ, и солнце, которое освѣщаетъ ихъ!

„Вѣчная Судьба, удовлетворивъ сво-
 „ему мщенію, повелѣла морямъ возвра-
 „титься въ бездну; земля со всѣхъ сто-
 „ронъ звнула (*bailla*), и поглотила во-
 „ды! Pag. 157.

„Мы любимъ воображать себѣ землю
 „прекрасною Нимфою, которой служатъ
 „лѣса волосами, горы грудями, солнце
 „и луна глазами, вѣтры и воды голо-
 „сомъ, а моря и перлы мантельею! Pag. 161.

„Надменный человекъ! умѣлъ ли ты
 „проникнуть въ сокровище града (*grêle*),
 „и знаешь ли тѣ бездны, въ которыхъ
 „Судьба почерпаетъ смерть въ страшный
 „день мессы своей? Pag. 156.

„Соловей, сей Гомеръ пещицъ, про-
 „мышляетъ себѣ хлѣбъ пѣснями, и со-
 „чиняетъ лучше голоса свои (*compote les plus
 „beaux airs*) тогда, когда ослѣпнетъ! Pag. 182.

„Какъ прогашельно, какъ чудесно
 „видѣть крокодила дѣлающаго себѣ гнѣздо

„и несущаго яица подобно курицѣ! какъ
 „прогашелью, какъ чудесно видѣшь ма-
 „ленькое чудовище, вылѣзающее изъ
 „скорлупы подобно цыпленку! Pag. 215.

„Горестъ естъ ушѣшеніе. Pag. 242. — —

„Народъ пѣетъ свой пошъ, чпобы упо-
 „лишь жажду блаженства. Pag. 247.

„Я не умѣю вообразить ничего ужа-
 „снѣе той минушы, когда дѣпи закри-
 „чатъ въ брюхѣ матерей своихъ, и когда
 „смерть поскачетъ верхомъ на блѣдномъ
 „конѣ своемъ!“ Pag. 287.

А мы не умѣемъ вообразить ничего
 нелѣпѣе такой нелѣпости. Вотъ какъ
 пишушь во Франціи нѣкоторыя новыя
 Императоры! Увѣряю Читашелей, что
 переводъ мой не уступаетъ въ вѣрности
 никакому переводу на свѣпѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

О Республикѣ Италіанской и политическомъ равнозвѣсіи Европы.

Избраніе Бонапарте въ Президентны Италіанской Республики успрашило нѣкоторыхъ Полишиковъ. Это принадлежитъ къ духу нашего вѣка: мы давно уже боимся *не во-время*, — боимся не столько вещи, сколько имени! Чизальпинцы со дня завоеванія земли ихъ были покорными союзниками Франціи, такъ, какъ во время Силлы и Цесаря народы побѣжденные Легіонами назывались союзниками Рима, или какъ Индѣйскіе Набобы и Раи, въ ихъ споллицахъ наказываемые Брипанцаміи, носятъ имя друзей Англійской Осип-Индской Компаніи. Новая пограничная Республика въ Италіи жила и дышала Франціею, и только одною Консульскою рукою можешъ быть хранима; судьба ея рѣшена Маренгскою побѣдою и Люневильскимъ миромъ: то есть, ей надлежало зависѣть отъ Франціи, которая, по условію съ Императорскимъ

Дворомъ, оставила въ ея владѣнїяхъ 50000 войска, для соблюденїя нужнаго порядка.

Чтожь новаго сдѣлалось? Могло ли одно торжественное наименованїе Правителя увеличитъ силу Франціи? Нѣсколько деревень, присоединенныхъ еще ко владѣнїямъ гигантской Республики, умножили бы ея силы болѣе, нежели сей пуспой обрядъ, который показалъ только зависимость зависимыхъ! Лигурїя менѣе ли повинуется Консулу, хотя онъ и не называется ея главою? Скоро увидимъ мы и независимость Короля Эпирурїи!

И такъ Ліонская Консульта ничего въ самомъ дѣлѣ не перемѣнила въ Итали. Прежде Директорїя, а нынѣ Бонапарте есть душа Чизальпинїи, которая безъ Франціи не могла и не можетъ существовать. Глубокомысленные Полипики наши смотрятъ въ телескопы, не рѣдко обманчивые, и боясь отдаленнаго, не видящаго подъ ногами!

Кажется, что самъ Бонапарте, зная людей, опасался дурныхъ слѣдствїй Консулты въ разсужденїи мира, и нарочно откладывалъ ѣхать въ Ліонъ, желая прежде все кончить въ Амьенѣ; ибо мы смѣло можемъ предполагать, что ему *до крайней мѣры* извѣстно было намѣренїе Консулты избрать его въ Президенты.

Тогда онъ всякой день надѣялся подписать пракипашъ. Самъ Лордъ Корнваллисъ думалъ, какъ извѣстно, возвратишься въ Англію еще въ половинѣ Января. Неожидаемыя препятствія удалили заключеніе мира.

Бонапарте, безъ сомнѣнія въспревоженный разными опзывами неудовольствія, самъ (какъ увѣряютъ) сочинилъ испуспашью (*) въ *Монитёрѣ*, въ которой доказываютъ Европѣ, что Франція нынѣ ни мало не увеличилась!!

Можно написать цѣлую книгу въ опроверженіе всего, что тамъ сказано о вліянїи Австріи на Италію, о раздѣлѣ Польши, о завоеваніяхъ Англичанъ въ Индіи, и проч. и проч. Но всѣ испины бесполезны, когда дѣйствуетъ и рѣшитъ сила. Я дозволю себѣ только нѣкопорыя примѣчанія.

Въ сей важной и любопытной спашь безпрестанно говорится о равновѣсіи Европы; но можетъ ли оно быть послѣ Люневильскаго и Амьенскаго мира? Надобно только, безъ всякаго политическаго глубокомыслія, взглянуть на ландкаршу, справишься съ Бишингомъ, счестъ людей,

(*) Она напечатана въ Мартѣ *Вѣстника*.

доходы провинцій и земель, чптобы увѣрились въ сей невозможности.

Система равновѣсія, извѣстная въ одной Европѣ (и по единственню въ новѣйшїя времена) не рѣдко и прежде бывала химерою. Однакожь не рѣдко имѣла она и благотѣпельныя слѣдствїя, когда разные Дворы, успрашенные властолюбїемъ сильной Державы, соединялись между собою, чптобы оспановитъ ея опасныя предпрїяпія угрозами или самою войною. Иногда они не успѣвали въ своемъ намѣренїи, и властолюбїе торжествовало; однакожь всегда умѣряли нѣкоторымъ образомъ его дѣйствїе. Вотъ что Политики называли системою равновѣсія, безъ сомнѣнїя достойною просвѣщенныхъ народовъ, соединенныхъ Науками, Искусствами и торговлею! Самые славнѣйшїе народы древности не имѣли объ ней истиннаго понятїя; ибо союзы малыхъ Греческихъ обласпей противъ Аѣинъ, Спарты и Азіатскихъ Деспотовъ, равно какъ и не пвердые союзы древнихъ владѣтелей Сициліи противъ Карѣагенской Республики, не могутъ быть въ самомъ дѣлѣ названы системою политическаго равновѣсія.

Карѣагенская Республика, ничѣмъ не удерживаемая въ своихъ предѣлахъ, все поглотила, и наконецъ сама была жертв-

вою Римской. Хотя и проливъ Рима находимъ мы въ Испоріи множесство союзовъ, однакожь не видимъ никакого систематическаго соединенія царей и народовъ для обузданія его ненасыпимаго властолюбія. Въ средніе вѣки шакже не знали благоразумной Полипики, и всякой Государь бралъ, что могъ по времени и обстоятельству. Каждой думалъ только о себѣ; никто не пользовался примѣромъ несчастнаго сосѣда, и слабость была всегдашею виною.

Чтобы еще болѣе увѣришься въ благодѣтельность равновѣсія, надобно взглянуть на Азію, гдѣ не видимъ и слѣда системы его, — гдѣ она и бытъ не могла, отъ великаго распоянія государствъ, отъ различія языковъ, религій, предразсужденій и нравовъ. По тому Азія была всегда жертвою завоевателей, отъ Ченгисъ-Хана и Тамерлана до Шаха Надира, который въ половинѣ осьмага-надесять вѣка завоевалъ тамъ все, что хотѣлъ.

Успѣхи гражданственности въ Европѣ произвели сію систему равновѣсія; единство понятій въ разсужденіи законодательства, единство правилъ въ разсужденіи блага людей, единство Религій, нравовъ, уваженія къ Искусствамъ, и

наконецъ самое единство придворнаго языка, способствовало такому союзу Державъ, копорого цѣль есть храненіе и благоденствіе народовъ.

Хотя равновѣсіе служило часто ложнымъ предлогомъ въ манифестахъ, однакожь вообщемъ Кабинеты старались не допускать сильныхъ Государей еще усиливаться. Такъ половина Европы въ началѣ 18 вѣка вооружилась, чптобы не дать Французской Монархіи соединиться съ Гишпанскою. Такъ Фридрихъ Великій отвратилъ въ 1778 году раздѣлъ Баваріи, а преемникъ его въ 1790 году заставилъ Императора Леопольда возвратитъ Туркамъ Бѣлградъ, купленный цѣною Австрійской крови. Такъ Англія и Пруссія остановили Датскія войска въ Шведіи, чптобы спасти Гуснава.

Хотя, не смотря на то, были войны, однакожь Полипика Державъ не рѣдко удаляла ихъ, или прекращала, или останавливала слѣдствія. Пока система равновѣсія дѣйствовала, Державы прошивились всякому опасному для Европы завоеванію, имѣя въ виду благо общее и цѣлость государствъ. Тогда Европа не спрашилась бытъ жертвою одного властолюбиваго Монарха, или варварскихъ народовъ. Но слѣдствіе Революціонной войны

совершенно испрѣбило сію мудрую систему, и естли теперь все еще говорятъ о равновѣсіи, то оно не имѣетъ уже истиннаго смысла: одинъ твердитъ объ немъ для своей пользы, а другой охотно слушаетъ для своего успокоенія.

Франція нынѣ такъ сильна, народъ ея такъ властолюбивъ и храбръ, что Патриоты другихъ государствъ должны бояться злоупотребленій ея силы. Бонапарте говоритъ въ своей Нотѣ, что Французы болѣе всѣхъ другихъ народовъ доказали свою умѣренность, возвративъ всѣ завоеванія; но что же они возвратили? Однѣ внупреннія провинціи Германіи; да вывели войско свое изъ Церковныхъ Обласпей и Неаполя. Мальшу и Египетъ у нихъ опняли. А Белгія, лѣвый берегъ Рейна, Савоія, Піемонтъ? Консулъ забылъ ихъ.

Кто сомнѣвается въ искреннемъ миролюбіи Французскаго Кабинета, того называютъ нынѣ врагомъ мира: имя обидное послѣ шакой бѣдспвенной войны, которой продолженія могутъ желать одни изверги! Бонапарте ли или Бурбонъ владычествуетъ во Франціи, до того нѣтъ нужды Патриоту въ другихъ земляхъ, естли отечеству его не угрожаютъ опасности. Философъ находилъ вся-

кую войну слишкомъ долговременною, и просвѣщенному, остроумному народу, живущему въ обширныхъ и прекрасныхъ странахъ Европы, сердечно желаетъ мудраго законодательства, внушеннаго спокойствія и счастья. Но всякой истинный сынъ Германіи, всякой другъ чело-вѣчества, врагъ войны и рабства во всѣхъ земляхъ, долженъ искренно сожалѣть, что Англія въ осень 1801 году не воспользовалась своимъ счастливымъ положеніемъ и не заключила благопріятнѣйшаго для спокойствія народовъ мира; ибо безпредѣльная сила одного государ-ства ужасна для всѣхъ другихъ.

Нѣтъ примѣра въ Исторіи, чтобы непобѣжденный народъ мирился такъ невыгодно, какъ нынѣ Англичане съ Французами помирились, возвративъ имъ за что всѣ завоеванія, еще болѣе усиливъ шъ своего опаснаго совѣтника и не сдѣлавъ ничего для бѣдныхъ Принцовъ, которые опчасти жертвовали собою для выгодъ Британній. Благо народное, истинная Политика и великодушіе предписывали законы Англійскимъ Министрамъ въ семъ великомъ дѣлѣ; но какъ поступили они? . . . Спрашивается всего по, что Европа славится за миръ не Англійскихъ Министровъ (которые, желая

скорѣе прекратить войну, по добродушію своему *отдали* все возможное), а Консула Бонапарте, который все *взялъ!* — Въ сей войнѣ съ начала до конца все было необыкновенно и чрезвычайно: надобно, чпобы и миръ изумилъ насъ своими чудными условіями!

(Архенгольцъ, Издатель Минервы.)

II.

Извлечение изъ переписки тайныхъ Агентовъ Людовика XVIII, недавно обнаруженной Французскимъ Правительствомъ.

Сія переписка доказываетъ коварство, злобу и самое безуміе тѣхъ людей, которые брались сдѣлать *контрѣ - революцію* во Франціи. Мы переведемъ изъ нее самое любопытнѣйшее: тайное донесеніе Агента Преси Людовику XVIII о состоянїи Франціи и расположенїи умовъ въ Ноябрь 1800.

„Нынѣ во Франціи только двѣ дѣятельныя и рѣшительныя партїи: Якобинская и Консульская. Первая неусыпна, скромна и въ тѣснѣйшемъ союзѣ; она не давно отважилась на великое

„дѣло (*), хотя безъ успѣха, однакожь
 „узнала черезъ то расположеніе народа,
 „которое оказалось весьма холоднымъ и
 „равнодушнымъ.

„Партія главнаго Консула гораздо
 „малочисленнѣе, но теперь сильнѣе, ибо
 „она властвуетъ. Бонапарте, исполняя
 „свой планъ съ величайшею дѣятельно-
 „стію, не довольствуется тѣмъ, чтобы
 „вымышлять новости, хорошія и дурныя
 „перемѣны; но самъ все дѣлаетъ или за
 „всѣмъ смотритъ. Онъ знаетъ намѣренія
 „Якобинцевъ, знаетъ необходимость при-
 „мѣчать за ними неуспѣшно, и даже пред-
 „чувствуетъ, кажется, что ему рано или
 „поздно должно быть ихъ жертвою. При-
 „нимаемая имъ осторожность какъ въ
 „публикѣ, такъ и дома — желаніе задоб-
 „рить тѣхъ, которые считаются глав-
 „ными между ими, и которымъ онъ пред-
 „лагаетъ и мѣста и жалованье — доказы-
 „ваютъ ясно, что сія партія для него
 „еще ужасна, и что ему хочется поми-
 „риться съ нею. Въ самомъ дѣлѣ теперь
 „многіе Якобинцы, особливо ученые, сдѣ-
 „лались чиновниками. Думаютъ, что
 „Консулъ не столько ищетъ дружбы сихъ

(*) Это относится къ злодѣйскому умыслу Черачи и другихъ Якобинцевъ, которые хотѣли умерщвить Бонапарте.

„людей, сколько желаетъ, отвлекая ихъ
 „отъ секты, черезъ то ослабить ее. Онъ
 „находитъ въ семъ еще другую выгоду;
 „а именно: поручая имъ должности,
 „можетъ лучше обуздывать ихъ и смол-
 „чать за ними. Изъ чего слѣдуетъ, что
 „власть его не только не надежна, но что
 „онъ стоитъ на Вулканѣ, который вся-
 „кую минутоу готовъ вспыхнуть и со-
 „всѣмъ испребитъ его. Таково по крайней
 „мѣрѣ общее мнѣнїе. Всѣ Французы, са-
 „мые не согласные въ образѣ мыслей,
 „ожидаютъ переменъ и считаютъ ее необ-
 „ходимую; но большая часть спрашивается
 „того, воображая, что возстановленїе про-
 „на требуетъ великихъ жертвъ, и что
 „анархїя опять будетъ свирѣпствовать
 „нѣсколько времени. Мнѣнїе, что Якобин-
 „цы воспользуются переменною, дѣлаетъ
 „всѣхъ эгоистовъ и боязливыхъ людей
 „(которыхъ число, къ несчастїю, велико)
 „друзьями Консула. Хотя они и желаютъ
 „возвращенїя Религїи и Монархїи, однакожь
 „молятся за похитителя. Вотъ что охра-
 „няетъ власть его и можетъ долго быть
 „ея защитою! Онъ поддерживаемъ еще
 „многочисленнымъ классомъ людей, кото-
 „рыхъ судьба соединена съ Революціею; а
 „именно, покупателями народныхъ имѣнїй,
 „людьми опасными и сильными, которыхъ

„новое Правленіе всегда ужасаетъ доказа-
 „тельствами, что возстановленіе Монар-
 „хіи лишитъ ихъ богатства и ввергнетъ
 „въ презрѣніе. Сіе внупреннее увѣреніе
 „дѣлаетъ ихъ твердѣйшею опорою нынѣш-
 „няго Начальства, то есть всякаго, копо-
 „рое даетъ имъ право владѣть беззаконною
 „собственностію. Консулъ всячески спа-
 „рается успокоить сихъ людей, и вездѣ
 „помѣщаетъ ихъ; однакожь они не совер-
 „шенно спокойны, боясь его деспотическаго
 „характера, великаго прищворства и воз-
 „вращенія Эмигрантовъ. Скоро будутъ они
 „жалѣть о прежней Конституціи.

„Система Бонапарте въ правленіи,
 его рѣшительность, упрямство, неуваже-
 ніе къ другимъ Консуламъ и чиновникамъ,
 съ которыми онъ рѣдко совѣщается, раж-
 даютъ также много неудовольствій. Его
 боятся, а не любятъ; онъ глава народа,
 по тому, что всѣхъ смѣлѣе; что имѣетъ
 неоспоримые таланты, и что большая
 часть Французовъ считаетъ его необходи-
 мымъ для сохраненія порядка. Даже мно-
 гіе Роялисты и возвратившіеся Эмигран-
 ты имѣютъ такое мнѣніе, и привязаны
 къ Бонапарте, разглашая — можетъ быть
 справедливо, но весьма неблагоразумно —
 что иностранныя Державы думаютъ
 только о своей пользѣ. Вѣрные подданные

Вашего Величества теряютъ надежду, особливо послѣ сей несчастной Испаніанской кампаніи, отъ которой они ждали рѣшительнаго успѣха. Они думаютъ, что ея бѣдствія произошли отъ тайныхъ и вѣроломныхъ намѣреній, а не отъ храбрости республиканской... Къ несчастію всѣ увѣрены, что Вѣнской Кабинетъ не мыслитъ о восстановленіи Французскаго прона.

„Еще многіе люди думаютъ во Франціи, что Бонапарте тайно дѣйствуетъ для Вашего Величества; но сколь велико ихъ заблужденіе? Развѣ онъ тогда на сіе рѣшился, когда обстоятельствомъ опинимуть у него всѣ другіе способы властвовать. Можетъ быть, что Бонапарте и согласился бы на то прежде, если бы хищные люди воспользовались обстоятельствомъ и непримѣтно наставили его на сей путь; но, къ несчастію, говорили съ нимъ, можетъ быть, слишкомъ ошкровенно, и шѣмъ отвратили его отъ сего плана. Консулъ гордъ, слѣдуеніемъ только собственнымъ намѣреніямъ, и хочетъ быть единственнѣмъ творцемъ всего, что можетъ его прославить и сдѣлать безсмертнѣмъ.

„Таково общее мнѣніе во Франціи, и Бонапарте, кажется, знаетъ его, не упу-

ская ни одного случая имъ пользоваться, щадя Эмигрантовъ, Духовенство, разсылая на всѣхъ благодѣянїя и неразрывно соединяя власть свою съ общимъ благомъ. Но сія мудрая политическая система можетъ сохранить его только на время, и паденіе хищника (*) будетъ тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ оно долѣе замедлится: необходимое слѣдствіе Революціи, котораго еще никто опровергнуть не могъ!

„Что касается до Ліона, Форе и Божоле, то могу увѣрить Ваше Величество, что сіи провинціи совсѣмъ отличны отъ другихъ своимъ положеніемъ. Тамъ царствуетъ усердіе, любовь къ Олгарю и Трону; тамъ вѣрные служители Капитулизма питаютъ въ народѣ ненависть къ Бонапарте; тамъ онъ считается похитителемъ власти (**), котораго ожидаютъ трагическая судьба. Покупщики народного имѣнїя ознаменованы презрѣніемъ, и другіе не хотятъ обходиться съ ними. Въ Ліонѣ всѣ Агенты Правленїя не терпимы; искусные люди нашли способъ возбудить ихъ другъ противъ

(*) И Бонапарте все это велѣлъ напечатать!

(**) Г. Пресн или говорилъ неправду, или жители Ліона перемѣнились въ своемъ положенїи къ Бонапарте. Извѣстно, съ какимъ воспоргомъ они приняли его!

друга, и тѣмъ ослабишь дѣйствіе Консульскаго правленія. — Я всегда увѣрялъ Ваше Величество въ швѣрдости сихъ добрыхъ Французовъ. Священники имѣють тамъ великое вліяніе на земледѣльцевъ, и съ помощію ихъ мы всегда можемъ собрать нѣсколько тысячъ отважныхъ людей“

III.

И з в ѣ с т і я .

П а р и ж ъ .

6 Мая Законодательный Корпусъ получилъ черезъ трехъ Совѣтниковъ Правительства слѣдующее сообщеніе отъ Консуловъ :

„Граждане Законодатели !

Правительство доставляетъ вамъ трактатъ, который совершилъ великое дѣло мира. Республика сражалась за свою независимость : сія независимость признана, и согласіемъ всѣхъ Державъ утверждены права, данныя Франціи Напурою, и границы, данныя намъ побѣдою. — Другая Республика образовалась въ нѣдрахъ Французской, чтобы слѣдовать ея правиламъ и воскресить древній духъ Галловъ. Связанная съ Франціею един-

ствомъ происхожденія и законовъ, а болѣе всего союзомъ благодарнѣй, Испаліянская Республика заняла свое мѣсто между Державами и нашими союзниками; она удержалась на ономъ мужествомъ своимъ и прославилась добродѣтелями. — Батавія, навсегда освобожденная отъ чуждаго вліянія, которое приводило въ замѣшательство ея Совѣты и Полицику, теперь независима, и въ завоевателяхъ своихъ находилъ утвердителей бытїя и правъ ея. Мудрость Правленія и дѣятельная экономія гражданъ совершенно возвращали ей прежнее благососіюаніе. — Гельвешическая Республика, вѣ признанная, внутри терзаема раздорами часпнаго властолюбія. Французское Правленіе, храня систему свою, пользовалось въ разсужденіи независимаго народа однимъ вліаніемъ совѣта; но донинѣ безъ всякаго успѣха. Оно еще надѣется, что сосѣдственныя Державы не будутъ принуждены войти въ посредство для прекращенія безпокойствъ, которыя могутъ быть для нихъ опасны. — Республика, какъ вѣрная союзница, всячески старалась въ переговорахъ соблюсти цѣлосп Гиппанскихъ владѣній. Король видѣлъ честность союзниковъ его, и великодушно принесъ миру жертву, которую они должны были

предоставишь ему, и которая даетъ ему новое право на дружбу Франціи и благодарность Европы. Оживленная торговля уже расцвѣтаетъ въ Гишпаніи, и скоро духъ новой дѣятельности одушевитъ промышленность въ дальнѣйшихъ ея владѣніяхъ. — Римъ, Неаполь и Эпурія спокойны, и снова будутъ театромъ мирныхъ Искусствъ. Лукка утвердила свою независимость Конституціею, согласившею умы и пользы. Лигурія въ безмолвіи паршіи образуется, и Генуя видитъ въ пристани своей возвращеніе торговли и богатства. — Республика Семи Острововъ, подобно Гельвеціи, есть жернова анархіи; но Россійскій Императоръ, съ согласія Франціи, посылаетъ туда войско свое изъ Неаполя, чтобы воспановить спокойствіе, котораго единственно недостаетъ симъ опасливымъ странамъ. — Такимъ образомъ Европа видитъ миръ на землѣ и на моряхъ; благо ея основано на согласіи великихъ Державъ и на вѣрности трактововъ. — Въ Америкѣ извѣстные мысли Правленія успокоили жителей Мариники, Табаго и Св. Лудіи. Они уже не боялись ихъ неблагоприятныхъ законовъ, которые произвели опустошеніе и гибель въ Колоніяхъ; желая соединиться съ отечествомъ,

вмѣстѣ съ своимъ усердіемъ и довѣрен-
 ностію возвращаютъ ему богатства, по
 крайней мѣрѣ равныя тѣмъ, которыя оно
 тамъ оставило. — Въ С. Доминго были
 ужасныя бѣдствія; но мятежь ежедневно
 умирятся. Туссень, безъ крѣпостей,
 безъ защиты, безъ арміи, есть только
 разбойникъ, который скитается съ по-
 добными ему разбойниками. Наши хра-
 брые спрѣлки преслѣдуютъ и скоро истре-
 бятъ ихъ. — Миръ извѣстенъ уже въ Ин-
 діи и въ Иль-де-Франсѣ. Первое спа-
 раніе Правительства возбудило тамъ лю-
 бовь къ Республикѣ, довѣренность къ ея
 законамъ и надежду благоденствія. — Те-
 перь многія лѣта протекутъ для насъ
 безъ побѣдъ, безъ пріумфовъ, безъ тѣхъ
 важныхъ переговоровъ, которыя рѣшатъ
 судьбу Государствъ; но другіе успѣхи
 ознаменуютъ быніе народовъ, особливо
 быніе Республики. Вездѣ оживится про-
 мышленность; вездѣ Искусства и тор-
 говая должны испреблять печальные слѣ-
 ды войны. Труды всякаго роду пребы-
 ютъ вниманія Правительства, которое
 съ успѣхомъ будетъ исполнять новыя
 свои обязанности, пока мнѣніе народа
 ему благопріятствуетъ. Слѣдующіе годы
 должны быть менѣ славны; но Франція,
 опказываясь опъ невѣрной славы, най-

детъ болѣе истиннаго щастія.“ Подписа-
но: *Бонапарте.*

Консульскій Совѣтникъ Редереръ сказалъ: „Граждане Законодатели! нѣтъ нужды изъяснять практѣа; два слова изъясняютъ его: *слава и щастіе Франціи.* Онъ исполнилъ всеобщія желанія сердець, и гласъ Орагора исчезаетъ въ радостныхъ восклицаніяхъ народовъ. Вы ожидаете отъ Орагоровъ Правленія единственно того, чпобы они преступили на сей разъ его законъ, который запрещаетъ имъ хвалить его и даже, нѣкоторымъ образомъ, чувствоватъ справедливую къ нему благодарность. Но для чего лишатъ насъ общаго права Французовъ? Люди, удостоенные довѣренности Правленія, могутъ ли нынѣ, хваля его Начальника, возбудить подозрѣніе, что они самихъ себя хвалятъ? Всегда предупрежденные имъ въ дѣятельности общаго блага, мы имѣемъ только легкое достоинство за нимъ слѣдовать. Онъ ежедневно даетъ намъ примѣръ трудолюбія и ревности; всѣ великія идеи, блиставшія въ его правленіи, излились непосредственно изъ его души или разума. — Граждане Законодатели! вы конечно съ удовольствіемъ замѣтили, что Европа обязана

одному Министру (*) и Амьенскимъ и Люневильскимъ практатами и Конкордапомъ. Выборъ сего повѣреннаго способствовалъ общему миру, обнаруживъ расположеніе Перваго Консула и соединивъ съ усиліемъ переговоровъ удовольствіе родственной любви. Справедливости, которую иносстранные Министры при Дворахъ своихъ отдають въ немъ щастливому соединенію талантовъ и нравовъ, твердости и кротости, искренности и великаго искусства — благодарности къ нему Французскаго народа, выраженная Трибунапомъ по заключеніи Люневильскаго практата — достоинство и слава его имени — все служилъ порукою Европѣ за надежность мира, а Франціи за благоденствіе народное.“

Письмо изъ Париза вѣль 8 Мая.

Трибунапъ, получивъ отъ Правительсва мирный практатъ, опредѣлилъ извѣстивъ Первому Консулу *грезвычайную народную благодарность* и далъ знать о томъ Сенату и Законодательному Корпусу. Рѣчь, произнесенная на сей случай Президентомъ, трогательна не пышностію слога, но истинною и живымъ

*) Иосифу Бонапарте.

выраженіемъ справедливой признапельности. Такова же была и рѣчь Симеона, который опъ имени Трибунапа благодарилъ Правительство за щастіе и славу Франціи. Консуль слушалъ его съ видомъ величеспивенной скромности; но сердечное удовольствіе живо изобразилось на лицѣ его, когда Симеонъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Такъ, Гражданинъ Консуль! признапельность народа не успу-
 „паесть величію дѣла швоихъ. Удивленіе
 „наше обрапилось въ любовь къ тебѣ; ибо
 „слава швоя есть щастіе Франціи, а
 „власть швоя есть свобода ея народа!“
 Бонапарте, отвѣчая ему, говорилъ о пользѣ *гастныхъ сношеній* Трибунапа съ Правительствомъ, которое черезъ поимѣетъ болѣе способовъ увѣрить его въ свихъ добрыхъ намѣреніяхъ; и въ заключеніе сказалъ съ чувствомъ: „Что ка-
 „саеіся до меня, то я съ живѣйшею
 „благодарностию принимаю *опредѣленіе*
 „Трибунапа. Не желаю никакой другой
 „славы, кромѣ вѣрнаго исполненія моихъ
 „должностей; единспвенная для меня на-
 „града еіпъ любовь согражданъ моихъ. . .
 „Щаспливъ, еішли они совершенно увѣ-
 „рены въ помѣ, что всякое ихъ бѣдствіе
 „еітъ мое собственное, и самое чувспви-
 „пельное; что жизнь любезна для меня

„шолько. возмoжностію бытъ полезнымъ
 „для ошечества; что самая смерть не
 „можетъ казаться мнѣ жестокою, есть-
 „ли послѣдніе взоры мои увидятъ щастіе
 „Республики надежнымъ и твердымъ по-
 „добно ея слава!“ . . . Бонапарте безъ
 сомнѣнія сдѣлаетъ еще много добра Фран-
 ціи, добра, которое обратилось въ не-
 обходимую пошребность души его; но онъ
 уже испошилъ и славу и признашель-
 ность истинныхъ Патриотовъ.

Не думайте однакожь, чпобы Консулъ
 все *любдилъ*: нѣтъ, безразсудность Фран-
 цузовъ торжествуетъ надъ его величіемъ.
 Въ Парижѣ много людей, которые гово-
 рятъ шолько о *недостаткахъ* и *слабостяхъ*
 Бонапарте!! Такъ, на примѣръ, укоря-
 ютъ его слабостію на счетъ Генерала
 Мону, который на сихъ дняхъ былъ ему
 предсшавленъ, и принятъ имъ *съ вели-*
кимъ отлугіемъ.

Парижъ отъ 11 Мая.

Трибунатъ, какъ извѣстно, опре-
 дѣлилъ извѣявить Консулу *трезвыгаинымъ*
 образомъ народную благодарность, и со-
 общилъ о томъ Сенату, которому надле-
 жало исполнить сіе желаніе. На другой
 день послѣ того во всемъ Парижѣ ходилъ
 изъ рукъ въ руки печатный листокъ,
 названный *письмомъ* гражданина къ Сена-

тору. Мы выпишемъ изъ сей пѣсы самыя любопытнѣйшія мѣста :

„Трибунатъ предлагаетъ вамъ дать
„главному Консулу разительный залогъ
„народной благодарности. Какая великая
„обязанность избрать награду достойную
„такого Героя, какъ Бонапарте, и та-
„кого народа, какъ Французскій?

„Сенаторы! чего не доспаетъ вели-
„кимъ мужамъ для зрѣлости великихъ
„намѣреній, для ихъ исполненія, для
„утвержденія судьбы всего, что зави-
„сильно отъ ихъ влѣянія? отвѣчаю: *вре-*
„*мени!* Спасенный въ предѣлахъ чело-
„вѣческой жизни, Геній едва можетъ
„обмыслить свои планы, преодолевъ
„трудности, и воздвигнуть зданіе, ко-
„торое должно оживить и передать без-
„смертію идеи его. Полифика ваша бу-
„детъ ли еще скупѣе Напуры? заклю-
„чить ли она въ пространствѣ десяти
„или двадцати лѣтъ такія намѣренія, для
„которыхъ Природа не пожалѣла бы, мо-
„жетъ быть, ста лѣтъ? Определите ли
„вы время, день, часъ, послѣ котораго
„всякое начатое дѣло оспанется безъ
„конца, всякая новая мысль безъ дѣй-
„ствія, и самая творческая способность
„души будетъ напраснымъ безпокой-
„ствомъ?

„Вы думаете, что предложитъ великому человеку, какую награду принести ему, какой монументъ воздвигнуть для славы его! Можете найти только одинъ даръ, достойный его ревности: даръ времени, необходимаго для утвержденія опечистительнаго блага. Оп-
 „дайте ему вѣкъ, который имъ начинается: да наполнитъ онъ его дѣлами своими! да отличитъ онъ всѣхъ минувшихъ и будущихъ вѣковъ избыткомъ народнаго счастья и сиянiемъ славы, прежде Бонапарте неизвѣстнымъ и послѣ его невозможнымъ! да будетъ сей вѣкъ монументомъ, воздвигнутымъ собственною рукою Героя для славы его! да вознесется онъ такъ величественно, чтобы имя Бонапарте, на вершинѣ его изображенное, было выше всякаго прикосновенiя и сравненiй! . . . Щастливъ народъ, котораго законы политическiе такъ мудро размѣрили власть, что она безсильна противъ народной свободы, но доступна для всякаго блага; что граждане боялись только ея кратковременности и желаютъ продолженiя!“

Сенатъ въ самомъ дѣлѣ послѣдовалъ такому совѣту, и 8 Мая опредѣлилъ торжественно, что исполняя предложенiе Трибунала, — желая извѣститъ Кон-

сулу народную благодарношъ ѿ пользуясь законнымъ правомъ своимъ, онъ избираетъ Бонапарте еще на *десять* лѣтъ для Консульскаго достоинства, послѣ *десяти*, на которыя онъ избранъ сначала. Бонапарте, получивъ сіе опредѣленіе Сената, отвѣтствовалъ ему слѣдующимъ письмомъ:

„Сенаторы!

„Лестное доказательство вашего уваженія оспаненся всегда начертаннымъ въ моемъ сердцѣ. Воля народа поручила мнѣ первое мѣсто. Я не могу быть увѣренъ въ его довѣренности, еслии онъ не изъявитъ своего согласія на ваше опредѣленіе. Въ три года моего Консульства форшуна улыбалась для Республики; но форшуна непостоянна; и сколько людей, осыпанныхъ ея благодарѣніями, жили слишкомъ долго? Польза славы и щастія моего преобла бы, чпобы я оставилъ сцену въ ту минушу, въ которую обнародованъ миръ свѣта. Но слава и щастіе гражданина должны безмолвствовать, когда польза опечества и народное благоволеніе зовуть его (Garrellent). Вы думаете, что я долженъ народу новою жертвою: принесу ее, когда воля его подтвердитъ ваше желаніе. — *Бонапарте.*“

На другой день Консулы, выслушавъ Миниспровъ и Совѣтъ, положили спросить у Французскаго народа: „Наполеонъ Бонапарте долженъ ли быть Консуломъ *на всю жизнь?*“ Граждане впишутъ свое мнѣніе въ книги, во всѣхъ городахъ для того приготовленные; и недѣль черезъ пять сей важный вопросъ рѣшится. Опредѣленіе Консуловъ поднисано Камбасересомъ, а не Бонапарте. Любопытные замѣшаютъ, что Сенатъ выбиралъ его еще на 10 лѣтъ, а не *на всю жизнь*; слѣдственно вопросъ, предлагаемый народу Консулами, не есть вѣрное эхо Сенатскаго рѣшенія. Но Бонапарте имѣетъ право быть власполюбивымъ, а мы не имѣемъ права укоряеть его власполюбіемъ. Не народъ Французскій, а Провидѣніе поставило сего удивительнаго чловѣка на степень такого величія.

Лондонъ отъ 12 Мая.

3 Мая засѣданіе Нижняго Парламента было любопытно. Г. Виндамъ предлагалъ назначить день для разсужденія о мирномъ практанѣ; но вмѣсто того, чтобы сказать нѣскольکو словъ, онъ произнесъ цѣлую Демосоеенскую Филиппику, описывая, какъ обыкновенно, страшными красками власполюбіе Французовъ

и гибельныя слѣдствія мира. Думаютъ , что это преждевременное нападеніе было хитростію Господина Виндама. Онъ хотѣлъ привести Министровъ въ замѣшательство. Если бы они не отвѣчали ему , то молчаніе ихъ было бы для него нѣкоторымъ торжествомъ ; а если бы отвѣчали обстоятельно , то онъ узналъ бы тайну ихъ оборонительной системы, и воспользовался бы симъ открытіемъ въ день общаго разсужденія о трактатѣ. Но Г. Аддингтонъ отвѣчалъ ему коротко, и не входя въ дальнѣйшія подробности.

Г. Виндамъ сказалъ : „Не дѣлаю теперь никакого особеннаго предложенія , но желаю , чтобы Парламентъ далъ Министрамъ время приготовиться къ отвѣту. Искренность будетъ для меня закономъ при торжественномъ изслѣдованіи сего важнаго дѣла. Но если Министры хотятъ кончить его въ одно засѣданіе (какъ далъ намъ чувствовать одинъ изъ нихъ), то я не могу одобрить сей поспѣшности. Парламентъ не есть уголовное судилище , гдѣ дѣла такимъ образомъ рѣшаются. Трактатъ служитъ , къ несчастію , обильною матеріею для примѣчаній. . . Франція , взявъ островъ Эльбу , имѣетъ теперь прекрасную гавань на Средиземномъ морѣ ; а по Люневильскому трактату ему должно принадле-

жашь къ Тосканѣ; Франція выдумала систему превращеній, и дала Тосканѣ другое имя. Можно ли равнодушно видѣть Луизиану въ рукахъ сей Республики? Сердце Англичанина съ негодованіемъ предчувствуетъ тайныя намѣренія Французскаго властолюбія. Обращая взоръ на сѣверную Америку, я вижу тамъ змѣю, которая рано или поздно все истребитъ. Силы Французовъ въ С. Доминго для насъ также опасны. Заключивъ уже предварительныя условія мира; Франція взяла подъ свою зависимость Италіанскую Республику. Во всякое другое время такой поступокъ могъ бы родить войну. Но мы столь боимся Франціи, что не смѣемъ и противорѣчить ей! мысль несносная для Англійскаго Патриота! Республика, не довольная тѣмъ, чтобы мы плашили ей за своихъ плѣнниковъ, заставляетъ насъ платить и за чужихъ, которые готовились сражаться съ Англичанами. Такъ смѣются надъ нами въ глазахъ цѣлой Европы! Въ разсужденія Мальпы сдѣлали удивительный *Гокусъ - Покусъ* и Вавилонское смѣшеніе языковъ. Чѣмъ Орденъ будетъ содержать себя? доходы его недостаточны. Орденъ благородства превратился въ мѣщанской: ибо по новому учрежденію Мальтійскимъ рыцарямъ не нужно дока-

зывать своего дворянства. Мальшу подчинили Неаполю, который долженъ зависѣть отъ Франціи! Въ случаѣ войны Франція, Гишпанія и Голландія, всегда соединенныя, могутъ въ гавани ея имѣть 18 кораблей, а нашихъ будетъ только 6. Короля Сардинскаго Министры совсѣмъ забыли; забыли также возобновить старинныя трактаты съ Франціею, выгодныя для нашей торговли. Такой миръ не хуже ли войны?“

Канцлеръ, Г. Аддингтонъ, отвѣчалъ ему: „Благодарю почтеннаго Оратора, который даетъ мнѣ случай сдѣлать нѣкоторыя нужныя замѣчанія. Отвѣтствуютъ ли Министры за то, что независимый Государь уступаетъ Французамъ свой островъ (Эльбу), и что Португалія желаетъ исполнить Бадайоской трактатъ? Въ Америкѣ мы имѣемъ владѣнія, и равновѣсіе сохранится. Должно ли начать войну за то, что Чизальпинская Республика названа Италіянскою, особливо, когда всѣ другія Державы согласны на ея политическое бытіе? Не обязана ли Англія платить за плѣнныхъ, бывшихъ на ея жалованьи? Отправленіе Французскаго флота въ С. Доминго для Англіи полезно: ибо оно усмиритъ бунтъ Негровъ, опасный для са-

мыхъ нашихъ Колоній. Что принадлежитъ до старыхъ трактатовъ, то они были для Франціи полезнѣе, нежели для Англїи.“

Парламентъ опредѣлилъ разсуждать о трактатѣ черезъ 8 дней.

На другой день Лордъ Гренвиль говорилъ въ Верхнемъ Парламентѣ около двухъ часовъ прошивъ мира, называя его постыднымъ для Англїи, которая оказалась недостойною довѣренности союзниковъ, забывъ ихъ благо, особливо Принца Оранскаго. — Министръ, Лордъ Пеламъ, отвѣчалъ, что онъ самъ желалъ бы для Англїи выгоднѣйшихъ условій въ разныхъ отношеніяхъ; но что Министры сдѣлали все возможное, и миръ лучше войны.

5 Мая Г. Эллиотъ требовалъ въ Нижнемъ Парламентѣ копїи съ Бадайоскаго трактата. „Я хочу знать, сказалъ онъ, что Португаллія уступила Франціи въ Гїанѣ. Теперь уже Амазонская рѣка не есть преграда между Французскими владѣніями и Бразилією. Республика конечно тѣмъ воспользуется, какъ скоро внутри будетъ покойнѣе. Не только Бразилія, но и Перу не уйдетъ отъ ея хищности. Луизїана даетъ ей вліянїе на Американскія области, а особливо на провинцію Кентуки, которая, можетъ быть, скоро соединится съ нею. Американцы

должны торговаться съ Французами, чптобы пользоваться рѣкою Миссисипи; они принуждены будутъ дать имъ выгоды ко вреду нашему. Самая Мексика должна бояться Республиканскихъ завоевателей. Покореніе Америки назовутъ теперъ мечтою; но Французы уже доказали намъ, чпто мечты не кажутся имъ невозможностями. Послѣ учрежденія Французо-Италіянской Республики можетъ ли Бонапарте спрашиваться Европы? можетъ ли Англійскій Патриотъ быть спокойнымъ? Я не смѣю взглянуть на будущее, чптобы не увидѣть вездѣ знаменъ Французскихъ!“ — — Министръ Гакесбури отвѣчалъ, чпто копія Бадайоскаго трактама можетъ быть представлена Членамъ Парламента; но чпто Г. Эллиотъ, пребуя сей бумаги, совсѣмъ не кспати говорилъ о постороннихъ вещахъ; чпто никакой миръ не бывалъ для Англїи славнѣе нынѣшняго, и проч.

7 Мая Г. Никольсъ предложилъ Нижнему Парламенту изъяснить Королю благодарность за то, чпто Онъ отспавилъ Господина Пипша. „Ни которое изъ намѣреній войны не исполнилось, сказалъ онъ. Надлежало ослабить Францію, а вмѣсто того она такъ усилилась, чпто могла предписать намъ миръ. Французскія правила не уничтожились: напрошивъ, они

поржествуютъ. Г. Пишпъ не сдѣлалъ ничего Франціи, а только опнялъ у насъ Консписуцію и разорилъ отечество. Онъ ни мало не доказалъ мудрости своей въ Полипикѣ, и не хотѣлъ слѣдовать правилу Макіавеля, что не должно вѣрить измѣннику, бѣглецу, Эмигранту, хотя Американская война уже доказала его испину. Система прежнихъ Министровъ была пакъ темна, что наши союзники не понимали ее; они не знали, для чего мы вели войну: для того ли, чтобы возстановить Французскую Монархію, или для завоеваній? Всѣ предпріятія сей войны были несчастливы и обвиняють Министровъ. Сперва отправили въ С. Доминго 750 человекъ, чтобы завладѣть островомъ, а послѣ, когда сіе предпріятіе не имѣло успѣха, мы пожертвовали для того двадцатью тысячами людей и нѣсколькими милліонами. Министры безразсудно отвергнули мирныя предложенія Бонапарте въ 1800 году, зная, что Бонапарте всегда былъ Бриссоновой партіи, которая не хотѣла воевать съ Англією. Разрывъ съ сѣверными Державами происходилъ единственнo отъ упрямства Министра, который не соглашался опдашь Мальты Россіянамъ. Теперь же она досталась Франціи: ибо Неаполь долженъ ависѣть отъ сей Республики. Система

ассигнацій, 258 милліоновъ новаго долгу, голодъ, бѣдность, жестокости въ Ирландіи — все, все обвиняетъ бывшаго Министра!“

Лордъ Бельгревъ, напрошивъ того, предложилъ Парламенту торжественно изъяснить Пипшу благодарность за его славное правленіе. „Другъ мой, Господинъ Пипшъ, сказалъ онъ, не опсравленъ, а добровольно сложилъ съ себя санъ Министра, слѣдуя благородному побужденію сердца. Его семнадцати-лѣтнему правленію обязаны мы мудрою системою государственной экономіи, соединеніемъ Ирландіи и спасеніемъ Англійи во всѣхъ опасностяхъ.“ — Г. Мильдме предлагалъ то же, и называлъ Пипша спасителемъ отечества и главною опорою Трона во времена мятежныя. — Г. Эрскинъ, славный Адвокатъ, оспаривалъ ихъ предложеніе, и сказалъ: „Всякой начальникъ корабля, всправляющій его во время опасности, долженъ быть судимъ: такъ и Господинъ Пипшъ. Прежніе Министры возстаютъ теперь противъ мира, и всячески стараются разорвать его: это противно разсудку, челоуѣколюбію и Политикѣ. Господинъ Пипшъ описывалъ Бонапарте извергомъ, и не хотѣлъ вступить съ нимъ въ переговоры о мирѣ: онъ долженъ дать отчетъ народу; долженъ оправдаться,

еспили можетъ.“ — Господинъ Пиль (купецъ) доказывалъ, что Англіи спыдно оснавить Пиппа въ настоящей его бѣдности; что онъ другимъ помогалъ, а никогда о себѣ не думалъ; что торговля обязана ему своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, и что его знанія въ разсужденіи сей части удивительны.

Г. Грей. „Предложеніе изъяснить благодарности Пиппу еспі оскорбленіе утѣшеннаго народа. Армія и флотъ, а не бывшіе Министры, достойны благодарности. Говорятъ, что Король обязанъ Пиппу своею короною; но корона никогда не была въ опасности. Посмотримъ на Францію: можемъ ли считать себя въ безопасности? Въ Республикѣ главныя правила не измѣнились. И съ Роберспьеромъ мы заключили бы наконецъ миръ; и Роберспьеръ выгналъ бы наконецъ изъ церкви Notre Dame *богиню разсудка*, чтобы возстановить Каполическую Религію. Прежній гордый Министръ хотѣлъ практиковать о мирѣ только во время бѣдствій. Слѣдствіемъ правилъ его былъ несчастный миръ, нынѣ заключенный. Г. Пиппъ мечталъ безпрестанно о банкротствѣ Франціи и завоеваніи Парижа. Парламентъ оспыдитъ себя неслыханнымъ образомъ, еспіли изъяснить благодарности за дерзость и безуміе.“

Лордъ Гакесбури. „Не утверждаю, чтобы Якобинство испребилося во Франціи. Однакожь нынѣшнее Французское Правленіе опвергаетъ систему Революціи, и спарается передъ Богомъ и людьми загладитъ грѣхи ея. Не лзя было выбрасть лучшаго времени для заключенія мира. Мы поступили бы весьма неблагоразумно, естли бы продолжали войну одни безъ союзниковъ.“

Фоксъ. „Нѣтъ, нѣтъ! слава нашихъ Героевъ не есть слава прежнихъ Министровъ; не бывшіе, а нынѣшніе Министры заключили миръ; первые такъ дурно вели войну, что послѣдніе должны были на такихъ дурныхъ условіяхъ помириться. Однакожь между прежними Министрами нѣкоторые заслужили хвалу; на примѣръ, Лордъ Гренвиль, копорой велъ себя благоразумно и не хопѣлъ бытъ однимъ слѣпымъ орудіемъ Канцлера. Такихъ мужей мы должны благодарить, а не Питта, копорый своею безразсудностію усилилъ Бонапарте. Мы забываемъ заслуги отца и спараемся найти ихъ въ сынѣ; но Лордъ Чапамъ, а не Вильгельмъ Питтъ, долженъ бытъ славенъ въ лѣтописяхъ Англїи.“

Предложеніе Г. Никольса *отвергнуто* 225 голосами прошивъ 53, а предложеніе Лорда Бельгрева *принято* 222 голосами

противъ 59. Слѣдственно Парламентъ изъявилъ народную благодарность Пиппу. Фоксъ хотѣлъ, чтобы сія честь оказана была и Гренвилю, Дондасу и Спенсеру; но Парламентъ на то не согласился. Члены разошлись въ 6 часовъ утра. Пиппа не было въ засѣданіи. Лондонское купечество хочетъ соорудить ему монументъ, и вообще никогда не славили его въ Англіи сполько, какъ нынѣ.

С м ѣ с в.

Увѣряютъ, что Лондонская иллюминація на случай мира стоила около милліона рублей. Между разными аллегорическими изображеніями замѣчено было слѣдующее (надъ воропами одного богатаго человѣка, Г. Гарата): Папріархъ Маѳусаль смѣтрѣлъ съ улыбкою на младенца, который держалъ въ рукѣ маслячную вѣшвь съ надписью: „новорожденный миръ да живетъ Маѳусаловы лѣта!“

Одинъ Лондонскій цырюльникъ написалъ надъ своею лавкою стихи такого содержанія:

*Да превратится мечь въ бритву на
земномъ шарѣ! Я такъ радъ миру, что
готовъ даромъ обрить нашихъ Министровъ
и Бокаларте!*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

І Ю Н Ъ 1802.

№ 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Вольнодумство и набожность.

(Окончаніе.)

Развращенность людей такъ обыкновенна и велика, что поступокъ Дельрива казался рѣдкою добродѣтелію. Судья обошелся съ нимъ весьма ласково, и спрашивая о его обстоятельствевахъ, совѣтовалъ ему самому ѣхать въ Гишпанію, и вступить тамъ въ торговлю. „У меня есть въ Кадиксѣ хорошій пріятель (сказалъ онъ), банкиръ Меллосъ, котораго уведомляю о вашемъ похвальномъ дѣлѣ, и который приметъ васъ дружески. Онъ богатъ, и вы, будучи трудолюбивы, можете съ его помощію сами обогатиться.“ Дельривъ согласился, и черезъ два мѣсяца отправился

въ Гишпанію; но чпобы не плыть моремъ, то онъ рѣшился ѣхать черезъ Францію подъ чужимъ именемъ, вычернилъ свѣпные волосы свои, насурмилъ себѣ брови, поддѣлалъ большое брюхо, взялъ паспортъ на имя Италіянскаго живописца, и такимъ образомъ сѣлъ въ Дилижансъ съ Швейцарскими купцами и съ молодою прекрасною Эмигранткою, ѣхавшею въ Базель. Швейцары или спали или курили табакъ, а Дельривъ занимался молодою Француженкою, которая отвѣчала ему только *да и нѣтъ*, и при всякомъ словѣ краснѣлась; однакожь взглядывала на него шихонько и даже умильно. Когда остановились обѣдать, Эмилиа (такъ называлась Француженка) пошла въ садъ, а Дельривъ за нею. Она крайне испугалась, видя себя одну съ мущиною, и въ пемной алеѣ; но путешественникъ старался успокоить ее, и говоря съ нею дружески, спросилъ, кто она, и куда ѣдетъ. Эмилиа взглянула на небо, вздохнула и дала ему чувствовать, что боится нескромности молодаго челоуѣка. Дельривъ божился, что ему 45 лѣтъ. Эмилиа удивилась, но не имѣя уже никакого сомнѣнія, призналась ему, что она монахиня и не давно ушла изъ Франціи. Любезная сестра! сказалъ Дельривъ: я

достоинъ этой довѣренности, и также открою тебѣ свою пайну: ты видишь во мнѣ Картезіанца. — „Картезіанца! можно ли?“ — Только ради Бога не скажывай. — „Ахъ! скорѣе умру, почтенный отецъ, нежели“... Тупѣ пришли другіе люди; но Эмилиа съ сей минуты сморгла на Дельрива съ благоговѣніемъ, какъ на святаго человѣка; онъ казался ей не только почтеннымъ, но и милымъ. — Дорогою надобно было ночевать въ прапирѣ. Дельривъ, пользуясь совершенною довѣренностію Эмилии, выбралъ ей маленькую комнату подлѣ своей. Она сказала ему, что въ первый разъ заснетъ покойно, надѣясь на его защиту. Въ два часа Дельривъ вспалъ и вошелъ къ ней съ дурнымъ намѣреніемъ. Ночная лампада освѣщала невинную и неосторожную Эмилию. Она спала глубокимъ сномъ, украшенная для глазъ молодого человѣка тишиною, спокойствіемъ, а всего болѣе невинностію. Все показывало въ ней привычку скромной спыдливости и прогательнаго благочесія: она спала одѣтая, сложивъ объ руки на груди, и держала въ правой большія чешки. Дельривъ, видя въ чертахъ ея любезное изображеніе сердечной крепости, почувствовалъ умиленіе добродѣтели. „О невинность! думалъ онъ:

смотря на себя, могу желать единственно твоей безопасности! Самая легковѣрность твоя должна быть тебе защитой!“ Дельривъ вздохнулъ, и въ комнату своей черезъ нѣсколько минутъ закрылъ глаза съ такимъ же душевнымъ спокойствіемъ, какимъ наслаждалась Эмилиа.

На другой день онъ увидѣлъ ее съ пріятнымъ чувствомъ, и долженъ былъ улыбнуться, когда Эмилиа сказала ему: „почтенный отецъ! вы берегли меня какъ Ангелъ хранитель, и я заснула въ минуту!“ Разсываясь съ нею, онъ подарилъ ей 20 лудоровъ и совѣтовалъ не вѣрить Картезіанскимъ монахамъ въ свѣтскомъ платьѣ. „Ахъ! всякой день буду за васъ молиться Богу!“ сказала она.... *Перебирая большія гетки (отвѣчала Дельривъ), съ которыми ты слышишь по ногамъ....* „А какъ вы это знаете?“ — По откровенію во снѣ. — „О святой чело-вѣкъ!“ воскликнула съ удивленіемъ проспудушная монахиня.... Прости, любезная Эмилиа! сказалъ Дельривъ: дай Богъ, чтобы ты навѣки сохранила невинность души своей! Прости!.... Эмилиа, вмѣсто отвѣта, вынула изъ кармана чепки, сложила руки и бросилась на колѣни со слезами. Тронутый Дельривъ взглянулъ на

нее съ нѣжною чувствительностію, и спѣшилъ удалиться.

Онъ благополучно проѣхалъ черезъ Францію, и въ концѣ Іюня былъ уже въ Кадиксѣ. Банкиръ Меллосъ принялъ его въ загородномъ домѣ своемъ со всѣми знаками дружбы: ибо онъ любилъ добродѣтель, а Лозанскій судья описалъ ему великодушное безкорыстіе молодаго чело-вѣка. Меллосъ предложилъ ему мѣсто въ конпорѣ своей съ большимъ жалованьемъ; сверхъ того взялъ его деньги, чптобы самымъ выгоднымъ образомъ употребить ихъ въ шоргъ. „Чпо касается до молодаго д'Орсленя, сказалъ онъ, то я лучше всѣхъ могу васъ объ немъ увѣдомить, зная его лично. Онъ живетъ въ Альжезирасѣ, въ 15 миляхъ отсюда. Надобно, чптобы вы сами объявили ему щасливую переимѣну его судьбы, имѣя право на такое удовольствіе. Между тѣмъ я долженъ ѣхать въ Мадридъ за нѣкоторымъ важнымъ для моего семейства дѣломъ, и недѣли черезъ при мы увидимся.“

Меллосъ, одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ въ Кадиксѣ, былъ вдовецъ, имѣя только одну дочь, лѣтъ осьмнадцати, именемъ Зейму, пріятную лицомъ, любезную, но вѣтреную и романическую. Надзирательница ея, старая женщина,

хотѣла болѣе нравиться ей, нежели смс-
прѣнь за нею. Зейма живо почувство-
вала любезность молодого Француза и не
думала скрывать своего нѣжнаго рас-
положенія. Дельривъ, начиная уже за-
бывать Калисту, съ удовольствіемъ при-
мѣшилъ его; но уѣхаль въ Альжезирасъ,
не имѣвъ еще времени подумать о слѣд-
ствіяхъ сей новой склонности.

Альжезирасъ есть маленькое примор-
ское мѣстечко, не далеко отъ Африкан-
скихъ береговъ. Въ семъ уединеніи Дель-
ривъ нашель молодого д'Орсленя, живу-
щаго въ хижинѣ съ прекрасною женою и
съ тремя милыми дѣтми. Боже мой!
думаль онъ, видя сіе любезное семейство:
какъ могъ покойный дядя ихъ лишить
себя добровольно счастья, которое сама
Натура предлагала ему? Что пользы быль
эгоиспомъ? Онъ не наслаждался своимъ
богатствомъ, жилъ въ одиночествѣ, и
умеръ въ мучительномъ раскаяніи!

Дельривъ съ воспоргомъ исполниль
свое порученіе; радовался счастьемъ доб-
рыхъ сердецъ и наслаждался ихъ живѣй-
шею благодарностію.

Д'Орслень на другой день поѣхаль въ
Кадиксъ. Дельривъ объѣздилъ пріятныя
окрестности Альжезираса, видѣль живо-
писный островокъ Паламоскій, мѣстечко

Сень - Рокъ , Гибралтарскую гору , сѣлъ на корабль и черезъ шесть часовъ вышелъ на берегъ Африки; наконецъ возвратился въ Кадиксъ , въ самый день Меллосова прѣзда изъ Мадриша.

Зейма ему обрадовалась : онъ также былъ чувствителенъ къ ея ласкамъ , и рѣшился воспользоваться ими , думая : „ Я не хотѣлъ употребить во зло невинности бѣдной монахини ; но рѣзвая и блестящая Зейма не есть Агнеса : она знаетъ , что чувствуетъ ; она не легковѣрна и не набожна ; не имѣю нужды въ обманѣ , чтобы заманить ее въ сѣти . . . Зейма есть дочь моего благодѣтеля : надобно быть только осторожнымъ и скромнымъ . Если связь наша останется тайною для свѣта и Меллоса , то мнѣ не чѣмъ упрекать себя . Что запрещаетъ намъ слѣдовать движенію естественной и милой страсти , которая не сдѣлаетъ ни вреда , ни безпорядка , ни соблазна , и пиная сердца наши нѣжными воспоргами , не огорчитъ никого въ свѣтѣ ? Нѣтъ , нѣтъ ! теперь уже не пожерпую своимъ щасліемъ глупой , старой привычкѣ . Смѣшно быть добродѣтельнымъ тому , кто уже не вѣритъ святой добродѣтели . До сего времени я только хотѣлъ , а не умѣлъ быть вольнодумцемъ ; всякій разъ , когда дохо-

дило до дѣла, новыя правила успунали старымъ предразсудкамъ воспитанія. Но теперь — полно! Красота Зеймы побѣдитъ эпу слабость, и первый шагъ долженъ все рѣшить.“

Дельривъ, сдѣлавъ планъ, хотѣлъ исполнить его: открылъ Зеймъ любовь свою, узналъ ея взаимную къ нему склонность, и предложилъ ей видѣться съ нимъ по вечерамъ въ маленькомъ садикѣ, отъ котораго хранился ключъ у нее въ горницѣ. Зейма сперва ужаснулась: она соглашалась на тайное свиданіе, но только днемъ, и въ присутствіи надзирательницы, ей преданной. Любовникъ требовалъ, заклиналъ, увѣрялъ (по обыкновенію) въ невинности чувствъ и намѣреній своихъ. Наконецъ Зейма согласилась, и въ одно утро отдала ему гибельный ключъ. Но въ пошль же день Меллосъ, вставъ изъ-за стола, повелъ дочь свою въ кабинетъ, и говорилъ съ нею часа два. Зейма вышла отшуда вся въ слезахъ, и заперлась въ своей комнатѣ. Меллосъ уѣхалъ прогуливаясь. Тогда Зейма призвала Дельрива къ себѣ, и сказала ему, что отецъ хочетъ непременно выдать ея за-мужъ; что она не смѣла отвергнуть его предложенія, и должна ему повиноваться. Зейма плакала,

увѣряла любовника въ своемъ отчаяннѣи, но требовала, чтобы онъ возвратилъ ей ключъ. Дельривъ не былъ влюбленъ; однакожь находилъ Зейму прелеситною, и никакъ не хотѣлъ отказатьсь отъ тайнаго свиданія; пребывалъ его въ знакъ довѣренности; плакалъ — говорилъ, что онъ имѣетъ нужду въ семъ послѣднемъ утѣшеннѣи; игралъ ролю отчаяннаго; просилъ, угрожалъ — и слабая Зейма, боясь оскорбить его, боясь даже *видѣть любовника мертвого у ногъ своихъ*, согласилась ждать его въ полночь.

Во весь пошъ день Зейма — задумчивая, печальная — казалась Дельриву гораздо милѣе прежняго. Онъ даже почиталъ себя влюбленнымъ безъ памяти, и швердилъ мысленно, что *любовь все извиняетъ*: ибо, не смотря на его Философію, онъ все еще имѣлъ нужду въ извиненнѣи, особливо въ ту минушу, какъ воображалъ себѣ оскорбленнаго отца своей любовницы. Меллось возвратился поздно: Дельривъ не могъ смотрѣть на него спокойно; но томный и нѣжный взглядъ Зеймы испребилъ въ его сердцѣ первое дѣйствіе совѣсти.

Вечеру, по обыкновеннѣи, всѣ разошлись въ одиннадцать часовъ. Дельривъ, будучи въ своей комнатѣ одинъ съ собою,

почувствовалъ нѣкоторый ужасъ; боялся собственныхъ мыслей; хотѣлъ думать только о красотѣ Зеймы, но воображеніе представляло ему одного почтеннаго отца ея; хотѣлъ мыслить о восторгахъ и щастиіи любви, но тайный голосъ внутри сердца повторялъ ему: *преступленіе не ведетъ къ счастью; ты забываешь святыя права гостепріимства, и не избѣжишь раскаянія.* Дельривъ, досадуя на свою робость, клялся побѣдить ее. Я похожъ на тѣхъ людей, думалъ онъ, которые хотя уже не вѣрятъ мертвецамъ, но все еще боятся потемокъ, вспоминая глупыя сказки, ужасъ ихъ дѣйства. Меллосъ будетъ ли несчастливъ отъ того, что Зейма любитъ меня? Не думаю увезти ее: пусть она повинуется отцу своему! Но я люблю, любимъ и хочу быть счастливъ. На что жертвовать живѣйшими восторгами сердца? кто и чѣмъ наградитъ меня за нихъ? "... Но въ самую сію минуту пихонько стучать въ его дверь; онъ открываетъ и съ изумленіемъ видитъ Меллоса.... Я думалъ, что вы еще не легли, сказалъ Меллосъ съ улыбкою: знаю, что вы долго читаете по вечерамъ, и спѣшилъ уведомить васъ о счастливомъ успѣхѣ моихъ стараній. Сію минуту пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ изъ Мадрида съ письмомъ отъ Министра,

который, слышавъ отъ меня о вашихъ дослѣдствѣхъ, выпросилъ вамъ у Короля важное мѣсто: вотъ указъ. Сверхъ того мнѣ удалось сдѣлать такой щасливой оборотъ изъ вашихъ денегъ, что вы выигрываете сто на сто: завтра казначей мой выдастъ вамъ 40 тысячъ ливровъ.“ — Дельривъ стоялъ неподвижно, блѣднѣлъ какъ преступникъ въ часъ суда и не могъ сказать ни слова. Медло съ вообразилъ, что безмолвіе его происходитъ отъ чрезмѣрной благодарности — обнялъ его съ чувствительностію и вышелъ. Дельривъ бросился на кресла и залился слезами. Боже мой! сказалъ онъ: что сдѣлалось бы со мною, если бы эпитъ великодушной человекъ опложилъ до завтрашняго дня уведомить меня о своемъ благодѣяніи? какъ бы могъ я снести бремя такого одолженія? Я заспрѣлился бы у ногъ его!... Дельривъ взялъ ключъ отъ саду, завернулъ его въ бумагу и запечаталъ. „Завтра опдамъ его, думалъ онъ: ахъ! чего бы не далъ я за то, чтобы никогда не брать и не желать его!“

Дельривъ ходилъ скорыми шагами по комнатѣ. Ударило 12 часовъ: онъ не поколебался, однакожь не могъ воображать равнодушно, что Зейма ждетъ его;

не могъ думатьъ обо снѣ, пока она могла желать или бояться его прихода; легъ уже на разсвѣпѣ — и на другой день возвратилъ ключь. Избясненіе его съ Зеймою было прогательсно. Онъ признался ей, что благодареніе Меллосово поразило его; говорилъ о правилахъ добродѣтели, забытыхъ ею для любви; говорилъ съ краснорѣчіемъ истиннаго друга. Зейма плакала, благодарила его, и клялась посвящать всю жизнь свою добродѣтели.

Черезъ два дни послѣ того Меллосъ спросилъ у Дельрива, замѣтилъ ли онъ въ окрестностяхъ маленькой сельской домика, построеннаго на крупомъ берегу рѣки? Дельривъ отвѣчалъ, что ему давно хотѣлось войти въ него, но что въ немъ передѣлывали комнаты, и никого не пускали смотрѣть. „Я вчера былъ тамъ, сказалъ Меллосъ: работы кончены, и вы можете все видѣть. Мѣсто очень хорошо, и садъ прекрасной.“ — Дельривъ въ то же утро пошелъ туда. Уединенный домикъ былъ въ самомъ дѣлѣ прелесненъ какъ своею внѣшностію, такъ и мѣстоположеніемъ. Тамъ взоръ обнимаетъ вмѣстѣ городъ Кадиксъ, островъ Леона, заливъ, все его живописныя окрестности и море, въ которое печатъ изгибами рѣка Санпи-Петри; съ другой стороны представляется Ме-

дина - Сидоніа и обширныя равнины южной Андалузїи. Щасливѣ (сказалѣ Дельривѣ), щасливѣ хозяинѣ тако́го прелестнаго жилища, естли образѣ мыслей и правила его согласны съ чувствами его сердца!... Онѣ хотѣлѣ видѣть садѣ, и проходя мимо домика, котораго окна были завѣшаны зеленою тафтою, услышалѣ звуки форте - піано; остановился, и плѣняясь искусною игрою невидимаго музыканта, вспомнилѣ Калисту. Онѣ желалѣ знать, кто такѣ хорошо играетѣ? Сама госпожа, отвѣчалѣ ему проводникѣ: дѣвица Луселла. — Какихѣ лѣтъ она? — „Двадцати, или еще моложе.“ — Кто же здѣсь съ нею? мать или родные? — „Никого.“

Минушѣ черезѣ десять перестали играть, и Дельривѣ хотѣлѣ уже итти далѣе, какѣ вдругѣ отворилось окно, и явилась прекрасная женщина — сама Луселла. — Увидѣвъ Дельрива, она побѣднѣла и отступила назадѣ. Онѣ поклонился, и смотрѣлѣ на нее съ удивленїемѣ. Луселла снова приблизилась къ окну, и сказала ему по - Французски, что проситѣ его отдохнуть въ домѣ. Дельривѣ запрепепалѣ: ему казалось, что онѣ слышитѣ Калистинѣ

голосъ . . . Но Лусселла была еще несравненно прекраснѣе: во всѣхъ чертахъ ея изображалось гораздо болѣе души и нѣжной чувствительности; другіе глаза и совсѣмъ другое лицо. Дельривъ воспользовался приглашеніемъ и вошелъ въ залу. Лусселла сидѣла на богатыхъ креслахъ и шила въ пальцахъ съ другою, пожилою женщиною; приняла его ласково и съ видомъ нѣжной томности; говорила умно, пріятно, и каждымъ словомъ прогала молодого человѣка до глубины сердца, напоминая ему голосомъ своимъ ужасную измѣну. Дельривъ, желая избавиться отъ сего мучительнаго воспоминанія, не спускалъ глазъ съ прелесной хозяйки. Подавали мороженое, самые лучшіе плоды, и гость съ великимъ трудомъ могъ рѣшиться на то, чтобы итти домой, требуя дозволенія быть въ другой разъ. „Очень рада васъ видѣть, государь мой, отвѣчала Лусселла, покраснѣвши: тѣмъ болѣе, что мнѣ поручено объясниться съ вами въ важномъ дѣлѣ, отъ котораго зависить спокойствіе милаго для меня сердца.“ Дельривъ удивился, и просилъ изъяснить ему загадку; но Лусселла никакъ не хотѣла того, и желала, чтобы онъ пришелъ на другой день. Молодой человѣкъ возвратился

къ Меллосу въ изумленіи и безпокойствѣ; считалъ минушы дня и ночи; думалъ только о Луселлѣ, и забылъ все другое — самую Калиспу, любимую имъ нѣкогда съ жаромъ искренней, добродѣтельной склонности, но не сирастно. Новое чувство его къ Луселлѣ имѣло все признаки сильнѣйшей сирасти. Кто эта несравненная красавица, живущая уединенно и независимо въ такихъ молодыхъ лѣтахъ? почему онъ ей извѣстенъ? что хочетъ она сказать ему? Дельривъ перялся въ догадкахъ, или, лучше сказать, не могъ придумать ничего вѣроятнаго. Съ какою радостію увидѣлъ онъ наступленіе слѣдующаго дня! Луселла звала его въ пять часовъ: въ четыре онъ былъ уже на берегу рѣки, но не смѣя прежде времени войти въ домъ, остановился среди развалинъ древняго Арабскаго замка, сѣлъ на камень и взялъ часы въ руку. Вдругъ слышитъ, что къ нему идетъ человекъ; взглядываетъ, и видитъ Луселлу. Какъ быстро умъ ображаетъ все лестное для сердца! какъ скоро угадываетъ тайныя намѣренія, благопріятныя для нашей сирасти! Дельривъ шопчасъ вообразилъ, что Луселла, чувствуя одно съ нимъ неперпѣніе, вышла къ нему на встрѣчу. Онъ бросился

къ прекрасной Гишпанкѣ . . . Луселла закраснѣлась; но кропкій и нѣжный ея взоръ изъяслялъ одно пріятное удивленіе. Съ нею была надзирательница: она оспавила ея руку, чшобы скорѣе встрѣтить Дельрива, и сказала ему: „когда мы сошлись здѣсь, то сядемъ среди развалинь эпова древняго замка; не лѣзя выбрашь лучшаго мѣста для отдохновенія.“ Луселла ввела его въ прекрасную колоннаду, окруженную цвѣтущими пальмами, лимонными и померанцевыми деревьями. Она сѣла рядомъ съ нимъ на большомъ опломкѣ мраморной колонны. Надзирательница вынула изъ кармана книгу, и не зная по - Французски, не могла мѣшать ихъ разговору.

Луселла, помолчавъ и взглянувъ на Дельрива съ прогашельнымъ видомъ, сказала: „Позвольте мнѣ, государь мой, прежде всего спросить у васъ, помните ли вы друзей своихъ, оставленныхъ вами въ Парижѣ?“ — Теперь я никого не помню, отвѣчалъ Дельривъ . . . Но самой разсудокъ велѣлъ мнѣ забыть изверговъ неблагодарности, которыхъ я могъ только презирать или ненавидѣть . . . Думаю, что вы ошибаетесь, перервала Луселла . . . „Ошибаюсь! нѣтъ, сударыня! можешъ быть васъ обманули на мой счетъ.“

Отдаюсь во всемі на вашъ судъ. Но кто могъ разсказать вамъ мою исторію? Какой нибудь Эмигрантъ, желавшій предспавить меня дурнымъ человѣкомъ?“ — Нѣтъ, государь мой. — „Кто же? на-Именуише того, кто вамъ говорилъ обо мнѣ.“ — Сама Калиста. — „Боже мой!.. И такъ госпожа Виларъ въ Гишпаніи?“ — Да, она въ Мадридѣ, выѣхавъ изъ Франціи вмѣстѣ съ мужемъ своимъ. Вамъ извѣстно, что Гишпанія есть ея опечесаво. — „И вы ее знаете?“ — Она мнѣ первой другъ. — „И считаеише невинною?“ — Увѣрена въ томъ. — „Позвольте же сказать вамъ, милостивая государыня, что она скрыла отъ васъ истину.“ — Когда такъ, и естли вы имѣете ко мнѣ довѣренность, то прошу мнѣ разсказать вашу исторію! я готова слушать васъ. — — Тупъ Дельривъ подробно и вѣрно описалъ ей всѣ главные случаи связи его съ Калистою. Луселла, слушающая съ великимъ вниманіемъ, нѣсколько разъ начинала плакать. Онъ вынулъ изъ книжки своей всѣ Калистины письма и отдалъ ихъ Луселлѣ, которая, устремивъ на него слезами наполненные глаза свои, вздохнула и сказала: „правда, что Калиста и Виларъ могли показаться вамъ виновными; но должно ли ненавидѣть

милыхъ людей, не выслушавъ ихъ оправданія? — „Оправданія? развѣ Калиста не вышла за Вилара? развѣ не слыхаль я ошѣ нее самой, чпо она спраспно любитъ его?“ ... Послушайте, сказала Луселла: я опкрою вамъ то, чего вы не знаете. Госпожа Виларъ родспвенница Меллосу, вашему благодѣтелю; она скоро будетъ сюда къ свадьбѣ его дочери, Зеймы. — „Калиста? Боже мой!“ — Вы еще любите ее? — „Не лъзя любить, кого презираешь.“ — Можетъ быть у васъ еспн другая связь? — „Нѣтъ; сердце мое вчера поушру... было еще свободно.“

Луселла покраснѣлась и потупила глаза въ землю. Будетъ ли у васъ сполько швердости, спросила она, чпобы увидѣться съ госпожею Виларъ и мужемъ ея безъ всякой ссоры? — „Я уѣду отсюда на все то время, которое они здѣсь пробудутъ,“ отвѣчалъ Дельривъ. — Какая несправедливость! сказала Луселла съ улыбкою: чпобы не видашь шѣхъ людей, которыхъ не любите, вы оставите друзей своихъ; слѣдспвенно ненависть дѣйствуешь въ васъ сильнѣе дружбы „Ахъ! еспли бы вы приказали мнѣ оспаться“ Хорошо; и такъ я прошу васъ. — „Повинуюсь съ радостію. Но вѣроломные супруги, которыхъ вы берете подѣ

свою защиту, могутъ ли видѣть меня и не умереть отъ снайда? — Теперь я никакъ не могу ихъ оправдывать, и вы напрасно будете вѣрять ко мнѣ; но когда они сюда прѣдутъ, тогда все узнаете. Впрочемъ вамъ не долго ждать: вы ихъ увидите нынѣ ввечеру. — „Нынѣ ввечеру!“ — Да, я прошу васъ къ себѣ ужинать вмѣстѣ съ Гм: Меллосомъ. Даете ли слово? — „Непремѣнное.“ — Я буду ждать васъ, сказала Луселла и встала: теперь восемь часовъ; приходите въ десять. Мнѣ надобно быть дома: простите, любезный Дельривъ! Надѣюсь, что въ нынѣшній вечеръ вы благословите Небо. — Сказавъ, она поспѣшно удалилась. Имя *Небо*, произнесенное такою милою женщиною, и голосомъ Калистинымъ, пронудило душу Дельрива, и представило ему вѣсь святыя идеи, которыя нѣкогда были закономъ для его сердца. Глаза его наполнились слезами. Онъ сѣлъ на мѣсто, оставленное Луселлою... Солнце закатилось. Первые лучи мѣсяца озарили цвѣтущіе пальмы и померанцы; ароматы ихъ разливались въ воздухъ. Тишина ночи и безмолвіе сего уединенія приводили въ умиленіе чувствительное сердце Дельрива. — *Небо!* пошепталъ онъ съ горестію: я прежде вѣрилъ Ему: всюю душою!..

переспалъ вѣришь, и страшныя мысли, гнусныя намѣренія осквернили мое сердце; я разлюбилъ добродѣтель, не умѣя любить порока!.. Ахъ! одна Луселла можетъ воскресить меня. Душа моя, убиная опчающимъ, въ новой чувствительности найдетъ забытыя свои правила... Но что хотяшь мнѣ сказать въ нынѣшній вечеръ? что значитъ эта важная шайна, и великое участіе, которое беретъ въ ней Луселла?... Для чего Меллосъ, котораго она знаетъ, никогда не говорилъ объ ней?... Калисна будетъ здѣсь: захочетъ ли она сама изъясниться со мною?..

Всякая мысль умножала любопытство Дельрива; всякія десяти минуты онъ прогалъ репетицію часовъ своихъ; наконецъ въ исходѣ десятаго всталъ и съ воспоргомъ лепѣлъ изъ древнихъ развалинъ къ Луселлину дому. Онъ увидѣлъ его издали: ибо вся передняя фасада была прекрасно иллюминирована. Дельривъ приближается съ сильнымъ бѣеніемъ сердца; два лакея ожидаютъ его у воротъ и ведутъ на другой конецъ сада, гдѣ (какъ сказали ему) приготовленъ ужинъ. Дельривъ идетъ за ними, и шрепещетъ ошъ безпокойства и надежды. Всѣ дерева украшены огненными фесфонами. Черезъ длинную миршовую алею выходитъ онъ на берегъ канала,

покрытаго легкими лодками : всякая изъ нихъ убрана цвѣтами и ярко освѣщена множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей. На другой сторонѣ канала, въ перспективѣ, видѣнъ великолѣпный павильонъ. Дельривъ садился въ лодку, наполненную розами, миртами и незабудками. Въ ту самую минушу всѣ другія шлюпки соспавляютъ амфитеатръ позади его и кажутся плывучимъ цвѣтникомъ. Гремишь музыка, и нѣжные женскіе голоса поютъ хоромъ сіи слова :

Плыви!.. Уже здѣсь бури нѣтъ!
Всевышній пайною рукою
Тебя навѣкъ миришь съ судьбою
И въ пристань щасія ведешь!

Дельриву все сіе казалось восхищительнымъ сновидѣніемъ. Онъ выходилъ на берегъ и видя въ имя свое огненными буквами изображенное на всѣхъ колоннахъ павильона. Въ прешпей комнахъ принимаетъ его Луселла, блистающая уборомъ, а еще болѣе красою; нѣжные и трогательные взоры ея довершили восторгъ Дельрива. Онъ спалъ передъ нею на колѣни и воскликнулъ : „скажите, что глаза меня не обманываютъ; скажите, что я не мечтаю, и что мнѣ позволено обожать прелестную волшебницу здѣш-

нихъ мѣстѣ!“...Подите за мною, Дельривъ! опвѣчала Луселла: но вооружитесь твердою; вы увидите Госпожу Виларъ и мужа ея.... Дельривъ поблѣднѣлъ.... Я пребую опѣ васъ, продолжала Луселла, чптобы вы при нихъ спокойно выслушали меня.... „Не понимаю вашего намѣренія, опвѣчалъ Дельривъ: вы пребуете опѣ меня великой жертвы; но я готовъ исполнять волю вашу.“ — Вы не раскаетесь, сказала Луселла, и ввела его въ прекрасную комнату, гдѣ Меллосъ сидѣлъ на канапѣ между Виларомъ и его супругою.... Дельривъ, видя ихъ, съ ужасомъ опспунилъ назадъ. Виларъ бросился къ нему съ распротпертыми объятіями; но прежній другъ съ презрѣніемъ опворопился.... Виларъ! сказала ему Луселла: возвратитесь на свое мѣсто; вы обѣщали мнѣ сидѣть неподвижно; а вы, Дельривъ, слушайте оправданіе Калиссы.... „Ничто не можетъ оправдать ее,“ перервалъ онъ. Луселла взяла его за руку и посадила на креслахъ противъ канапе. Дельривъ, взглянувъ на госпожу Виларъ, съ изумленіемъ и съ досадою увидѣлъ, что она сидитъ покойно, и даже улыбается. Дельривъ! сказала ему Луселла: я хочу письмомъ оправдать Калиссу, чптобы вы могли навсегда сохранить у себя доказательство

ея невинности Она взяла листъ бумаги, написала и подала Меллосу, который вслухъ прочиталъ слѣдующее:

„О Дельривъ! я никого кромѣ тебя не любила; никогда не нарушала клятвы своей, столь любезной моему сердцу! Узнай наконецъ Калисту — Луселлу!“

Боже мой! воскликнулъ изумленный Дельривъ: что я слышу! . . . Читайше, сказалъ Меллосъ, отдавъ ему бумагу. Дельривъ видѣлъ въ самомъ дѣлѣ руку Калисты Такъ, любезной другъ! говорилъ ему Виларъ: Калиста есть Луселла: у Госпожи д. Армаллосъ видѣлъ ты портретъ не Калисты, а жены моей, ея сестры „Благое Провидѣніе! воскликнулъ Дельривъ, и бросился на колѣна, поднявъ вверхъ глаза и руки: „Богъ міра и судьбы человѣческой! пріими мою благодарность и раскаяніе!“ . . . Пораженный своимъ чрезмѣрнымъ щастіемъ и въ сильномъ волненіи чувствъ, онъ вспалъ, приблизился къ Калистѣ, и безъ памяти упалъ къ ногамъ ея . . . Калиста и Виларъ обнимали его со слезами, когда онъ снова открылъ глаза и помнымъ голосомъ сказалъ: „И такъ я обожаю Калисту подъ именемъ Луселлы! И такъ Небо чудеснымъ образомъ возвращаетъ мнѣ и любовьницу и друга! Калиста вѣрна, и Ви-

ларъ будешь братомъ моимъ!“... Говоря, Дельривъ опиралъ слезы свои, чтобы смотрѣшь на Калиспу, и повипорялъ: „Ахъ! мнѣ должно было узнатьъ ее! Одна Калиспа могла имѣть такое Ангельское лицо, такое милое и нѣжное!“

Наслаждаясь совершеннымъ щастіемъ, Дельривъ не пребовадь дальнѣйшаго изъясненія; увѣренный, что Луселла есть Калиспа, онъ не думалъ болѣе ни о чемъ!

Но Меллосъ просилъ Калиспу разсказать свою исторію. — Я не имѣла случая увѣдомить тебя, сказала она Дельриву, что у меня есть сестра, которая была воспитана въ монастырѣ, и которая, во время нашихъ бѣдствій, тайно жила въ деревнѣ у Госпожи Б* близъ Шалона, подъ именемъ ея родственницы. Она прислала намъ портретъ свой, писанный сухими красками, и мапушка, боясь, чтобы служанка не разбила стекла, говорила ей иногда: *не трогай портрета моей дочери*. Служанка почла его моимъ, и ввела себя въ это заблужденіе.

Тебѣ извѣстна дерзость нынѣшнихъ пирансовъ Франціи и злобныхъ ихъ орудій. Всякая молодая женщина, не опвратительная лицомъ, могла бояться ихъ наглости; для того я всегда носила покрывало. Только однажды случилась мнѣ

спная, въ которой чувства наши соединялись и пылали огнемъ двойкой любви, вѣчной подобно Небу! . . . Но путь глубокая шишина въ комнатѣ твоей увѣрила меня, что тебя нѣтъ. Боже мой! гдѣ онъ? думала я, и залилась слезами. Госпожа Маршень пришла сказать, что ты велѣлъ ей во время твоего отсутствія какъ можно чаще ходить ко мнѣ и всякой день заводить *твои тасы*. „Онъ поручилъ мнѣ еще одно дѣло, примолвила она: но это останется тайною. Сколько я ни приступала къ ней, Госпожа Маршень не хотѣла сказать. Какъ этотъ несчастной день показался мнѣ долготъ! какое печальное безмолвіе окружало меня! . . . Оплакивая мамушку горестнѣе прежняго, я въ первый разъ почувствовала, что она оставила меня сиротою въ свѣтѣ Ночь казалась мнѣ ужасною. Ложась на постелю, я знала, что не сомкну глазъ — и вдругъ, черезъ полчаса, слышу въ твоей комнатѣ небесные звуки гармоник!.. Изумленіе и чувствительность моя были несказанны. Я потчасъ угадала тайну, которой Госпожа Маршень не хотѣла объявить мнѣ. Ахъ! это онъ! думала я: душа его еще здѣсь; она говоритъ со мною!.. Страхъ и горесть моя вдругъ миновались. Ты утѣшалъ меня

восхищительною музыкою; каждый звукъ ея пронизалъ въ мое сердце; я чувствовала любовь твою въ этой нѣжной выдумкѣ, и закрыла глаза въ сладостномъ упокоеніи. На другой день въ часъ обыкновенной молитвы моей опять заиграла гармоника мелодію церковную, которая показала мнѣ небесною музыкою Ангеловъ. Съ какимъ усердіемъ я молилась о тебѣ, о твоемъ другѣ и скоромъ возвращеніи!.. Всякой разъ, по твоему приказанію, меня усыпляли и будили этою божественною музыкою, которая всегда будетъ оживлять въ моемъ сердцѣ сладостныя чувства Религіи, благодарности, вѣрной и святой дружбы.

Между тѣмъ Госпожа Марпенъ, бывая часто со мною, снискала мою довѣренность; мнѣ нужно было съ кѣмъ нибудь говорить о тебѣ. Узнавъ мои чувства, она рассказала наконецъ всѣ твои благодѣянія въ разсужденіи насъ. Какъ сладостно было для моего сердца соединять мысль о тебѣ съ мыслию о покойной матери, думать безпрестанно: *онъ былъ благодѣтелемъ ея!* и находить въ любви моей къ ней новую причину любить тебя!.. Ты знаешь, какъ меня заключили въ темницу. Я спокойно ожидала своего жребія и не ропсала на такую долю въ цвѣ-

пущей молодости, зная по ученію Религіи, что умереть съ невинностію есть умереть во - время и щасливо. Но твердость моя колебалась отъ воображенія горести нѣжнаго друга; я знала свои силы, но не знала твоихъ; мнѣ хопѣлось по крайней мѣрѣ видѣть тебя прежде смерти, чтобы упѣшить, укрѣпить твою душу, которая сколько разъ опвѣпствовала движеніямъ моей!

Могу ли описать, съ какою радостію услышала я сквозь стѣну голосъ твой! Одинъ звукъ его возвратилъ мнѣ надежду, обѣщаль свободу; я была опять подъ твоєю защитой, и ничего не спрaшила. . . . Опѣздъ твой снова поразилъ мое сердце. Но скоро Виларъ вывелъ меня изъ темницы. Въ самой потъ день я получила извѣстіе, что благодѣшельница сестры моей лишилась жизни на эшафотѣ, и что сама она ждетъ въ Шалонѣ такой же участи. Виларъ предложилъ мнѣ ѣхать туда немедленно для ея спасенія. Мы писали къ тебѣ съ вѣрнымъ человѣкомъ, и прѣхавъ въ Шалонъ, имѣли щасіе освободить невинную сестру мою. Виларъ влюбился въ нее, и былъ любимъ взаимно; сестра супруги твоей казалась ему тѣмъ милѣе, что ея рука утверждала дружбу вашу новымъ союзомъ.

Скоро мы послали къ тебѣ нарочнаго съ увѣдомленіемъ о Виларовомъ бракѣ съ моею сестрою; но онъ развѣхался съ тобою. Черезъ нѣсколько дней Вилару надлежало отправиться въ армію. Я была въ Шалонѣ, когда ты пріѣзжалъ въ замокъ Виларовъ, и только на другой день узнала объ этомъ спраннымъ явленіи, которое испугало сестру мою, и сперва показалось намъ дѣйствіемъ какого нибудь несчастнаго безумца; но рассказы шрактирщика, у котораго ты останавливался, скоро открыли мнѣ истину. Я догадалась, что письма наши къ тебѣ пропали; что не зная сестры моей и слыша ея голосъ, сходный съ моимъ, ты ошибся; однакожь признаюсь, что сердце мое оскорбилось такимъ жестокимъ и скорымъ обвиненіемъ; мнѣ казалось, что любовь и дружба не должны были по однимъ вѣроятностямъ признать Калисту и Вилара извергами. Я не знала ничего о портретѣ, который видѣлъ ты у бабушки, и считалъ моимъ. Это обстоятельство въ твоей исторіи обрадовало меня несказанно, оправдывая ошибку. Я послала человека въ Парижъ, но тебя уже не было; писала, развѣдывала, и наконецъ по ложному слуху вздумала, что ты въ Гишпаніи. Между тѣмъ, какъ я искала возможности ѣхать

шуда, злодѣй, гнавшій меня въ Парижѣ, явился въ Шалонѣ, и донесъ въ судѣ, что ты, будучи Эмигрантомъ, со мною въ перепискѣ. Надобно знать, что Виларъ объявилъ меня въ Шалонѣ своею супругою. Мнѣ сказали за шайну, что только однимъ способомъ могу избавишься отъ заключенія или самой казни; а именно тѣмъ, чтобы претбовать развода съ тобою. Хотя я въ самомъ дѣлѣ не была своею супругою; но откажась отъ себя всенародно и торжественно казалось мнѣ вѣроломствомъ и гнуснымъ малодушіемъ. Сердца наши соединились; я была причиною своего несчастія; и хотѣла за себя снова подвергнуться той опасности, отъ которой ты меня избавилъ. Меня призывали въ судѣ, откуда посылали людей обыкновенно или на эшафотъ или въ темницу. Наглые судьи спросили, для чего не развожусь съ тобою? Одна смерть, отвѣчала я, можетъ разорвать нашъ союзъ. Такой смѣлой отвѣтъ озлобилъ жестокосердыхъ; уже хотѣли произнести судьбу мою и, по всей вѣроятности, осудить на смерть, когда человекъ, мнѣ неизвѣстный, вступился за меня съ жаромъ, говорилъ убѣдительно, краснорѣчиво, и согласилъ всѣхъ товарищей въ мою пользу. Вышедши изъ суда, я узнала,

что спаситель мой былъ Дюранъ, потъ самой человекъ, который сидѣлъ въ шюрмѣ объ стѣну со мною, и заставлялъ себя освободить его прежде меня. Онъ заплатилъ мнѣ еще 12 тысячъ ливровъ, издержанныхъ побоею для его освобожденія, и просилъ доставить ихъ шебѣ. Сверхъ того Дюранъ оказалъ мнѣ и сестрѣ моей множество важныхъ услугъ, которыя были опасны въ это страшное время. Вотъ доказательство, что нельзя справедливо судить о характерѣ по одному дѣлу! Дюранъ безстыднымъ образомъ воспользовался нашимъ положеніемъ, но былъ добръ и великодушенъ.

Виларъ возвратился черезъ годъ, и нашелъ случай ѣхать въ Гишпанію съ тайнымъ порученіемъ отъ Коминета. Мы выѣхали изъ Франціи съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ нее прежде паденія тирановъ. Ждемъ ихъ наказанія и возстановленія Религіи естъ вѣришь Провидѣнію.

Великодушный Меллосъ былъ родственникъ покойнаго отца моего; наши бѣдствія дали намъ еще новыя и сильнѣйшія права на его дружбу. Ему обязаны мы всѣмъ, что теперь имѣемъ. Но я не находила себя и не чувствовала никакой перемены въ своей долѣ. Съ какимъ

же восторгомъ слушало мое сердце, когда Г. Меллосъ, прѣѣхавъ въ Мадридъ, рассказывалъ намъ великодушное дѣло одного молодаго Французскаго Эмигранта! и когда онъ наименовалъ тебя, я воскликнула: *такъ, сердце мое угадало!* . . . и рассказала Г. Меллосу всю свою исторію. Онъ пошчасъ рѣшился искашь для тебя выгоднаго мѣста, и предписалъ мнѣ, какъ увидѣшься съ тобою. Виларъ и я дали ему слово слѣдовать его плану. Ужасное безпокойство терзало мою душу: считая меня вѣроломною, ты могъ войти въ другое обязательство — что мнѣ хотѣлось узнать прежде всего. Добродѣтельный Меллосъ купилъ для насъ эпопѣй прекрасной домъ, въ которомъ я поселилась, назвавъ себя именемъ Луселлы. Остальное тебѣ извѣстно.“ . . .

Никакое перо не можетъ описать щасія и раскаянія Дельрива. Слушая, онъ трепеталъ, восхищался, плакалъ, взглядывалъ на небо, жалъ руку у Меллоса, Вилара, и смотрѣлъ на Калиспу. Меллосъ сбѣявилъ любовникамъ, что онъ все приготовилъ для свадьбы, и что ей должно быть непременно на другой день въ ихъ приходской церкви. Послѣ ужина Дельривъ пребывалъ опѣ Вилара, чтобы онъ ночевалъ съ нимъ въ одной комнатѣ:

ему хотѣлось говорить, спрашивать, по-
 вопорять тысячу разъ одно и твердить
 безпрестанно милое имя Калисты. Онъ
 не могъ думать о снѣ, который пере-
 рвалъ бы чувство его блаженства. . . .
 На другой день Дельривъ, пришедши къ
 Калистѣ, вынулъ изъ кармана песочные
 часы, поставилъ ихъ на столъ, и ска-
 залъ: „священное изображеніе добродѣте-
 ли! ты должно показать блаженный часъ
 моего вѣчнаго соединенія съ нею!“ . . .
 Калиста узнала свою работу и запла-
 кала отъ умиленія, воображая, что
 Дельривъ, не смотря на свое заблужде-
 ніе, сохранилъ ее. . . Въ 12 часовъ надле-
 жало быть свадьбѣ; ровно въ 12 часовъ
 раздались звуки гармоники. . . Калиста
 задремтала, и слезы оросили ея милое
 лицо, еще украшенное любезнымъ румян-
 цемъ стыдливости. . . Дельривъ, стоя
 на колѣняхъ, беретъ руку ея. Двери
 отворяются: входитъ Меллосъ и ведетъ
 счастливыхъ любовниковъ къ олтарю.
 Какъ прогашельно милая, набожная Ка-
 листка произнесла священный обѣтъ свой!
 сколь увѣришенъ былъ онъ для серд-
 ца! . . . Сии нѣжные супруги, не вѣпре-
 ною любовію, но ревностію добродѣтели
 соединенные, уже семь лѣтъ наслажда-
 ются совершеннымъ счастьемъ, котораго

прелестъ не увядаетъ отъ времени. Дель-
ривъ есть отецъ милой дочери, и всего
болѣе желаетъ, чтобы она любила Рели-
гію подобно своей матери.

Жанлисѣ.

II.

*Пріятныя виды, надежды и желанія
нынѣшняго времени.*

Всѣ тѣ, которые имѣютъ щастіе мы-
слишь и судятъ безприсрастно, дол-
жны согласиться, что никакое время не
обѣщало столько политическаго и мораль-
наго благоденствія Европѣ, какъ наше.

Революція объяснила идеи: мы уви-
дѣли, что гражданскій порядокъ священъ
даже въ самыхъ мѣстныхъ или случай-
ныхъ недостаткахъ своихъ; что власть
его есть для народовъ не тиранство, а
защита отъ тиранства; что, разбивая
сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣ-
лается жертвою ужасныхъ бѣдствій, ко-
торыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновен-
ныхъ злоупотребленій власти; что самое
Турецкое правленіе лучше анархіи, ко-
торая всегда бываетъ слѣдствіемъ госу-
дарственныхъ потрясеній; что всѣ смѣ-

дыя теоріи ума, который изъ кабинета хочешъ предписывать новые законы моральному и политическому міру, должны оспашься въ книгахъ вмѣстѣ съ другими, болѣе или менѣе любопытными произведеніями оспроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можешъ бытъ замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ Правительствъ должны исправить несовершенства гражданскихъ обществъ; и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости Властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать все возможное добро вокругъ себя.

То есть, Французская Революція, грозившая испровергнуть всѣ Правительства, утвердила ихъ. Если бѣдствія рода человѣческаго въ какомъ нибудь смыслѣ могутъ назваться благотѣльными, то симъ благотѣніемъ мы конечно обязаны Революціи. Теперь гражданскія Начальства крѣпки не только воинскою силою, но и внутреннимъ убѣжденіемъ разума.

Съ самой половины осьмаго-надесять вѣка всѣ необыкновенные умы спраспно желали великихъ переменъ и новостей въ учрежденіи обществъ; всѣ они были,

въ нѣкоторомъ смыслѣ, врагами настоящаго, теряясь въ лестныхъ мечтахъ воображенія. Вездѣ обнаруживалось какое-то внушительное неудовольствіе; люди скучали, и жаловались опть скуки; видѣли одно зло, и не чувствовали цѣны блага. Проницательные наблюдатели ожидали бури; Руссо и другіе предсказали ее съ разительною точностію; громъ грянулъ во Франціи . . . мы видѣли издали ужасы пожара, и всякой изъ насъ возвратился домой, благодарить Небо за цѣлоспъ кроваваго нашего и бытъ разсудительнымъ!

Теперь всѣ лучшіе умы споятъ подъ знаменами Властителей, и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новостяхъ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ.

Съ другой стороны Правительства чувствуютъ важность сего союза и общаго мнѣнія, нужду въ любви народной, необходимость истребить злоупотребленія. Почти на всѣхъ пронахъ Европы видимъ юныхъ Государей, дѣятельныхъ и ревностныхъ къ общему благу. Революція была злословіемъ свободы; Правительства, не хвалясь именемъ, дозволяютъ гражданамъ пользоваться всѣми ея выгодами, согласными съ основаніемъ и порядкомъ

общества. Революція обѣщала равенство сослояній: Государи, вмѣсто сей химеры, стараются, чтобы гражданинъ во всякомъ состояніи могъ быть доволенъ; чтобы ни которое не было презрительнымъ или угнетеннымъ. Будемъ справедливы: гдѣ теперь добрый человекъ не можетъ наслаждаться безопасностію? Свирѣпствуетъ ли гдѣ нибыдъ тиранство въ Европѣ, еслии исключимъ Турецкію? Не вездѣ ли обѣщаютъ Научамъ покровительство? Не вездѣ ли Начальства желаютъ способствовать успѣхамъ воспитанія и просвѣщенія, которое есть не только источникъ многихъ удовольствій въ жизни, но и самой благородной нравственности; которое образуетъ мудрыхъ Министровъ, достойныхъ орудій правосудія, сыновъ отечества въ семействахъ, раждая чувства патриотизма, чести, народной гордости; и безъ котораго люди служатъ только одному идолу подлой корысти. Государи, вмѣсто того, чтобы осуждать разсудокъ на безмолвіе, склоняютъ его на свою сторону. Будучи, такъ сказать, внѣ обыкновенной гражданской сферы, вознесенные выше всѣхъ низкихъ побужденій эгоизма, которыя дѣлаютъ людей несправедливыми и даже злыми; наконецъ, имѣя все, они должны и мо-

гупѣ чувствовашъ только одну потребу-
носпѣ: *благотворить*, и смотря на всякаго
гражданина, думашъ: „я заслужилъ
„любовь его!“

Въ самой Литтературѣ, которая
столь сильно дѣйствуетъ на умы, ви-
димъ мы полезное слѣдствіе Революціи.
Прежде сей эпохи всякая дерзкая, немор-
ральная книга была модною: нынѣ, на-
противъ того, Писатели боятся оскор-
бить Мораль, ибо передъ всякимъ жива
картина бѣдствій, произведенныхъ во
Франціи развратомъ; даже въ самыхъ
дурныхъ романахъ соблюдается какая-
то благопристойность и уваженіе къ свя-
тынямъ нравовъ: ибо сего требуетъ щас-
ливое расположеніе умовъ и сердецъ. Воль-
теръ не могъ бы нынѣ прославиться
нѣкоторыми насмѣшками, Буланже пе-
данствомъ, Ламетри безуміемъ. Лит-
тература, болѣе нежели когда нибудь
способствуя истинному просвѣщенію, обра-
тилась нынѣ къ ушверженію всѣхъ обще-
ственныхъ связей.

Дружественный союзъ народовъ, благо-
пріятствуя взаимному сообщенію вели-
кихъ умовъ, подаетъ справедливую на-
дежду, что Науки обогащаются еще от-
крытіями новыхъ феноменовъ или слѣд-
ствій, новыхъ отношеній любопытства

къ пользѣ, которая есть истинное совершенство учености. Науки физическія еще далеки отъ своихъ крайнихъ предѣловъ; Натура имѣетъ много таинственнаго; время и опыты могутъ снять еще многіе покровы и завѣсы на ея необозримой сценѣ. . . . И не только физическія Науки, но и самая Мораль открываетъ обширнѣе поле для новыхъ соображеній ко благу людей. Мы несравненно богачѣ Древнихъ идеями и знаніемъ человеческого сердца; однакожь не испустили моральныхъ наблюденій, и не всѣми извѣстными воспользовались для утвержденія нашихъ понятій о человѣкѣ и способахъ щастія, которое должно быть главною наукою человечества, и котораго не могутъ дать сердцу самыя мудрейшія Правительства: ибо оно есть дѣло судьбы, ума и характера.

Взоръ Рускаго Папріота; собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удовольствіемъ обращается на любезное опечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими Европейскими народами, мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями челоувѣколюбиваго Монарха? Никогда Россія сполько не уважалась въ Полипикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чув-

спвуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ. Италіянская война доказала міру, что Колоссъ Россіи ужасенъ не только для сосѣдовъ, но что рука его и вдали можетъ достасть и сокрушить непріателя. Когда другія Державы шрепсали на своемъ основаніи, Россія возвышалась спокойно и величественно. Довольная евоимъ пространствомъ, естественными сокровищами и милліонами жителей; не имѣя ни въ чемъ совмѣстниковъ, не желая ни чьей гибели, не боясь никакой Державы, не боясь даже и союзовъ противъ себя (ибо они не согласны съ особенными выгодами государствъ въ отношеніи къ ней), она можетъ презирать обыкновенныя хитрости Дипломатики, и Судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народовъ.

Главнымъ, важнѣйшимъ благомъ въ ея внутреннемъ состояніи назову я . . . нынѣшнее общее спокойствіе сердець; оно всего дороже и милѣе; оно есть вѣрное доказательство мудрости Начальства въ гражданскомъ порядкѣ. Съ другой стороны другъ людей и Патриотъ съ радостію видитъ, какъ свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ шемную обласъ невѣжества въ Россіи; какъ благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣй-

спвуютъ въ умахъ ; какъ разсудокъ утверждаетъ права свои, и какъ духъ Россіянъ возвышается. Не только въ столицахъ, но и въ самыхъ отдаленныхъ Губерніяхъ находимъ между благородными доспойныхъ Членовъ Государства, знающихъ его потребности, судящихъ справедливо о людяхъ и дѣйствіяхъ. Наше среднее состояніе успѣваетъ не только въ искусствѣ торговли, но многіе изъ купцовъ спорятъ съ дворянами и въ самыхъ общественныхъ свѣдѣніяхъ. Кто изъ насъ не имѣлъ случая удивляться ихъ любопытству, здравому разсудку и патриотическимъ идеямъ? Они чувствуютъ болѣе, нежели когда нибудь, важность правъ своихъ и никому не завидуютъ. Сельское трудолюбіе награждается нынѣ щедрѣе прежняго въ Россіи, и чужестранные Писатели, которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ нещасливы, удивились бы, если бы они могли видѣть ихъ возрастающую промышленность и богатство многихъ; видѣть такъ называемыхъ *рабовъ*, входящихъ въ самыя торговыя предпріяшя, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе испребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и

по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдсвѣяхъ случая и Напурь: вошь его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ: вошь его право!

Сии успѣхи гражданственности служатъ залогомъ будущихъ, и подають основательную надежду, что Россія въ грядущихъ дняхъ своихъ не встрѣнитъ уже тѣхъ бѣдсвѣй, которыя нѣкогда перзаали ея внутренность: ибо причиною государственныхъ нещасій бываетъ по большой части невѣжество и варварство, которыя отъ насъ быспрыми шагами удаляются.

Но Патриотизмъ не долженъ ослѣплять насъ; любовь къ опечесвѣ естъ дѣйствіе яснаго разсудка, а не слѣпая спрасъ; и жалѣя о тѣхъ людяхъ, которые еисспрятъ на вещи только съ дурной стороны, не видятъ никогда хорошаго, и вѣчно жалуяцца, мы не хотимъ впастъ и въ другую крайность; не хотимъ увѣрять себя, что Россія находится уже на высочайшей степени блага и совершенства. Нѣтъ, мудрое Пра-

вленіе наше тѣмъ щасливѣе, что оно можетъ сдѣлать еще много добра опечеству.

На примѣръ (не говоря о другомъ): какимъ великимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ АЛЕКСАНДРОВЪ, когда исполнится Монаршая воля ЕГО, когда будемъ имѣть полное, методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написанныхъ? Я не удивляюсь (какъ нѣкоторые), что законы Ярославы цѣнили деньгами убійство и вооружали родственниковъ убійцаго кинжаломъ меспи; не удивляюсь, что Судебникъ Царя Іоанна великъ рѣшилъ сомнительныя дѣла поединкомъ; не удивляюсь, что въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича нѣтъ философическихъ сеншенцій, и что Законодатель не предвидѣлъ случаевъ нашего времени: ибо знаю, что всѣ Европейскіе народы въ разныя эпохи имѣли такіе же несовершенные законы, какъ и мы. *Правда* Ярослава есть Кодексъ всѣхъ Сѣверныхъ народовъ; разрушителей Римской Имперіи и завоевателей Европы. Судебникъ Іоанновъ ознаменованъ печатью среднихъ вѣковъ, когда духъ рыцарства и живая вѣра къ праведнымъ дѣйствіямъ Неба ввели въ законное обыкновеніе поединокъ. Авторы Уложенія знали уже,

какъ видно, Густиніановъ Кодексъ, но имѣли у себя въ виду единственно тогдашнее состояніе Россіи. Указы Ошца Отечества, Императрицы Анны, Елисаветы, особливо **ЕКАТЕРИНЫ** Великой, рѣшаютъ всѣ важнѣйшіе вопросы о *людяхъ* и *вещяхъ* въ порядкѣ гражданскомъ; нужна только философическая метода для расположенія предметовъ; но совершеніе сего дѣла будетъ славно для Монарха и Государства. Метода и порядокъ заключающъ въ себѣ какую по особенную силу для разума, и судья, обнимая однимъ взоромъ систему законовъ, удобнѣе впечатлѣваетъ ихъ въ душу свою. Тогда мы не позавидуемъ Фридрихову (вновь исправленному) Кодексу; не позавидуемъ умному плану Французскаго, и пожалѣемъ объ Англичанахъ, которыхъ судища безпрестанно запутываются въ лабиринтѣ несогласныхъ установленій (*writs*), служащихъ имъ правиломъ. Великая **ЕКАТЕРИНА** даровала намъ систему полипическихъ уставовъ, опредѣляющихъ права и отношенія состояній къ государству. **АЛЕКСАНДРЪ** даруетъ намъ систему гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою. Тогда законсвѣдѣніе будетъ наукою всѣхъ Россіянъ

и войдетъ въ сиспему общаго воспитанія.

Мы упомянули о воспитаніи: можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патристическое сердце? Какимъ общимъ моральнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Многоли у насъ характеровъ? И молодой человекъ съ *рѣшительнымъ образомъ мыслей* не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называютъ свѣтъ бурнымъ Океаномъ: но шаспливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оспавляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для шастія. Хорошо, еслили отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо *Натура* даетъ отцу шакія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми? по большой части свѣтская разсѣянность, дѣйствіе полупросвѣщенія въ людяхъ и въ государствахъ. Взглянемъ на великихъ мужей, одаренныхъ превосходными талантами ума: всѣ они — не знаю, будетъ ли ис-

ключеніе — всѣ они, говорю, любятъ семейственныя удовольствія. Взглянемъ и на самые народы: Англія есть безъ сомнѣнія просвѣщенѣйшая земля въ Европѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются сполько пріятностями тихой домашней жизни, какъ въ Англіи. Просвѣщеніе цѣнитъ удовольствія и выбираетъ лучшія: а могутъ ли ничпожныя свѣтскія забавы сравняться съ нѣжными чувствами супруга и родителя, который, давъ жизнь дѣтямъ, даетъ имъ и мысли и чувства; ежедневно видитъ развитіе души ихъ, веселится ими какъ своею милою собственностію и готовитъ свѣту *украшенные моральные образы самого себя?* Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикой Американецъ отъ скуки цѣлый день качается на вѣшняхъ — Европейецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому — играть въ карты! Дни летятъ, и онъ доволенъ; но съ ними летитъ и жизнь — спарость съ болѣзнію приходитъ къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ *поселиться дома.* Новыя привычки шягосны наканунѣ смерти! Нѣжный отецъ семейства не знаетъ по край-

ней мѣрѣ сей тягоспи; живѣ всегда дома, не имѣешь нужды въ спароспи привыкань къ кабинету, и на что ни взглянешь во-кругъ себя, вездѣ находить утѣшительныя воспоминанія; всякой бездушнѣ предметѣ есть для него спарой другѣ, пріятно бесѣдующій съ нимѣ о минувшемѣ времени. И сколь не равное право на любовь и благодарноснѣ дѣтей имѣюшь два опца, изъ которыхъ одинѣ самѣ воспиталѣ ихъ, а другой шолько нанималѣ учители! Будешь время, когда сія любовь и благодарноснѣ составяшь для насѣ главное удовольствіе въ жизни: подумаемѣ объ немѣ заранѣе! . . . Я говорилѣ шолько о щастіи заниматьсѣ воспитаніемѣ дѣтей; но съ другой стороны оно есть и долгѣ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемѣ образовать доспойныхъ сыновѣ отечества. Въ Республикахѣ предписывались для того законы; родителъская нѣжноснѣ считалась гражданскимѣ доспойнствомѣ и правомѣ на общесшвенную благодарноснѣ: ибо нѣжный опецѣ семейства есть всегда и нѣжный сынѣ опечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его. — Наконецѣ скажемѣ, что безѣ хорошихъ опцовѣ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, инспитуты и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы больше способовъ заниматься не только воспитаніемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставляло бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствіе разсѣянной жизни, вредна для государства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спасенія отъ бѣдности, и къ самымъ неморальнымъ; онъ скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и питая гнусную алчность распущенниковъ, по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ; довѣренность истребляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы не рѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и незвинительнаго мотовства. Вечеру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ! Хотя бы удивить иностранцевъ; хотя бы дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи . . . Усердные любители отечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, отъ пятидесяти сюрпризовъ въ одинъ вечеръ, и даже отъ

Французскихъ куплетовъ; она пребудетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, однѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; пребудетъ, чпобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не молговспву своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія! — Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню, быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего стоить каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суешной распочительности, плащащей 100 рублей за ананасъ для десерта. „Но богатствомъ должно пользоваться?“ Безъ сомнѣнія. Въпервыхъ заплашите долги свои; въвторыхъ приведите крестьянъ вашихъ, естли можно, въ лучшее соспояніе; а потомъ оставьте опечесству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что нибудь долговременное и полезное; учредите школу, гошпиталь; будьте отцами бѣдныхъ, и превратите въ нихъ чувство зависи въ чувство любви и благодарности; ободрайте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ: пусть эпортъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный

мость, благодареніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя споль мудрое употребленіе богатства, скажетъ: „Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаются богатствомъ!“

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ Россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Фемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога Искусствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и щасіе опечества должны быть имъ особенно драгоценны; слава государствъ бываетъ различная, щасіе ихъ есть сложное. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить опечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, опецъ образуетъ дѣтей, Ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благопворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству. — Россіяне одарены отъ Природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ муже-

спивомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли — и обра-
щая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ
Россіянь ПЕТРЪ, гдѣ нашла ихъ ЕКА-
ТЕРИНА, смѣло надѣмся, что между
сею блестящею цѣлію и нами скоро не
будетъ уже ни одного Европейскаго на-
рода.

Не желаю бытъ мечтателемъ; но въ
царствованіе АЛЕКСАНДРА могутъ ли
добрыя желанія и папріотическія надеж-
ды бытъ мечтами?

Р. О.

III.

С М Ъ С Ъ.

Славная *возбудительная* теорія Шот-
ландскаго Доктора Брауна (пишутъ изъ
Гемпшингена) нашла въ Германіи ревно-
стныхъ Сектаторовъ. Слѣдуя ей, Медики
опиваживаются на смѣлые способы леченія,
и не рѣдко больные бываютъ ихъ жер-
пвою; но пословица говоритъ, что спа-
сенныхъ освѣщаетъ солнце, а несчаст-
ныхъ скрываетъ земля: *Secunda sol aspicit,*
adversa terra obtegit. Недавно были мы сви-
дѣтелями сцены, произведенной Фана-
тизмомъ сей metody, и достойной пя-
таго - надесять вѣка. Молодой Профес-

соръ Медицины, Г. Каппель, ревностный Брауновъ послѣдователь и любимый студентами за живость и пріятности своихъ лекцій, лечилъ больныхъ эпидемическою горячкою по сей методѣ; къ несчастію они были упрямы, не приняли ея новыхъ благодѣяній и пошли въ землю. Г. Арнеманъ, опытный Докторъ и совсѣмъ не приспособный къ новостямъ, будучи уже не во время призванъ къ умирающимъ, изъявилъ свое негодование молодому Доктору, за то, что онъ вздумалъ дѣлать опыты надъ бѣдными людьми, ни мало не желавшими мученическаго вѣнца. Изъ сего вышла ученая ссора. Студенты вступились за Г. Каппеля, а благоразумные люди за Г. Арнемана; но первые вели наступательную войну, и побѣдили своихъ непріятелей. Собравшись числомъ до чепырехъ сошъ, они вооружились камнями и разбили всѣ стекла въ домѣ Г. Арнемана. Полиція хотѣла разогнать ихъ, но не могла; и храбрые студенты уговорились на другой день взять приступомъ городскую караульню. Начальство послало во всѣ окрестныя мѣста за войсками для возстановленія порядка въ городѣ. Къ вечеру вошелъ Драгунской Ганноверской полкъ; но Брауновы Секшаторы, не смотря на то, атаквали

караульню. Началось сраженіе, и нѣ-
 сколько часовъ Гештингенъ представлялъ
 картину города, взятаго приступомъ.
 Множество студентовъ было ранено, но
 другіе имѣли еще время перебить всѣ
 стекла въ домъ Полицеймейстера. Глав-
 ные изъ бунтовщиковъ должны теперь
 оставить Университетъ и выѣхать изъ
 города; но благоразуміе совѣтовало бы
 взять какія нибудь спрочайшія мѣры,
 чтобы впредь такія испорціи не бесчести-
 ли первой Нѣмецкой Академіи.

Слѣдующій случай достоинъ вниманія
 Медиковъ и Натуралистовъ. Нѣкто Алек-
 сандръ Адерсонъ (пишутъ изъ Лондона
 отъ 22 Мая) на пути изъ Эльджина въ
 Гласговъ, недѣль за шесть передъ симъ,
 зашелъ отдохнуть къ одному земледѣльцу.
 Будучи, какъ думаютъ, или пьянъ или
 не желая обезпокоить хозяина, онъ взду-
 малъ ийти прямо въ сарай и зарылся въ
 солому, такъ что его не лзя было
 видѣть. Къ несчастію работники привезли
 нуда еще нѣсколько возовъ соломы и со-
 всѣмъ закидали бѣднаго Адерсона, который
 пробылъ въ семъ ужасномъ положеніи
 цѣлыя пять недѣль!! Тѣло несчастнаго,
 когда отрыли его, казалось совершеннымъ
 сухимъ оспавомъ. Будучи помѣшенъ

въ умѣ, онѣ не могѣ сказать ни одного вразумительнаго слова, и не владѣлъ ногами. Солома вокругъ его вся исплѣла, а та, которая лежала близъ головы, была изжевана. Пульсъ въ немѣ бился очень слабо, но скоро; кожа была мягка и холодна; глаза казались неподвижными. Выпивъ рюмки двѣ вина, онѣ прищелъ въ себя, могѣ говорить и сказалъ, что помнитъ только, какъ бросали на него солому; а кромѣ сего ничего не знаетъ и не чувствовалъ своего положенія. Думаютъ, что онѣ вдругъ лишился памяти отъ пресѣченія воздуха и сильнаго запаха соломы, и не образумился ни одного разу во всѣ 55 дней, въ которые хощя нѣсколько и дышалъ, но съ великимъ трудомъ, и ципался только одною соломою.

„Хощите ли (говорятъ Издатели Парижскаго Журнала), хощите ли чипать маленькой романъ, въ которомъ все мило и просто, обыкновенно и занимательно, нравоучительно и нескучно, писано безъ упоминательнаго спаранія, но и безъ всякаго небреженія, кромѣ извинительнаго въ легкомъ слогѣ? Хощите ли приключеній спранныхъ, но вѣроятныхъ, характеровъ добродушныхъ, описаній трагическихъ? чипайте *Клару Гортфортъ* (Clara Hartford,

ou la Victime des apparences). Въ ней пред-
ставленъ человекъ, котораго поступки
споюютъ моральнаго трагата, не для
дѣшей, для которыхъ нынѣ всѣ пишутъ,
а для учителей, о которыхъ никто не
думаетъ.“

Въ Парижѣ вышли еще два тома
Комитеской Энциклопедіи, наполненные
всякою всячиною для забавы шѣхъ людей,
которые читаютъ отъ скуки, довольны
малымъ, любятъ говорить много и не
знаютъ, что сказать. Въ *Журналахъ* вы-
писаны изъ сихъ двухъ томовъ разныя
мѣста; переведемъ нѣкоторые.

„Первыя идеи Писателя не рѣдко бы-
ваютъ самыя лучшія. Сокъ, выпекающій
изъ виноградной кисти, вкуснѣе того,
который изъ нее выжимаютъ.“

„Англичанки одѣваются такъ же
легко, какъ и Француженки. Знашная
Лондонская дама, славная прозрачностію
одежды своей, получила однажды при
гостяхъ ящикъ, съ надписью: *уборъ для
вослужи* М. Думая, что это прислано къ
ней изъ модной лавки, она захотѣла по-
казать гостямъ свою обнову; но, открывъ
ящикъ, нашла въ немъ одинъ виноград-
ный листъ, съ запискою отъ своего мужа:
вотъ нужный для васъ подарокъ!“

„Баконъ сказалъ , что дѣпи умножаютъ заботы жизни , но услаждаютъ мысль о смерти.“

„Спросили у славнаго Французскаго Поэпа , что онъ думаетъ о Мильшонѣ ? Ахъ ! отвѣчалъ Поэпъ съ восторгомъ : адскіе разговоры его небесны !“

Для знающихъ Французской языкъ выписываемъ изъ *Монитѣра* слѣдующіе стихи Девонширской Герцогини , присланные ею Аббату Делилю вмѣстѣ съ ея Поэмою : *Сенъ - Готаръ* , которую Делиль перевелъ стихами :

Vous dont la lyre enchanteresse
Unit la force à la douceur ,
De la Nature àmant flatteur ,
Vous qui l'embelissez sans cesse ,
J'ose vous offrir en tremblant
De l'humble pré la fleur nouvelle ;
Si vous acceptez le présent ,
Elle devient une *immortelle*.

Отвѣтъ Делилевъ не такъ щастливъ и милъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Расходы и доходы Французской Республики.

Прежде Бонапарте Французское Правленіе издерживало ежегодно болѣе 600 милліоновъ ливровъ. Бонапарте на первой годъ пребовавль 575 милліона, а на второй 415. Намъ извѣстны только счефы перваго года, по которымъ Читатели наши могутъ судитъ о расходахъ Франціи. Министру Казначейства дано было около 120 милліоновъ.

На жалованіе прежнему Законо-

дапельному Совѣцу	4,000,000
— — Сенату - - -	1,700,000
— — Новому Законода- пельному Совѣцу	2,450,000
— — Трибуналу - - -	1,575,000
— — Архиву - - -	75,000
— — Первому Консулу	500,000
— — Второму и третьему	300,000

На содержаніе Консульскихъ

домовъ - - -	600,000
— тайные расходы -	150,000

На опдѣлку дома для Трибуна- наша и Законодатель- наго Совѣща	500,000
— — Тюльери	300,000.
Самому Министру и на со- держаніе его дома	80,000
На жалованье его подчинен- нымъ	975,000
— Почту	750,000
— непредвидимые расходы	150,000
— уплату общественныхъ долговъ и на пенсіи	100,000,000
Кромѣ нѣкоторыхъ мѣл- кихъ расходовъ, здѣсь не озна- чаемыхъ, — Министру Право- судія около 9 милліоновъ :	
Ему самому и на домъ его	80,000
На жалованье его подчинен- нымъ	317,000
— пересылку законовъ	104,000
— типографію Республики	90,000
— печатаніе Журнала зако- новъ	100,000
— вышній уголовный Три- буналъ	51,5000
— уголовные суды	6,000,000
— жалованье Комисарамъ Правленія при судахъ	1,470,000
— непредвидимые расходы	20,000

Министру Внутреннихъ Дѣлъ 31
милліонъ :

Ему самому и на домъ его	80,000
На жалованье его подчинен- нымъ	1,000,000
— — Префектамъ	3,720,000
— содержаніе бѣдныхъ, боль- ныхъ, природно - глухихъ, плѣнни- ковъ и осужденныхъ	15,000,000
— — общеспвенныхъ зда- ній, минъ, дорогъ, мостовъ (кромѣ шѣхъ денегъ, кото- рыя собираются съ проѣзжихъ)	2,000,000
— открытіе поселянамъ лучшихъ способовъ земле- дѣлія и на ободреніе на- родныхъ Мануфактуръ	1,800,000
— просвѣщеніе народное, на школы, Библіотеки, Му- зеумъ, мѣры и вѣсы, для ободренія Искусствъ и Наукъ	7,000,000
— внутреннее судоходство	500,000
— недвижимые расходы	50,000
Министру Военныхъ дѣлъ 500 милліоновъ:	
Ему, на домъ его и на жало- ванье подчиненнымъ	1,500,000

На провіантъ, мундиры, го- шпипали, квартиры, лагери и проч.	-	110,000,000
— все нужное для кампаніи		57,760 000
— осады	-	5,000,000
— оружіе и аммуницію	-	12,000,000
— укрѣпленія	-	5,200,000
— всѣ военные снаряды		28,000,000
— чрезвычайные расходы ар- міи	-	6,000,000
Для народныхъ Жандармовъ	-	550,000
На непредвидимые расходы	-	300,000
— жалованье	-	94,000,000
Министру морскихъ силъ да- но было 150 милліоновъ.		
— Иностранныхъ дѣлъ 5 милліоновъ:		
Ему и подчиненнымъ его	-	395,000
На Посольства	-	5,000,000
— На курьеровъ, на тайные и случайные расходы		1,600,000
Министру Полиціи 2 милліо- на, 250 тысячъ:		
Ему и подчиненнымъ его	-	1,000,000
На тайные расходы	-	2,250,000
<hr/>		
Жалованья опредѣлено		
Первому Консулу	-	500,000
Второму	-	150,000
Третьему	-	150,000

Каждому Министру	-	50,000
— На домъ	-	50,000
Министру Иностранныхъ дѣлъ	-	75,000
Члену Сенапа	-	25,000
— Консульскаго Совѣща	-	25,000
— Трибунапа	-	15,000
— Законодательнаго Со- вѣща	-	10,000
— Вышняго Уголовнаго Суда	-	10,000
— Главныхъ Судовъ въ боль- шихъ городахъ	-	4,200
Судьѣ нижнихъ Судовъ въ Парижѣ	-	3,000
Мирному Судьѣ въ Парижѣ	-	2,400
— — въ малыхъ округахъ	-	800
Префектамъ въ Парижѣ	-	50,000
Въ большихъ городахъ	-	24,000
Въ другихъ	-	20,000
Главнымъ Почтдиректорамъ	-	12,000
Хранителю лѣсовъ	-	6,000
Первому Секретарю Мини- стра	-	12,000
Главнокомандующему Гене- ралу	-	40,000
Дивизионному	-	18,000
Бригадному	-	12,000
Батальонному Начальнику	-	4,000

Капітану	-	-	2,400
Поручнику	-	-	1,250
Подпоручнику	-	-	1,000
Главному Сержанту	-	-	295
Сержанту	-	-	226
Капралу	-	-	165
Гранадеру	-	-	128
Фузеліру	-	-	110
Барabanцику	-	-	146
Музиканту	-	-	201
Эскадронному Начальнику	-	-	4,000
Кавалерійському Капітану	-	-	2,500
— — Поручнику	-	-	1,450
— — Подпоручнику	-	-	1,150
— — Фурьеру	-	-	274
— — Капралу	-	-	171
Рядовому	-	-	122
Карабинеру	-	-	140
Драгуну	-	-	122
Гусару	-	-	122
Егерю	-	-	122
Квартирмейстеру	-	-	1,400
Инспектору	-	}	8,000
Военному Коммисару	-		
Интенденцу	-	-	-
Виц - Адмиралу	-	-	18,000
Контр - Адмиралу	-	-	12,000
Дивизіонному Начальнику	-	-	7,000
Капітану першого класса	-	-	6,000
— — второго	-	-	5,400

Фрегатному Канитану	-	4,200
Порутчику	-	2,400
Прапорщику	-	1,800
Мапрозу	-	400

Республика имѣетъ доходы отъ налоговъ на земли, дома, папенты, чины, документы всякаго рода, денежные обязательства, судопроизводство, клейменіе золота и серебра, публичныя кареты, бумагу, табакъ, товары, дороги, перевозки, сѣбшныя вещи, привозимыя въ большіе города, и на Теашры. Сверхъ того имѣетъ она доходъ отъ почты, лопшерей, селипры, лѣсовъ, соли, каналовъ и народныхъ земель. Мы означимъ сіи доходы въ прошедшемъ году.

Налоги на земли дають	-	263,000,000
— — Дома и проч.	-	58,000,000
— — Папенты	-	22,000,000
— — Записи, судебныя дѣла и проч.	-	74,000,000
— — Клейменіе золота и серебра	-	404,000
— — Публичныя кареты	-	464,000
— — Штемпель бу- маги	-	18 000,000
— — Табакъ	-	1,422,000
— — Входящіе и выхо- дящіе товары	-	22,860,000

Налоги на дороги	-	10,581,000
— — Перевозы	-	215,000
— — Сѣспные при- насы	-	20,000,000
— — Театры	-	600,000
Доходъ отъ Почты	-	16,000,000
— — Лопшерей	-	11,400,000
— — Пороха и сели- стры (*)	-	600,000
— — Лѣсовъ	-	25,000,000
— — Соли	-	2,200,000
— — Каналовъ	-	1,415,000
— — Народныхъ зе- мель	-	25,000,000
— — Продажи движи- мага обществен- наго имѣнїя	-	3,000,000
— — Продажи народ- ныхъ земель	-	32,000,000
— — Сборовъ въ завое- ванныхъ стра- нахъ	-	12,000,000

Что все вмѣстѣ составляетъ болѣе 600 милліоновъ ливровъ.

(*) То есть, за дозволеніе торговать ими.

II.

Извѣстія и Замѣчанія.

Важнѣйшее происшествіе сего мѣсяца есть свиданіе двухъ сѣверныхъ Монарховъ, котораго предметъ остается тайною не только для любопытства частныхъ людей, но, можетъ быть, и для нѣкоторыхъ Кабинетовъ. Не смѣемъ догадываться; скажемъ только, что Европа, увѣренная въ полипическую мудрости сихъ Вѣнценосцевъ, спокойно ожидаетъ слѣдствій. Мореплавателъ послѣ бури не предается бездѣйствію; онъ исправляетъ сдѣланный ею вредъ кораблю, и моля Небо о благопріятномъ времени, готовится на всѣ случаи. Общій миръ не прерывается дѣятельности Кабинетовъ; чѣобы утвердить тишину Европы, надобно взять мѣры для отвращенія всего, что можетъ быть источникомъ новыхъ несогласій.

Сколь пріятно путешествовать добродѣтельному, и слѣдственно любимому Государю! Вездѣ усердіе и благодарность осыпаютъ Его путь цвѣтами; вездѣ радость на лицахъ и любовь въ сердцахъ; всякой спремится видѣть Того, Кто служилъ отечеству на тронѣ, и не забываетъ въ подданномъ человека; всякой желаетъ хотя однимъ взоромъ признатель-

ности, хопя однимъ восклицаніемъ сердца
изъявить Ему свою чувствительность!...
Путешествіе обоихъ Монарховъ предста-
вляло сѣю прогашельную картину. Мы не
завидуемъ Ихъ шоржеству: щастіе при-
знательности едва ли уступаемъ щастію
благотворителя.

Нынѣшній годъ будетъ памятенъ въ
физической Исторіи Европы. Зимою видѣ-
ли мы страшныя наводненія въ южныхъ
земляхъ, а въ исходѣ весны выпальъ глу-
бокой снѣгъ въ разныхъ мѣстахъ Герма-
нїи, и чрезвычайный холодъ опустошилъ
виноградныя сады въ Шампани и въ дру-
гихъ Французскихъ Департаментлахъ. Въ
Италіанской Республикѣ, въ бывшихъ
Венеціанскихъ обласіяхъ, въ Піемонтѣ,
въ Швейцарїи и въ Германїи были силь-
ныя землепрясенія; въ Брентїи и въ Кре-
монѣ нѣкоторыя зданія разрушились. Сей
внутренній огонь, который свирѣнствуетъ
въ глубокихъ нѣдрахъ земли, не можешъ
ли со временемъ усилився? Бюффонъ
спращаешъ насъ холодомъ, утверждая,
что шаръ земной болѣе и болѣе проспы-
ваетъ внутри, и что внѣшній жаръ солн-
ца будетъ наковедь недосипаточенъ для
плодородія и жизни въ нашемъ мїрѣ; но
другіе (и едва ли не справедливѣе) боят-

ся дѣйствій подземнаго огня и всеобщаго воспаленія — то есть, мы стоимъ между Харибды и Сциллы. Но, кромѣ другихъ физическихъ и моральныхъ бѣдствій, жизнь наша столь кратковременна, что сія мысль едва ли кому нибудь помѣшаетъ заснуть покойно.

Венгерской Сеймъ въ Презбургѣ и первое собраніе Коллегій въ Италіанской Республикѣ должны быть замѣченны политическимъ наблюдателемъ нашего времени. Сеймъ открылся пышно и торжественно. Императоръ предложилъ свои требованія: ему надобны деньги и солдаты. Храбрый и добродушный народъ Венгерскій, который спасъ нѣкогда Марію Терезію, готовъ новыми жертвами доказать свое усердіе къ Австрійскому Дому. — Коллегіи Италіанской Республики собрались и дѣйствовали въ тишинѣ; гдѣ имя и духъ Консула Бонапарте, тамъ исправность и порядокъ. Ценсура, получивъ списки Кандидатовъ, избрала чиновниковъ, и спѣшила уведомить о томъ Бонапарте, который, одобряя выборы, отвѣчалъ, что онъ къ слѣдующему собранію Коллегій надѣется самъ быть въ Италіанской Республикѣ и прожить тамъ мѣсяць. Подобно Римскому Императору Адриану,

Бонапарте хочетъ видѣть собственными глазами народы и земли, которые признають его своимъ начальникомъ. Бордо и Бриссель также ожидаютъ Консула.

Журналы должны упоминать о слухахъ, хотя и невѣроятныхъ. Говорятъ и пишутъ, что Кабинеты Европы занимаются планомъ или утвердить или раздѣлить Турецкую Имперію. Правда, что вѣхій домъ, близкій къ своему разрушенію, долженъ беспокоить сосѣдовъ; но трудно вообразить, чтобы Англія и Франція, не давно утвердивъ торжественно цѣлосіе Турецкихъ владѣній, вздумали или согласились дѣлить ихъ. Султанъ принялъ пракшагъ Амьенской; ратификація и Посолье его въ Парижѣ. Англія едва ли и за самый Египетъ можетъ согласиться, чтобы другія Державы усилились на счетъ Порты. Однимъ словомъ, сей мнимый *общій* планъ кажется газетною выдумкою. Мы еще не знаемъ вѣрно, куда идутъ или пошли Французскія фрегаты и военныя суда изъ Генуи и Ливорны; но цѣлю ихъ не могутъ быть Турецкія владѣнія.

Изъ Лондона.

Любопытное засѣданіе 15 Мая, въ которомъ одинъ Лордъ Гакесбури говорилъ

4 часа, служить еще и теперь предметом разговоров. Противники Министерства не удовлетворили общему ожиданию; они растеряли силы свои в прежних засѣданіяхъ, и въ рѣшительный день не сказали уже ничего новаго и разительнаго. Орапоръ Виндамъ бросалъ стрѣлы свои шомною рукою въ щитъ Миниспровъ. Говоря о Тулонской и Кибронской экспедиціи, онъ сказалъ, что за нихъ взялся опвѣщивоваць бывший Канцлеръ. Питпъ съ жаромъ возразилъ ему, что не должно опкрывать всенародно сказаннаго за тайну въ Кабинетѣ. Виндамъ, не щадя Миниспровъ, не поберегъ и всего Англійскаго народа, говоря, что Якобинцы испортили характеръ и духъ его. „Иначе (примолвилъ онъ) не смѣли бы Журналисты во время войны хвалить нашихъ враговъ и смѣяться надъ Британскими Героями; они радовались побѣдамъ Французовъ, и народъ молчалъ въ то время, когда Его Величества, Король нашъ, ѣхалъ въ церковь благодарить Небо за три славнѣйшія побѣды Англичанъ.“ Самое риторское мѣсто въ рѣчи его было слѣдующее: „Испорія Римскаго властполюбія опкрываетъ намъ тайныя намѣренія Французской Республики. Новые завоеваннели опличаются опъ древнихъ един-

„спвенно тѣмъ, что первые въ десять
 „лѣтъ достигли до высочайшей степени
 „величія, на которую Римляне восходили
 „въ теченіе вѣковъ. Спрашиваю: гдѣ Ев-
 „ропа? ... Однѣ волны Океана служатъ
 „намъ защитою; или, подобно Аѳинскимъ
 „гражданамъ, мы бросимся въ лодку и
 „найдемъ пристанище на берегахъ отпа-
 „ленныхъ!... Безразсудные! мы не имѣемъ
 „и сего утѣшенія! Франція, какъ гроз-
 „ное привидѣніе, вездѣ намъ является съ
 „своими ужасами. Министры отдали наши
 „отдаленныя убѣжища: Мысь Доброй
 „Надежды, Эссеквибо, Демерари, Курасао,
 „Мальту. Куда ни усремляю взоры,
 „вездѣ вижу спрашный фантомъ Фран-
 „цузскаго величія, и смиряюсь въ чув-
 „ствѣ нашего безсилія!“ — Возраженія
 его и Лорда Гренвиля были только повто-
 реніемъ извѣстнаго: „для чего все отдали
 Французамъ? для чего признали Италіян-
 скую Республику, забыли союзниковъ и доз-
 волили Французамъ усиливаться въ Амери-
 кѣ?“ На сіи возраженія отвѣчалъ въ Ниж-
 немъ Парламентѣ Лордъ Такесбури благо-
 разумно, основательно и со всею убѣдитель-
 ною Логикою Министерскаго разума; изоб-
 разилъ положеніе Англіи, оставленной всею
 ми Державами; ея внутреннее состояніе,
 требующее мира; планъ, которому слѣ-

довали Министры въ заключеніи прак-
 шапа — планъ, сообразный съ чеснію на-
 рода Британскаго; согласіе всей Европы
 въ бытіе Италіянской Республики; необ-
 ходимоссть сдержашъ слово, данное Англією,
 возвратитъ Мальшу Ордену; неважносць
 новыхъ Французскихъ прѣобрѣтеній въ
 Америкѣ; вѣроятносць, что Американ-
 скія Области, спрашась силы Францу-
 зовъ, еще иѣснѣе соединятсѣ съ Англи-
 чанами; бесполезносць прежнихъ коммер-
 ческихъ пракшаповъ съ Францією и Гол-
 ландією, которые, по мнѣнію Виндама и
 Гренвиля, надлежало возобновитъ при
 заключеніи мира; невозможносць опнятъ
 у Великобританніи ея торговое первен-
 ство; разореніе Французскихъ Колоній,
 дѣйствище сосояніе Англійскихъ. „Фран-
 „ція, сказалъ онъ, имѣетъ неизмѣри-
 „мая владѣнія, но у насъ болѣе капита-
 „ловъ; а капиталы надежнѣе великаго
 „пространства земли. Властолюбіе Фран-
 „ціи есть дѣйствіе народнаго характера,
 „а не образа правленія. Миръ для насъ
 „выгоднѣе войны; народъ Англійскій же-
 „лалъ его, и мы, подписавъ пракшапъ,
 „исполнили желаніе народа и долгъ Ми-
 „нистровъ.“ — — Въ другое засѣданіе Ми-
 нистръ Аддингтонъ говорилъ еще при
 часа о мирѣ; но въ Верхнемъ Парламентѣ

рипорстествовали одни прошивники: Министръ, Лордъ Пеламъ, спѣчьчаль имъ весьма коротко. Слѣдствіе было одинакое: оба Парламента опредѣлили изъявить Королю благодарности за миръ.

Новѣйшія засѣданія Парламента не представляющъ ничего любопытнаго для иностранцевъ. Споръ о правѣ быковъ подалъ Шеридану случай рассказать нѣсколько жалкихъ анекдотовъ, въ доказательство, какъ люди въ Англіи терзаютъ бѣдныхъ собакъ, прѣучая ихъ къ сей правѣ. Виндамъ и шутъ нашель Якобинство. „Секша Пурипанская, сказалъ онъ, „всегда была врагомъ забавъ народныхъ; ея „духъ есть духъ Якобинства. Мы не „должны слѣдовать такому внушенію. „Пусть народъ веселится сраженіемъ быковъ съ собаками!“ Шериданъ замѣтилъ, что Виндамъ говорилъ о быкахъ гораздо краснорѣчивѣе, нежели о мирѣ. Члены Парламента смѣялись шуткамъ его отъ добраго сердца.

Процессъ одного сельскаго Пастора съ молодымъ дворяниномъ, который прельстиль жену его, былъ на сихъ дняхъ предметомъ общаго вниманія. Славный Эрскинъ, Адвокатъ оскорбленнаго мужа, говорилъ въ судѣ съ великимъ краснорѣчіемъ о жестокости тѣхъ людей, которые

разрушаютъ благополучіе въ семействахъ. Паспоръ, отецъ пяти сыновей, десять лѣтъ жилъ щасливо и любилъ молодаго дворянина какъ своего друга. Адвокатъ сего послѣдняго оправдывалъ его красотою Паспоровой жены и невольною чувствительностію сердца. Но Присяжные, не смотря на то, осудили молодаго человѣка заплатить мужу 7000 фунтовъ стерлинговъ (то есть, 70000 рублей). — Такого роду процессы бывають нынѣ весьма часто въ Англіи. Здѣсь наказываютъ строго не только соблазнительей, но и клеветниковъ. Не давно жена одного богатаго человѣка, уличенная въ злословіи на счетъ сосѣдокъ своихъ, должна была, по осужденію Присяжныхъ, всенародно виниться въ церкви. Такія явленія доказываютъ, что въ Англіи есть нравы.

Наконецъ рѣшено соорудить статую Пиппу, не дожидаясь его смерти. Непрїатели шутятъ и говорятъ, что онъ слишкомъ *худъ* и *тонокъ* для мраморнаго изображенія; что никогда еще рѣзецъ художника не представлялъ такихъ скелетовъ; что дѣйствіе воздуха скоро разрушитъ его статую. Друзья Пипповы отвѣчаютъ, что она безъ сомнѣнія не можетъ быть такъ долговѣчна, какъ память великихъ дѣлъ его. Будучи Мини-

спромъ, онъ не смѣлъ показываться народу, и плашилъ кучерамъ своимъ дорожке обыкновеннаго (ибо они боялись камней, которыми Лондонская чернь встрѣчаетъ и провожаетъ кареты нелюбимыхъ Министровъ): теперь народъ бѣгаетъ за нимъ по улицамъ и кричитъ: *великой Питтъ, здравствуй!*

Изъ Парижа.

Законодательный Корпусъ окончалъ свои чрезвычайныя засѣданія тремя важными декретами: о Почетномъ Легіонѣ, о рабствѣ Негровъ въ Колоніяхъ и новомъ наборѣ солдатъ. Учрежденіе Легіона не нравится Республиканцамъ; и Трибуналы и Законодательный Корпусъ едва согласились на оное: такъ много было черныхъ шаровъ! Республиканцы называютъ сей Легіонъ *дворянскимъ* или *рыцарскимъ*, слѣдственно прошивнымъ Конституціи. „Опличія, говорятъ они, не должны быть вводимы въ Республикѣ.“ Луційанъ Бонапарте отвѣчалъ на всѣ возраженія, основательно и краснорѣчиво. Онъ доказывалъ, что Легіонъ, не имѣя никакихъ особенныхъ гражданскихъ правъ (*), не можетъ

(*) Легіонъ долженъ состоять изъ 6000 человекъ, разделенныхъ на 15 Когортъ; во всякой будетъ 7 Генераловъ, 20 Командоровъ и 30 Офицеровъ.

имѣть сходства съ дворянствомъ ; что онъ учреждается для награды воинскихъ и гражданскихъ заслугъ, и долженъ быть славою народной благодарности; что Республика, не находя способа дать пенсію всѣмъ воинамъ, храбростію своею утвердившимъ ея бытіе, опредѣляетъ чрезъ то вѣрный доходъ копя нѣкоторымъ ; что другимъ остается по крайней мѣрѣ надежда заснупить со временемъ ихъ мѣсто ; что гражданскіе чиновники не менѣе воиновъ презирали опасности, сражаясь съ внутренними непріятелями, и достойны такой же награды ; что Легіонъ не можетъ быть орудіемъ самовластія, ибо Члены его *разсѣяны* : каждый изъ нихъ остается въ своемъ мѣстѣ, или въ арміи, или въ Департаментѣхъ ; и что сіе учрежденіе, однимъ словомъ, есть мысль достойная нынѣшняго Французскаго Правленія. — Талантъ Луціана Бона-

Для жалованья назначаются доходы съ народныхъ имѣній, особенно приписанныхъ къ каждой Когортѣ: Генералу 5000 лировъ въ годъ, Командору 2000, Офицеру 1000, рядовому 250. Управляющій Совѣтъ Легіона будетъ составленъ изъ трехъ Консуловъ и четырехъ Совѣтниковъ. Первый Консулъ есть начальникъ его. Изъ воиновъ Членами Легіона могутъ быть единственно тѣ, которые имѣютъ почетное оружіе, раздаваемое Консуломъ за храбрыя дѣла.

парше давно уже извѣстенъ Европѣ: сія рѣчь прекрасна, какъ сильною Логикою, такъ и цвѣтами риторства. Но отвѣчая противникамъ съ излишнимъ жаромъ, онъ оскорбилъ многихъ. „Слѣдственно мы должны безъ разсужденія на все соглашаться (говорили недовольные), когда за всякое сомнѣніе и противорѣчіе называютъ насъ дерзкими заговорщиками! Для чего же быть Трибуналу и Законодательному Корпусу, когда они не могутъ пользоваться своими правами?“ Увѣряютъ, что многие, которые прежде были согласны на учрежденіе Легіона, положили черные шары за грубости, сказанныя Луціаномъ Бонапарте нѣкоторымъ Членамъ Трибунала. — — Консулы предложили утвердить закономъ, что Негры остаются невольниками во Французскихъ Американскихъ Колоніяхъ, возвращенныхъ Республикѣ Англіею. Сен-Домингская исторія и всѣ злодѣйства Африканцевъ доказали, что они не достойны пользоваться благодѣяніемъ Европейскаго просвѣщенія, то есть свободою — и никто изъ Ораторовъ Трибунала не оспаривалъ сего предложенія. — Новая система рекрутства, утвержденная Законодательнымъ Корпусомъ, дѣлаетъ Французскую армію сильнѣйшею въ Европѣ. Республика опѣ 1791

до 1800 году выслала въ поле 1,186,776 человекъ, кромѣ волонтеровъ; теперь едва ли половина оспаётся въ живыхъ: слѣдственно однѣ Французскія арміи потеряли въ печеніе сей войны болѣе 600,000 человекъ. Теперь Правленіе требуетъ 120,000 рекрутовъ, какъ для дополненія полковъ и бригадъ, такъ и для образованія запаснаго войска, готоваго на всякой случай.

Письмо изъ Парижа.

Въ то время, когда Департаменты съ величайшею радостію утверждаютъ Бонапарте на всю жизнь въ Консульскомъ достоинствѣ, жители Парижа оказываютъ такую холодность и нечувствительность къ судьбѣ своего отечества, которая намъ иностранцамъ не понятна. Книги здѣшнихъ Нотаріусовъ, открытыя для записыванія голосовъ, оспаются бѣлыми. „Вѣрнѣе всего не сказать ни *да*, ни *нѣтъ*, а смотрѣть, что будетъ,“ говорятъ Парижцы. Весьма немногіе жаркіе Республиканцы, подобно Трибуну Карно, объявили торжественно свое несогласіе. Генералы, извѣстные недоброжелатели Консула (на примѣръ Ожеро и Массена), не хотятъ подписываться. О Генералѣ Моро ничего не слышно. Между тѣмъ въ обще-

спвахъ говорятъ опять о заговорахъ, не смотря на объявленіе Министра Фуше, что это не правда, и что для жизни Консула опасны только безмѣрные пруды его. Самая нынѣшняя опшмѣнная дѣяпельность Полиціи, которая во всѣхъ частяхъ города имѣетъ дѣблыя ропы шпюновъ, доказываетъ безпокойство Правленія. Мониторъ опять жалуется на Лондонскихъ Журналистовъ: вѣрный способъ возгордиться ихъ и сдѣлать еще дерзоспнѣе! Англичане въ угожденіе Консулу не перемѣняютъ своего характера: они любятъ пасквили и каррикашуры; это ихъ маленькая слабость, на которую самое Англійское Правленіе смотритъ сквозь пальцы. Увѣряютъ, что друзья Консула хотѣли еще дать ему право избрать себѣ преемника, но что Консульскій Совѣтъ выслушалъ это предложеніе съ видомъ явнаго неудовольствія, и Бонапарте, узнавъ о томъ, прислалъ сказать Совѣту, что онъ не хочетъ сего права. Какъ бы то ни было, но нынѣшнее блестящее состояніе Франціи, подверженное неизвѣстности въ главныхъ полицическихъ отношеніяхъ, не можетъ назваться твердымъ. Бонапарте конечно не для себя хочетъ быть Консуломъ, избраннымъ на всю жизнь; извѣстно, что онъ самъ не

надѣлся житьъ долго; а Сенатъ къ семи годамъ его Консульства прибавлялъ еще десяти — и того ему показалось мало! Я думаю, что онъ хочетъ сдѣлать се до-стоинство и послѣ себя *непремѣннымъ*, считая по необходимымъ для блага Франціи. Выборы бывають эпохою коварныхъ происковъ и волненія; заслуги и добродѣтели не могутъ быть вѣрною порукою для чиновника, что его въ определенное время снова выберутъ. Примѣры Республикѣ доказываютъ, что хитроснѣе не рѣдко одерживаетъ побѣду надъ достоинствомъ. И такъ надежнѣе всего уменьшишь число опасностей, то есть выборовъ, когда уже имя Республики, купленное цѣною крови и безчисленныхъ бѣдствій, непремѣнно того требуетъ. Послѣ Бонапарте, избраннаго на всю жизнь, скорѣе и другаго на всю жизнь выберутъ.

Бонапарте не доволенъ Королемъ Эпру-рійскимъ, за то, что онъ возвратилъ въ Тосканѣ всѣ старинныя права Духовенству, ограниченныя мудрымъ Леопольдомъ, и прислалъ Консулу самую спорогую крипику на Французскій Конкордатъ. Бонапарте, какъ сказываютъ, разсердился; но отослалъ сей манускриптъ въ Національный Архивъ. Рѣчь или *Аллокуція* Его Святѣйшества, напечатанная

въ Монитёрѣ, доказываетъ, что и Папѣ не нравятся органическіе законы Французскаго Духовенства. Онъ надѣялся, что благочестивый Консуль согласится перемѣнить ихъ; но вѣроятно, что надежда обманетъ его: Бонапарте, сдѣлавъ, не любитъ передѣлывать.

Вчера въ Елисейскихъ поляхъ встрѣтился я съ Инвалидомъ Революціи, съ Эксдиректоромъ и Эксконсуломъ Сіесомъ, который шелъ, обнявшись дружески, съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ. Онъ уже теперь не Философъ, нѣкогда скромно жившій въ двухъ комнатахъ и за четыре ливра обѣдавшій у второклассныхъ рестораторовъ: великолѣпіе и лакеи окружаютъ его въ большомъ домѣ, подаренномъ ему Консулами отъ имени народа. Однакожь увѣряютъ, что характеръ Сіесовъ не перемѣнился, и что онъ не любитъ Бонапарте, впрочемъ отдавая справедливоспъ славѣ и талантамъ его. Когда въ Сенатѣ разсуждали объ избраніи Бонапарте на всю жизнь въ Консулы, Сіесъ сказалъ, что Сенаторы не имѣютъ на то права.

Я обѣдалъ нынѣшній день съ молодымъ Швейцарскимъ Патріотомъ, который увѣрялъ меня, что Бонапарте доволенъ

ихъ новою Конспирудіею, и что она утвердится. Я повѣрю этому, когда увижу ее въ Монипёрѣ.

П. П. Наконецъ все совершилось на оспровѣ Сен - Доминго. Сію минушу читаю въ Монипёрѣ слѣдующее телеграфическое увѣдомленіе изъ Бреста : „Адьюпаншъ Генерала Леклера привезъ „извѣстіе, что Туссенъ, Кристофъ и „Дессалинъ покорились Республикѣ.“ Вѣроятно, что это было слѣдствіемъ переговоровъ, и что Леклеръ согласился на требованія Африканскихъ Генераловъ. Скоро узнаемъ всѣ подробности.

VI.

С ж ъ с в.

Думають, что Великимъ Магистромъ Мальтійскаго Ордена будетъ извѣстный Балли Томмази.

Ирландія по сіе время есть театръ безпорядковъ, убійствъ и грабежа. Изъ Дублина пишутъ, между прочимъ, слѣдующее : „Нашу землю можно назвать „теперь самую несчастнѣйшею въ Европѣ. „Не проходитъ дня, въ которой бы мы „не видали или не слышали чего нибудь

„ужаснаго. Правленіе имѣеть множе-
 „ство непріятелей, и полиція, употреб-
 „ляя спрожайшія средства, не можешь
 „ушвердить общей безопасности. Народъ
 „въ оспервененіи, и Мораль съ Религією
 „забыты.“

Изъ Гишпаніи пишушь, что въ га-
 вани ея безпрестанно приходятъ корабли
 съ серебромъ и съ золотомъ.

Въ Лиссабонѣ наконецъ заведена по-
 лиція. Жители сперва никакъ не хошѣ-
 ли того.

Никогда не бывало въ Лондонѣ столь-
 ко маскарадовъ, какъ нынѣ. Всѣ обще-
 ства и Клубы даютъ ихъ, изъясняя ра-
 дость свою о мирѣ. Члены Ирландскаго
 Клуба издержали 5000 фунтовъ спер-
 линговъ на данный ими праздникъ. „Всѣ
 сіи блестящія собранія и маскарады
 (говоритъ одинъ Журналистъ) кончап-
 ся, подобно феерверку, мрачностію и
 безмолвіемъ. Черезъ нѣсколько дней Лон-
 донъ опустѣеть, и всѣ разѣдупся по
 деревнямъ.“

Наслѣдный Неаполишанскій Принцъ,
 который женился въ Барселонѣ на Гиш-
 панской Принцессѣ Изабеллѣ, есть любез-
 нѣйшій молодой человекъ въ своемъ Коро-
 левствѣ; уменъ, добродушенъ и не пер-
 пить Министра Акшона.

Англія и Франція, не смотря на миръ, все еще не имѣютъ никакой связи по торговлѣ. Французы не впускаютъ къ себѣ Англійскихъ товаровъ: Англичане плашутъ имъ и тѣмъ же, и хопятъ опказаться даже отъ самыхъ Французскихъ винъ. Журналисты называютъ сіе упрямымъ таможенною войною.

Конецъ третьей Части.

О Г Л А В Л Е Н И Е
Т Р Е Т Ь Е Й Ч А С Т И.

М А Й № 9.

	Стран.
I. Все на бѣдѣ, <i>Исторія Эмигранта. (Окончаніе.)</i> -	3
II. <i>Описаніе Вѣны.</i> - -	35
III. <i>Обращенный скупецъ.</i> -	44
IV. <i>Путешествіе въ Шницбергенъ.</i>	49
V. <i>Смѣсь.</i> - -	54
VI. <i>О книжной торговлѣ и любви ко чтенію въ Россіи.</i> -	57
VII. <i>Письмо изъ Парижа.</i> -	65
VIII. <i>Торжественное возстановленіе Католической Религій во Франціи.</i>	77
IX. <i>Извѣстія.</i> - -	94

I. Путешествіе Аббата Вартелеми въ Итали.	-	-	103
II. Воздушные шары.	-	-	119
III. Нѣкоторыя любопытныя черты характера Людовика XVI и Ко- ролевы Марии Антуанеты.	-	-	124
IV. Письмо одного изъ Французскихъ ученыхъ, бывшихъ въ Египтѣ.	-	-	134
V. Руская честность.	-	-	139
VI. Критика.	-	-	143
VII. Нѣчто о Венеціи при ея паденіи.	-	-	147
VIII. Первое торжественное молебствіе Французскаго народа въ присут- ствіи Консуловъ и всѣхъ Властей.	-	-	155
IX. Собраніе Государственныхъ Чинновъ въ Сицили.	-	-	159
X. О Голландіи.	-	-	169
XI. Письмо изъ Парижа.	-	-	171
XII. Извѣстія и замѣчанія.	-	-	177
XIII. Свиданіе Гуссеня Лувертюра съ дѣтми его.	-	-	188

І Ю Н Ъ № 11.

	Стран.
I. Вольнодумство и набожность.	- 193
II. Мысли объ единеніи.	- 227
III. О новыхъ путешественникахъ.	- 233
IV. Смѣсь.	- 236
V. Новое сочиненіе Шато-Бриана.	242
VI. О Республикѣ Италіанской и политическомъ равновѣсіи Европы.	245
VII. Извлеченіе изъ переписки тайныхъ Агентовъ Людовика XVIII, недавно обнаруженной Французскимъ Правительствомъ.	- 253
VIII. Извѣстія.	- 259

	Стран.
I. Волюнѣдужство и набожность. (Окончаніе.)	281
II. Приятныя виды, надежды и желанія нынѣшняго времени.	314
III. Слѣсъ.	331
IV. Расходы и доходы Французской Республики.	335
V. Известія и Замѣчанія.	345
VI. Слѣсъ.	361
